

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ФИЛОСОФИЯ**

2017 Том 21 № 3

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3

<http://journals.rudn.ru/philosophy>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61270 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Н.С. Кирабаев, доктор филос. наук,
профессор, РУДН, Россия

E-mail: kirabaev_ns@rudn.university

Ответственный секретарь

А.В. Марцева, кандидат филос. наук,
РУДН, Россия

E-mail: martseva_av@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Автономова Наталия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, ИФРАН, Россия

Аль-Джанаби Матем Мухаммед, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия

Гнатик Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия

Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

Марвин Ф. Зайед, профессор, главный редактор журнала «Journal of Brave Minds», Канада

Найдыш Вячеслав Михайлович, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия

Павленко Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор, ИФРАН, Россия

Пуллен Жак, PhD (Philosophy), профессор, Париж 8, Франция

Пеху Рузана Владимировна, кандидат философских наук, доцент, РУДН, Россия

Степанянц Мариэтта Тиграновна, доктор философских наук, профессор, ИФРАН, Россия

Глостанова Мадина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Университет Линчёпинг, Швеция

Форнет-Бетанкур Рауль, PhD (Philosophy), профессор, президент Общества интеркультурной философии, Германия

Цвык Владимир Анатольевич, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ФИЛОСОФИЯ

ISSN 2408-8900 (online); 2313-2302 (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия* — периодическое международное рецензируемое научное издание. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цель журнала — осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными специалистами в области философии, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных философских проблем и освещение научной деятельности профессионального научного сообщества.

На протяжении многих лет наше издание публикует статьи крупнейших российских и мировых ученых в области истории философии, онтологии, эпистемологии, социальной философии, этики и др. Кроме того, редакционная политика журнала предполагает активную поддержку молодых талантливых ученых из разных стран. Уникальный опыт и традиции философской школы РУДН находят свое отражение в приоритетном исследовательском направлении журнала — философской компаративистике. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Основные рубрики журнала: история восточной философии, история европейской философии, история отечественной философии, история современной философии, философия и наука, философия культуры, философия языка и литературы, математическая логика, биоэтика профессиональная этика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/philosophy>.

Электронный адрес: philosj@rudn.university.

Редактор: *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: philosj@rudn.university

Подписано в печать 20.08.2017. Выход в свет 28.08.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,58. Тираж 500 экз. Заказ № 808. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2017 VOLUME 21 No. 3

<http://journals.rudn.ru/philosophy>

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Nur Kirabaev

RUDN University, Russia

E-mail: kirabaev_ns@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Anna Martseva

RUDN University, Russia

E-mail: martseva_av@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Avtonomova N.S., D.Sc. in Philosophy, full professor, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Russia

Al-Janabi M.M., D.Sc. in Philosophy, full professor, RUDN University, Russia

Gnatik E.N., D.Sc. in Philosophy, full professor, RUDN University, Russia

Maslin M.A., D.Sc. in Philosophy, full professor, Lomonosov Moscow State University, Russia

Marvin F. Zayed, chair of DiaHumanism Institute, editor-in-chief of the Journal of Brave Minds, Canada

Najdysh V.M., D.Sc. in Philosophy, full professor, RUDN University, Russia

Nizhnikov S.A., D.Sc. in Philosophy, full professor, Russia

Pavlenko A.N., D.Sc. in Philosophy, full professor, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Russia

Jacques Poulain, Ph.D. in Philosophy, professor, Paris VIII University, France

Pshu R.V., Ph.D. in Philosophy, associate professor, RUDN University, Russia

Stepanyants M.T., D.Sc. in Philosophy, full professor, Honored Scholar of the Russian Federation, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Russia

Tlostanova M.V., D.Sc. in Philology, full professor, Linköping University, Sweden

Fornet y Betancourt Raúl, Ph.D. in Philosophy, full professor, Institute of The Catholic Theology, Germany

Tsvyk V.A., D.Sc. in Philosophy, full professor, RUDN University, Russia

RUDN JOURNAL OF PHILOSOPHY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2408-8900 (online); 2313-2302 (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, German, French, Spanish

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Philosophy is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Philosophy. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international researchers, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of Philosophy.

For many years, the journal has been a space to feature the best research of the leading Russian and international scholars in the fields of History of Philosophy, Ontology, Theory of Knowledge, Social Philosophy and other areas. Our editorial policy also involves a strong support of young talented scientists throughout the world. The unique experience and traditions of the school of philosophical thought of RUDN University are embodied in philosophical comparativism, which is the top-priority research area of the journal.

General Journal Sections: *History of Eastern Philosophy, History of Western Philosophy, History of Russian Philosophy, History of Modern Philosophy, Philosophy of Language And Literature, Ontology and Epistemology, Mathematical Logic, Philosophy and Sciences, Philosophy of Culture, Professional Ethics, Bioethics.*

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/philosophy>

E-mail: philosj@rudn.university

Editor K.V. Zenkin
Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:
10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: philosj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "RUDN University"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	291
ВНЕ ВРЕМЕНИ: ЭТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ	
Цвык В.А. Проблема добра и зла в философии И.А. Ильина	293
Сычёв А.А. Эволюция представлений о достоинстве в истории этической мысли	305
Ларионов И.Ю., Тарасова А.В. Влияние моральных дилемм на трансформацию категорического императива И. Канта	314
Косорукова А.А. Моральный выбор как основа понимания морали (на примере идей С. Кьеркегора и Ф. Ницше)	323
ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО	
Пороховская Т.И. Этика прав человека и этика справедливости	330
Моисеенко В.И. Нравственный феномен служения	338
Mukhametzhanova V.S. Ethics of the civil service (Мухаметжанова В.С. Этика государственной службы)	346
Сазонова А.А. Ценностные основания российского электорального дискурса	353
ЭТИКА БИЗНЕСА	
Разин А.В. Этика бизнеса как этика добродетелей	361
Саввина О.В. Отношение к дизайну Стива Джобса: этический аспект	371
ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Цвык И.В. Современные компьютерные технологии в образовании: этический аспект	379
Lapshin I.Y. Modern corporate universities: ethical threats and ethical hopes (Лапшин И.Е. Современные корпоративные университеты: этические угрозы и этические надежды)	389
ПРОБА ПЕРА	
Mikaelyan S.V. Ethics of age: youth and prospects of immortality (Микаелян С.В. Этические аспекты возраста: молодость и перспективы бессмертия)	396
Якушев Л.В. Этические аспекты преодоления последствий классических военных конфликтов	401
Глазов А.Ю. Лидер как транслятор этических принципов в менеджменте	407
Чжан Жуньмэй. Особенности восприятия идей Ф.М. Достоевского в Китае	411
	289

CONTENTS

Editorial note	291
BEYOND TIME: ETHICAL CATEGORIES	
Tsvyk V.A. The problem of Good and Evil in the philosophy of I.A. Ilyin	293
Sychev A.A. Evolution of the concept of dignity in the history of ethics	305
Larionov I.Y., Tarasova A.V. The influence of moral dilemmas upon the transformation of the Kant's categorical imperative	314
Kosorukova A.A. Moral choice as the basis for understanding morality (regarding ideas of S. Kierkegaard and F. Nietzsche)	323
PERSON. SOCIETY. GOVERNMENT	
Porokhovskaya T.I. Ethics of human rights and ethics of justice	330
Moiseenko M.V. The moral phenomenon of service	338
Mukhametzhanova V.S. Ethics of the civil service	346
Sazonova A.A. Value foundations of Russian electoral discourse	353
BUSINESS ETHICS	
Razin A.V. Business ethics as ethics of virtue	361
Savvina O.V. Steve Jobs' understanding of design: ethical dimension	371
EDUCATION IN THE CONTEMPORARY WORLD	
Tsvyk I.V. Computer technologies in the contemporary educational process: the ethical aspects	379
Lapshin I.Y. Modern corporate universities: ethical threats and ethical hopes	389
OUR DEBUTES	
Mikaelyan S.V. Ethics of age: youth and prospects of immortality	396
Yakushev L.V. Ethical aspects of overcoming classical armed conflicts' consequences	401
Glazov A.Y. Leader as an expounder of ethical principles in management	407
Zhang Runmei. The peculiarity of the perception of views and ideas F.M. Dostoevsky in China	411

ОТ РЕДАКЦИИ

Вниманию читателей предлагается выпуск журнала Вестник РУДН: серия «Философия», посвященный этическим проблемам современности. Это уже пятый выпуск журнала, который был подготовлен кафедрой этики РУДН.

Номер состоит из четырех разделов и начинается с работ, в центре рассмотрения которых — этические категории, которые составляют важнейший предмет этико-философской рефлексии. Открывает раздел статья В.А. Цвыка о проблеме добра и зла в философии И.А. Ильина. Категории добра и зла всегда находились в центре внимания выдающегося русского философа. Внимание читателя привлечет острая, не теряющая актуальности и в наши дни, постановка Ильиным вопроса о моральной оправданности, условиях и границах использования насильственных средств для искоренения морального и социального зла. Статья А.А. Сычёва обращается к категории достоинства, демонстрирует многогранность этого понятия и его эволюцию в философской мысли. В исследовании И.Ю. Ларионова и А.В. Тарасовой «Влияние моральных дилемм на трансформацию категорического императива И. Канта» отмечается, что деонтологическая этика может служить ориентиром при решении современных моральных дилемм, и предлагается введение категории ответственности для осуществления этой задачи. А.А. Косорукова в своей статье обращается к проблеме морального выбора и анализирует идеи С. Кьеркегора и Ф. Ницше.

Второй раздел посвящен этическим идеалам и ценностям, связанным с патриотизмом, государственной идеологией и служению обществу и государству. В работе Т.И. Пороховской рассматривается этика прав человека и показаны ее основные недостатки. М.В. Моисеенко в своей статье раскрывает грани патриотизма и рассказывает о воспитании патриотизма у студенческой молодежи в стенах РУДН. Исследование В.С. Мухаметжановой освещает проблемы этики государственных служащих, показывает важность этических установок в данной сфере. Завершает раздел статья А.А. Сазоновой о ценностных основаниях российского электорального дискурса.

Этика бизнеса занимает третий раздел номера и начинается с исследования А.В. Разина «Этика бизнеса как этика добродетелей». Автор рассматривает концепции добродетели в применении к современной прикладной этике, в частности — к этике бизнеса. Статья Саввиной О.В. демонстрирует отношение к дизайну Стива Джобса и его творческий путь. Дизайн для него имеет не только эстетическую ценность, но выражает этические ценности.

Последний раздел не менее важен, чем остальные, и называется «Образование в современном мире». Вызовы современности, с которыми приходится иметь дело образовательным системам, во многом изменяют этические ценности и принципы, формировавшиеся веками. Статья И.В. Цвык показывает, как компьютерные технологии в образовании ставят новые этические проблемы и обостряют старые.

Традиционные отношения учитель—ученик ввиду внедрения компьютерных технологий вынуждены видоизменяться. В исследовании И.Е. Лапшина рассматривается преподавание и понимание этики в рамках экономического образования и в бизнес-школах. Автор показывает, что в этой сфере возникает больше вопросов, чем ответов, а практика преподавания этических дисциплин еще слишком молода.

Рубрика «Проба пера» содержит исследования молодых, но перспективных философов. В этом году в рубрику попали четыре статьи: работа С.В. Микаеляна о возрастной этике — мало исследованной проблематике, статья Л.В. Якушева об этических аспектах преодоления последствий классических военных конфликтов, статья А.Ю. Глазова о важности этических принципов лидера, и, наконец, статья Чжан Жуньмэй об особенностях восприятия идей Ф.М. Достоевского в Китае.

ВНЕ ВРЕМЕНИ: ЭТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-293-304

ПРОБЛЕМА ДОБРА И ЗЛА В ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА

В.А. ЦВЫК

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Статья посвящена исследованию и анализу этической концепции И.А. Ильина — учения о сущности и природе добра и зла, средствах противостояния злу. В русской философии начала XX в. избавление мира от зла объявлялось основной задачей человечества. Поэтому в учениях наиболее крупных философов этого периода попытки решить проблему добра и зла часто выражаются в стремлении определить зло, найти его истоки, указать человечеству пути и методы борьбы с ним. В творческом наследии выдающегося русского философа Ивана Александровича Ильина важное место занимает исследование вопроса о природе добра и зла, о происхождении зла, а главное, о методах борьбы с ним. Этика Ильина очень актуальна, она представляет интерес для современного читателя именно тем, что в ней воплощен его личный духовно-нравственный опыт. Объективность и научность подхода к ее изучению исключает возможность ее однозначной оценки. С одной стороны, современная действительность и социальное бытие первого десятилетия XXI в. по-прежнему говорит о праве человека на применение силы в борьбе со злом. С другой стороны, все более понятным становится факт, что путь к добру лежит вне любых насильственных действий. Вне ненасильственной перспективы невозможно дальнейшее развитие человеческой цивилизации, как в плане межличностных отношений, так и на уровне межгосударственных связей и мировой политики.

Ключевые слова: И.А. Ильин, этика, добро, зло, нравственность, духовность

Проблема добра и зла, их взаимоотношение является одной из важнейших проблем человеческого бытия. С того времени, когда люди научились различать добро и зло, мы ведем отсчет существования нравственности. Мораль как сфера общественной жизни и феномен культуры базируется на противопоставлении добра и зла: все должное, заложенное в нравственных нормах, характеризуется как доброе; все запретное — как злое. В понятиях добра и зла человеку раскрывается противоречивость его существования. Жизнь есть постоянное взаимодействие добра и зла. Не только частная жизнь, но и существование всего человечества характеризуется напряженной борьбой добрых и злых сил. Любой человек, хочет он того или нет, живет либо преодолевая, либо избегая, либо совершая добрые или злые поступки.

В истории философии и в этике проблема добра и зла исследована весьма многосторонне, сделаны попытки дать определения этим понятиям, проанализировать их, найти источники зла, наметить пути борьбы с ним, пути приближения

к добру. В истории этики существовало множество попыток ответить на вопрос о том, что есть добро и зло. В зависимости от ответа на этот вопрос выделяются различные направления этической мысли. Такими наиболее характерными направлениями были гедонизм, представители которого связывали понятие о добре и зле с удовольствиями и наслаждениями человека; эвдемонизм, где добро понималось как основание для человеческого счастья; утилитаризм и прагматизм, где добро понималось как польза, а зло — как вред. Теологические концепции связывали добро с проявлением божественной Воли, рационалистические выводили зло из неразумности отдельных людей, не понимающих идею добра, натуралистические теории связывали добро и зло с естественной природой человека.

Категория добра включает в себе наиболее общую положительную оценку всего, что определяется понятием нравственного. В этом смысле добро тождественно понятию нравственного и раскрывается через свою противоположность — категорию зла, синоним безнравственного, отрицательного, осуждаемого и неприемлемого. Зло всегда рассматривалось как антипод добра, причем не просто его отсутствие, а именно то, что ему противоречит, противостоит добру. Современные отечественные философы развивали диалектическое понимание добра и зла, выводя их из противоречивости человеческой природы, наличия в ней противоположности, отмечали, что зло предполагает добро через свое отрицание.

Понятие зла является одним из наиболее сложных и трудноопределимых, хотя вопрос о сущности и происхождении зла — это один из так называемых «вечных вопросов». На протяжении всего существования философии было написано огромное множество трактатов о природе зла, возможностях и средствах борьбы с ним. Особенно актуальной проблема зла стала во второй половине XX — начале XXI в. в связи с экономическими и социальными последствиями двух мировых войн, социальными катаклизмами, глобальными проблемами современности, стихийными бедствиями, эпидемиями, но главное, тем духовным кризисом, в который оказалось ввергнуто человечество, — смена моральных приоритетов, разрушение личности. А.П. Скрипник дает следующее определение зла: «Злом оказывается такое взаимоотношение противоположностей, которое имеет разрушительное значение для человека (его души, тела, среды обитания) и человечества...». В соответствии с этим он выделяет следующие типы зла: во-первых, *зло физическое*, когда человеческие судьбы и взаимоотношения разрушаются под воздействием стихийных сил природы; во-вторых, *социальное зло*, если внешний и внутренний мир человека рушится под воздействием объективных общественных процессов; и наконец, в-третьих, *моральное зло*, которое коренится в человеческой субъективности и индивидуальности. «Это такое употребление специфических личностных способностей (прежде всего, сознания и воли), которое направлено на разрушение человека и очеловеченного мира. В феномене морального зла происходит самоуничтожение человеческого в человеке, дегуманизация людей» [6. С. 11]. Разные способы отношения человека к миру высвечивают различные стороны зла. В эмоциональном плане зло часто выступает как страдание или страх, как неприятное, вызывающее отвращение. В утилитарном отношении оно приобретает облик вреда, то есть того, что препятствует достижению цели. Для

эстетического созерцания зло выступает как безобразное, уродливое, как предметы, лишенные внутренней гармонии.

Добро обобщенно включает в себя содержание всей совокупности норм, принципов морали общества в целом, выступает как нравственное основание справедливости, долга, чести, счастья. Объективный критерий добра лежит в области гармонизации интересов личности и общества, воплощен в принципах коллективизма и гуманизма. Ценность добра состоит в его осуществлении, в способности человека не просто различать добро и зло, но и действовать во имя добра. Понятие добра выступает не только как характеристика действия, но и как совокупность всех нравственно приемлемых положительных норм и требований морали. Понятие добра выступает в этом качестве как положительная оценка общественных явлений, отвечающая интересам всестороннего развития личности.

Несмотря на актуальность проблемы определения добра и зла, богатый философский опыт ее изучения, раскрытие сущности этих понятий продолжает оставаться одной из задач современной этики.

В русской философии второй половины XIX — середины XX в. избавление мира от зла объявляется основной задачей человечества. Поэтому в учениях наиболее крупных философов этого периода попытки решить проблему добра и зла часто выражаются в стремлении определить зло, найти его истоки, указать человечеству пути и методы борьбы с ним. В творческом наследии выдающегося русского философа Ивана Александровича Ильина важное место занимает исследование вопроса о природе добра и зла, о происхождении зла, а главное, о методах борьбы с ним.

Главным в моральной философии Ильина является обоснование необходимости борьбы со злом и детальная разработка методов этой борьбы. В работе «О сопротивлении злу силою» (1924) Ильин изложил свое видение сущности добра и зла, развил концепцию борьбы со злом, обосновал возможности и необходимости такой борьбы и определение ее средств. Проблему сопротивления злу, борьбы с ним, как справедливо отмечает сам Ильин, невозможно не только решить, но и правильно сформулировать, не определив сначала природу и сущность добра и зла. Понятие зла в этике всегда рассматривалось в противопоставлении добру.

Для Ильина, так же, как и для другого выдающегося русского философа Н.А. Бердяева, идея добра и зла неприменима к материальной природе. Он признает, что природные бедствия могут развязать зло в человеческих душах, однако же эти силы могут вызвать и обратный процесс: духовное очищение, укрепление в добре. Поэтому он полагает, что мир природы сам по себе не является ни добром, ни злом. Сфера действия добра и зла — это внутренний мир человека: «Зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело, во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир — это истинное местонахождение добра и зла» [1. С. 13]. Отсюда следует, что никакое внешнее действие человека, взятое отдельно от породившего душевно-духовного состояния, не может быть ни добрым, ни злым. Любой внеш-

ний поступок может быть только проявлением, обнаружением внутреннего добра или зла.

При определении философом сущности добра и зла ключевым является его понимание духовности. Проблема духовности не теряет своей актуальности и в современном обществе [3. С. 96].

Мысль о необходимости и нравственной ценности духовности человека проходит через все творчество Ильина. Философ не отождествляет дух с душой человека, напротив, он различает эти понятия, отмечая, что душа — это весь поток внутренних переживаний человека, во всем его объеме и разнообразии, а дух — особое состояние души, когда она устремляется к высшему благу, обращается к своим глубинным слоям, устремляется к добру.

Добро и зло определяются Ильиным через наличие или отсутствие двух сочетающихся признаков: любви и одухотворения. Добро он понимает как «одухотворенную любовь», а зло как «противодуховную вражду». Таким образом, добро раскрывается им при помощи понятий любви, духовности, совершенства. Согласно его религиозным воззрениям, объективное совершенство — это Бог, а человек духовен только тогда и постольку, когда он добровольно и активно стремится к Богу [4]. Таким образом, добро оказывается исключительно религиозно, так как состоит в преданности Божеству. Зло же, в подобном понимании его, есть антипод добра, и заключается в отвращении от Божественного.

Утвердив подобное понимание зла, Ильин специально оговаривает, что зло нельзя понимать абстрактно: зло не пустое слово, не отвлеченное понятие, не некая гипотетическая возможность. Зло конкретно, оно реально присутствует в жизни людей. Причем подлинное, реальное зло для Ильина — вовсе не бедствия или страдания. Он решительно выступает против гедонистического понимания зла как всего неприятного, вызывающего страдания. Реальное зло философ понимает как злую человеческую волю, проявляющуюся во внешнем деянии.

Итак, местонахождение зла у Ильина — душевно-духовный мир человека. Более точное указание на нахождение зла философ дает, подчеркивая, что зло находится в душе человека. Зло может находиться в душе человека как антипод духовности, поэтому оно противодуховно по своей сути. Ильин не отрицает возможность существования бездуховной души. Именно такая душа, лишённая духовного начала как источника и орудия божественного откровения, является местонахождением зла.

Таким образом, Ильин придерживается точки зрения на зло как принадлежность миру человеческой субъективности. Но для полного раскрытия сущности зла необходимо не только указать его расположение, но, главным образом, объяснить его причину, раскрыть его природу, показать, откуда и почему появляется зло как душевная склонность, «присущая каждому человеку». Основную причину зла он видит в трагической противоречивости человеческого бытия, в том, что «слабые» люди не выдерживают этой трагичной жизни и отвращаются от Бога. Трагизм человеческой жизни философ видит в неразрешенности основных проблем бытия человека. Одна из главных проблем, наиболее ярко выражающая про-

тиворечивость человеческого существования, — это тройственная, телесно-душевно-духовная природа человека. Человек устроен так, что легче всего ему удается удовлетворение телесных потребностей и наслаждение, а труднее всего — воля к духовному совершенству. Но идеи аскетизма о «борении» с плотью, по мнению Ильина, могут достигнуть определенных успехов, но в конечном итоге обречены на неудачу, поскольку невозможно полностью отрешиться от плоти, тело не только обременяет дух, но и несет и питает его. Духу в его свободных проявлениях, в устремлении к добру, необходимы и тело, и душа. Разрешение этого противоречия, этой трагедии человеческого бытия философ видит в правильном религиозном и нравственном опыте, заключающемся в приятии и одухотворении души и тела. Неправильное же взаимоотношение этих трех сторон человеческой природы ведет к духовной слабости человека и обуславливает развитие злой воли [10. С. 660].

Другой трагедией человеческой жизни, ослабляющей дух человека в его стремлении к добру, Ильин считает невозможность полного слияния человека с Богом в земной жизни. Человек наделен волей к совершенству, но чем духовно богаче становится его душа, тем больше он удостоверяется в своем несовершенстве. Философ считает, что эта трагедия неразрешима с точки зрения того, что личная жизнь человека заканчивается с его смертью. Как христианский мыслитель, Ильин видит разрешение этой проблемы в возможности слияния с Богом в его посмертной жизни.

Наконец, третьей трагедией человека, косвенным образом порождающей зло, Ильин считает «дискретность», то есть разъединенность, разрозненность человеческого существования. Такое понимание разделенности и разобщенности людей как явления, способствующего проявлениям злой воли, близко пониманию зла В.С. Соловьевым, как распадение созданного Богом единого мира на частности. По Соловьеву, путь к абсолютному добру лежит через «собрание» Вселенной, а это возможно лишь в результате Всеединства (как единства многообразия) [9. С. 87].

Однако подобная людская разобщенность у Ильина не исключает из реальной совместной жизни, поскольку все люди — независимо от того, желают они этого или нет — связаны друг с другом всеобщей взаимной связью в добре и во зле. Следствием всеобщей взаимосвязанности людей через общение является то, что зло сохраняет свое бытие и свою силу даже когда оно не проявляется ни в каких внешних поступках, «...оно продолжает жить и размножаться, отравляя и душу носящую, и душу, воспринимающую его в отражении» [2. 5. С. 159].

Итогом рассуждений Ильина о происхождении и сущности добра и зла, его понимания добра как сосредоточия высшей нравственности и духовности, а зла как «отвращенности от Божественного», «противодуховной вражды», является его вывод о принципиальной исключительной вредности зла, заключающейся в разрушении внутреннего мира человека, осквернении его духовности. Вредны и опасны для человека исключительно все проявления зла, будь то физическое насилие или качественное извращение и разложение духовности человека. Даже

непроявленное вовне зло, существующее в потенции как злая воля отдельного человека, может произвольно заразить душу другого, тем самым осуществить развращение души.

Главным выводом учения о зле Ильина является провозглашенная им необходимость и моральная обязанность борьбы со злом, причем не столько со злом в его внешних проявлениях, сколько со злой волей, укоренившейся в человеческих душах. Для него не подлежит сомнению, что отказ от сопротивления злу означает принятие зла. Как он справедливо отмечает, человек, не сопротивляющийся злу, воздерживается и от порицания его.

Призыв Ильина к сопротивлению злу является закономерным следствием общего строя его мыслей. Объявив основной задачей человека совершенствование своего духа, стремления к добру, он главным препятствием, которое должен одолеть человек на этом пути, считает зло (в своем понимании). Поэтому проблема борьбы со злом: ее сущность, методы и средства являются у философа не только этической, но и основной онтологической проблемой [8. С. 44].

Таким образом, вопрос о методах и средствах борьбы со злом является центральным во всем философском творчестве Ильина. Определив борьбу со злом как нравственную и духовную задачу каждого человека, он пытается решить и одну из важнейших проблем этики и всего человеческого бытия, — проблему допустимости применения силы в борьбе со злом.

Основные взгляды философа на эту тему концентрированно изложены им в работе «О сопротивлении злу силою», однако к этому вопросу он обращался и в других своих произведениях — «Духовный смысл войны» (1915), «Аксиомы религиозного опыта» (1953), «Путь к очевидности» (1957), «О сущности правосознания» (1956).

Основная позиция Ильина заключается в том, что применение силы в борьбе со злом он рассматривает как вполне допустимое в определенных строго оговоренных ситуациях и обстоятельствах, когда все другие — ненасильственные, религиозные, духовно-нравственные — средства исчерпаны либо их вообще невозможно применить. Однако подобное применение принуждения философ не возводит в ранг моральной добродетели. Применение силы, с его точки зрения, является делом несправедным, но реальное жизненное бытие таково, что в определенных критических ситуациях противостоять злу может только сила. И в этом заключается трагедия человеческого бытия. Ильин считает основной задачей философа-моралиста помочь людям ориентироваться в многообразии конкретных ситуаций жизненной реальности. Но при этом не навязывает какой-либо одной модели поведения при встрече со злом.

Позитивное решение проблемы преодоления морального зла Ильиным основывается на принципиальном различии им понятий «заставление», «насилие», «принуждение», «понуждение», «пресечение».

В первую очередь Ильин раскрывает понятие «заставление», определяет его сущность и виды и отграничивает его от понятия «насилие». Заставление он определяет как «...наложение воли на внутренний или внешний состав человека, ко-

торое обращается не к духовному видению и любовному приятию заставляемой души непосредственно, а пытается понудить ее или пресечь ее деятельность» [1. С. 17].

В таком понимании заставление отличается от свободного убеждения — такого состояния души человека, которое возникает свободно вследствие восприятия обращения другого к его совести, любви. Причем заставление Ильин не только не отождествляет, но и прямо противопоставляет насилию. Само понятие заставления он вводит в свою философию для того, чтобы доказать, что не всякое воздействие на волю человека есть насилие. В истории философии и этики за термином «насилие» закрепилось отрицательное значение — как произвольного недозволенного и возмутительного деяния, направленного на разрушение человеческой личности. Ильин вводит понятие «заставление», которое в его философии гораздо шире по смыслу, чем насилие. Насилием же он обозначает так называемое «предосудительное» заставление, которое он определяет как исходящее от злой души и направленное на зло. Соответственно, заставление, которое исходит от доброжелательной души и служащее для укрепления духовности человека, не есть насилие, и такое заставление философ считает морально оправданным.

Как можно более точная и четкая разработка понятия заставления, выделение его различных видов является одной из важнейших задач Ильина. Так, он выделяет «самозаставление» и «заставление других» в зависимости от того, заставляет ли себя человек сам или это происходит в общении двух или многих людей. Кроме того, заставление, по его мнению, может выражаться как воздействие на мотивы поведения (приказ, запрет, угроза), так и в непосредственном воздействии на человеческое тело (толчок, связывание, убийство). Первый вид из вышеуказанных заставлений называется психическим, второй — физическим.

Таким образом, выделяются четыре вида заставления. 1. — Психическое самозаставление, когда человек понуждает себя к определенным душевным усилиям. Такое воздействие на собственную психику является самопонуждением, в отличие от 2. — Самопринуждение, или физическое самозаставление, когда человек принуждает себя к телесному совершению определенных действий. 3. — Психическое заставление других, психическое понуждение, его сущность заключается в душевном давлении на волю человека, имеющем, однако, цель склонить ее к благу. И наконец, 4. — Физическое заставление, или физическое понуждение, под которым понимается воздействие на чужое тело [1. С. 17—20].

Необходимо отметить тот факт, что, говоря о самозаставлении, Ильин разводит понятия «понуждение» и «принуждение» в том плане, что самопонуждением у него оказывается психическое самозаставление, а самопринуждением — физическое самозаставление. Когда же он говорит о заставлении других, он вообще не использует термин «принуждение», а пишет о физическом и психическом понуждении. Подобный отказ от использования понятия принуждения для обозначения заставления других не случаен.

Положение о том, что человеку не дано принуждать других к подлинным деяниям, является принципиальной позицией философа в том смысле, что понятие принуждения несет в себе элемент завершенности, признание того факта, что

требуемое деяние состоялось. Ильин же считает, что человек, наделенный духом, не сможет до конца раствориться в чужой воле: «Человек, физически понуждаемый другим, имеет всегда два исхода, избавляющие его от этого внешнего напора: лицемерие и смерть, и только тот, кто убоился смерти или внутренне не выдержал необходимого при лицемерии раздвоения личности, говорит о „принуждении“ как о возможном и состоявшемся событии; но и ему следует помнить, что его „принужденность“ сама собою угаснет в момент его личного, духовного, чисто внутреннего восстания и утверждения своей настоящей убежденности и искренней преданности» [1. С. 30]. По этой причине используется понятие не физического принуждения, а физического понуждения. Кроме вышеперечисленных видов заставления выделяется еще один — пресечение; последнее как направленное на «чужое неделание» может иметь больше шансов на успех, чем физическое понуждение, как мы выше указывали, ограниченное в своих возможностях.

Обосновывая возможность применения заставления в борьбе со злом, Ильин употребляет понятие не заставления вообще, а конкретные вышеперечисленные виды. Причем наибольшее внимание он уделяет обоснованию возможности применения в борьбе со злом именно последних из отмеченных нами видов заставления — физического понуждения и пресечения.

Действительно, вряд ли можно отрицать, что самопонуждение и самопринуждение играют большую роль в совершенствовании внутренней культуры человека, в самовоспитании, являющемся неотъемлемой частью процесса духовного и нравственного самосовершенствования. Здесь, как и везде, где говорится о заставлении, имеется в виду понуждение, направленное к добру. Понятно, что заставлять и понуждать себя человек может и ко злу, такое действие и будет самонасилием, или предосудительным заставлением в отношении самого себя. Благое же самозаставление призвано вести борьбу с лживым, упрямым и противодуховным «не хочется», неспособность же к такой борьбе и означает бесхарактерность и безволие. Таким образом, самопонуждение и самопринуждение имеют большое значение для воспитания и укрепления в человеке воли.

Велика, по мнению Ильина, роль и общественно организованного психического понуждения в воспитании человека. Наиболее влиятельным и могучим инструментом такого понуждения философ считает государство, которое направляет людей к добру посредством мудрых и справедливых законов: «Правовой закон отнюдь не насилует человека, не попирает его достоинства и не отменяет его духовного самоуправления; напротив, он только и живет, только и действует, только и совершенствуется от свободного личного приятия и самовмещения» [2. 4. С. 68]. Однако он признает и подчеркивает, что при этом правовые государственные законы понуждают психику человека: они воздействуют на волю индивидов и непосредственным авторитетом, и различными формами запретов и позволений, и также перспективой возможных неприятных последствий, в том числе и угрозой применения к несогласным мер физического пресечения. Такое понуждение философ считает вполне оправданным и направленным к благой цели — созданию возможности для раскрытия глубинных потенциалов человеческого духа.

Использование такого волевого начала в борьбе со злом философ оправдывает не только если оно «психически понуждает», но и когда оно понуждает

и пресекает физически, хотя необходимость последнего пути не является однозначной даже для него самого. Несмотря на то, что Ильин старается доказать, что физическое понуждение и пресечение не есть ни зло, ни насилие, он хорошо осознает, что «...цельного, совестно-праведного исхода здесь нет», однако он склоняется к тому, что «верное разрешение этого великого и для всей человеческой культуры неизбежного вопроса, верный выход из этого трагического задания — состоит в необходимом сопротивлении злу силой с принятием на себя ответственности за свое решение и деяние, и с непременным последующим, всежизненным нравственно-религиозным очищением. Это и есть исход, указуемый православным христианством» [1. С. 130—131].

Специальное внимание философ уделяет доказательству, что физическое заставление нельзя отождествлять со злом, и что оно как средство понуждения человека не есть насилие. Так, не всякое применение силы к «несогласному» есть насилие. Насилием Ильин считает такое физическое понуждение, которое принижает и подавляет дух понуждаемого человека, превращая его в одушевленную вещь, находящуюся в полной власти произвола насильника.

Понудитель же, по Ильину, есть человек, пресекающий зло, несмотря на то, что он, как и насильник, воздействует на человека вопреки его желанию — не отрицает автономной духовности понуждаемого человека, а, напротив, требует ее восстановления и способствует ему. Поэтому понуждение, направленное против злодея, является верным делом, «драгоценным» для всей внутренней борьбы со злом во всех людях.

Причину необходимости мер физического пресечения в борьбе со злом философ видит в агрессивности зла. Основными задачами физического пресечения Ильин считает, во-первых, не допустить, чтобы данный человек совершил данное злодеяние; во-вторых, ограждение других людей от злодеяния, избавление их от опасности; в-третьих, удержать от пути злодейства слабых духом людей, так называемая показательная сила наказания.

При этом философ постоянно подчеркивает, что вопрос о применении силы в борьбе со злом есть личное свободное решение человека, поэтому каждый отвечает за это перед собой, перед другими людьми, перед Богом. Он стремится доказать и показать, что, несмотря на то, что сопротивление злу как таковому всегда остается делом благим, праведным и должным, применение силы в этой борьбе несправедливо, поскольку нравственно несовершенно.

С большой настойчивостью Ильин повторяет, что применять силу в борьбе со злом следует только тогда, когда недостаточными оказываются другие средства — любовь, свободы, убеждения, запреты. Однозначного выхода из этой ситуации нет, и единственное, что может предлагает философ Ильин — воззвать к совести человека и предложить нравственное очищение как средство, способное примирить душу человека, применившего силу против зла с самой собой и с верховным нравственным законом. Он осознает, что человек, отвечающий силой и мечом на агрессивность злодея, не может не выйти из духовного равновесия. Поэтому чтобы лишить зло даже видимости победы над душевно-духовной природой человека, он призывает к духовному очищению [5].

Уровень нравственного развития человека и общества характеризуется прежде всего умением личности отличить добро от зла и выступить в поддержку добра, вступить в борьбу со злом, вести творческую деятельность во имя создания условий для доброго начала.

Сам процесс распознавания морального добра очень сложен и порой требует много мужества и творческого риска. Примером такого философского мужества является этическое учение И.А. Ильина. Хорошо понимая сложность и противоречивость проблемы, актуальность и болезненность ее в тот конкретный исторический момент, философ открыто выступил в защиту своих идей о возможности и допустимости применения силы в борьбе со злом.

Этика Ильина очень актуальна, она представляет интерес для современного читателя именно тем, что в ней воплощен его личный духовно-нравственный опыт: за всеми логическими построениями философа, за четкими определениями понятий стоит живой практический нравственный опыт личности, пережившей непростые события, нуждающиеся в нравственной оценке. И это, наряду с общей актуальностью и жизненностью проблемы добра и зла, делает его рассуждения по этому вопросу яркими и индивидуальными.

Позиция философа, определяющего зло как бездуховность и признающего допустимость «меча» в борьбе со злом, проистекает из его общефилософского и религиозного мировоззрения и во многом продиктована своеобразием исторической ситуации. Поэтому объективность и научность подхода к изучению этих идей исключает возможность их однозначной оценки.

К сожалению, современная действительность и социальное бытие первого десятилетия XXI в. по-прежнему говорит о праве человека на применение силы в борьбе со злом. С другой стороны, все более понятным становится факт, что путь к добру лежит вне любых насильственных действий. Вне ненасильственной перспективы невозможно дальнейшее развитие человеческой цивилизации, как в плане межличностных отношений, так и на уровне межгосударственных связей и мировой политики. Именно международная мораль, наряду с международным правом, способна стать фактором, минимизирующим риски применения силы в международной политике в ходе соперничества государств [7. С. 177]. Будущее человечества может состояться только в том случае, если высокие нравственные идеалы ненасилия не просто останутся идеалами, в нравственной высоте и ныне мало кто сомневается, а завладеют общественным нравственным сознанием, станут нормой жизни каждого человека.

© Цвык В.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 6—134.
- [2] *Ильин И.А.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: Русская книга, 1993—1999.
- [3] *Моисеенко М.В.* К вопросу о формировании патриотизма и духовности у современной российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2013. № 3. С. 96—103.

- [4] *Моисеенко М.В.* Философия культуры И.А. Ильина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2003. № 1. С. 76—82.
- [5] *Садовничий В.А., Гриер Ф.Т., Роек П., Цвык В.А. и др.* Иван Александрович Ильин. Сборник статей / Под ред. И.И. Евлампиева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 543 с.
- [6] *Скрипник А.П.* Моральное зло в истории этики и культуры. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
- [7] *Цвык А.В.* Нравственные основы международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 176—183.
- [8] *Цвык В.А.* Проблема борьбы со злом в философии И.А. Ильина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 112 с.
- [9] *Цвык И.В.* Идея добра в философии В.С. Соловьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 84—90.
- [10] *Lapshin I.E., Moiseenko M.V., Tsvyk V.A.* Ethical and psychological problems in the works of I.A. Ilyin // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts, SGEM 2016. P. 659—662.

Сведения об авторе:

Цвык Владимир Анатольевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.
e-mail: tsvyk_va@rudn.university

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-293-304

**THE PROBLEM OF GOOD AND EVIL
IN THE PHILOSOPHY OF I.A. ILYIN**

V.A. Tsvyk

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study and analysis of the ethical concept of I.A. Ilyin — the doctrine of the essence and nature of good and evil, the means of opposing evil. In the Russian philosophy of the early twentieth century, the deliverance of the world from evil was declared the main task of mankind. Therefore, in the teachings of the greatest philosophers of this period, attempts to solve the problem of good and evil are often expressed in the desire to identify evil, to find its sources, to show mankind ways and methods of fighting it. In the creative heritage of the outstanding Russian philosopher Ivan Aleksandrovich Ilyin, an important place is occupied by the study of the question of the nature of good and evil, the origin of evil, and, most importantly, methods of combating it. Ilyin's ethic is very relevant, it is of interest to the modern reader precisely because it embodies his personal spiritual and moral experience. The objectivity and scientific approach to its study excludes the possibility of its unambiguous evaluation. On the one hand, the present reality and social existence of the first decade of the 21st century. Continues to talk about the human right to use force in the fight against evil. On the other hand, the fact that the path to good lies beyond all violent actions becomes more and more understandable. Outside the non-violent perspective, the further development of human civilization is impossible, both in terms of interpersonal relations, and at the level of interstate relations and world politics.

Key words: I.A. Ilyin, ethics, good, evil, moral, spirituality

REFERENCES

- [1] Il'in IA. *O soprotivlenii zlu siloju*. In: *Il'in I.A. Put' k ochevidnosti*. Moscow: Respublika; 1993. p. 6—134. (In Russ).
- [2] Il'in IA. *Sobranie sochinenij v 10 t*. Moscow: Russkaja kniga; 1993—1999. (In Russ).
- [3] Moiseenko MV. K voprosu o formirovanii patriotizma i duhovnosti u sovremennoj rossijskoj molodezhi. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Filosofija*. 2013;3: 96—103. (In Russ).
- [4] Moiseenko MV. Filosofija kul'tury I.A. Il'ina. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Filosofija*. 2003;1:76—82. (In Russ).
- [5] Sadovnichij VA, Grier FT, Roek P, Tsvyk VA et al. Evlampiev II editor. *Ivan Aleksandrovich Il'in. Sbornik statej*. Moscow: Politicheskaja jenciklopedija; 2014. (In Russ).
- [6] Skripnik AP. *Moral'noe zlo v istorii jetiki i kul'tury*. Moscow: Politizdat; 1992. (In Russ).
- [7] Tsvyk AV. Nравstvennye osnovy mezhdunarodnyh otnoshenij. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Filosofija*. 2014;2:176—183. (In Russ).
- [8] Tsvyk VA. *Problema bor'by so zlom v filosofii I.A. Il'ina*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; 1997. (In Russ).
- [9] Tsvyk IV. Ideja dobra v filosofii V.S. Solov'eva. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Filosofija*. 2015;2:84—90. (In Russ).
- [10] Lapshin IE, Moiseenko MV, Tsvyk VA. Ethical and psychological problems in the works of I.A. Ilyin. Proceedings of the 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts, SGEM; 2016. p. 659—662.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-305-313

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОСТОИНСТВЕ В ИСТОРИИ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.А. Сычев

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
430005 Саранск, Россия, ул. Большевикская, 68

Статья посвящена рассмотрению эволюции понятия достоинства в этико-философской мысли. На основании экскурса в этимологию слова автор выявляет базовое определение достоинства как меры соответствия поведения человека занимаемому им (как правило, высокому) положению в обществе и одобрительной реакции окружающих на такое поведение. Это определение далее корректируется в ходе анализа воззрений Аристотеля, стоиков, Цицерона, Фомы Аквинского, Дж. Манетти, Дж. Пико делла Мирандолы, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и др. Показано, что в ходе исторического развития (прежде всего под воздействием философии и религии) иерархическое понимание достоинства постепенно замещалось универсалистским. Анализируя представления о достоинстве как теоретическом основании системы прав человека и споры о достоинстве в современной биоэтике, автор делает вывод о том, что достоинство — важная личная и социальная ценность, потенциал которой для решения многих сложных этических дилемм современности, несмотря на частное употребление этого слова в публичном дискурсе, еще до конца не осознан.

Ключевые слова: достоинство, чувство собственного достоинства, внутренняя ценность, история этики, права человека, биоэтика

«Достоинство» — одно из наиболее часто употребляемых и в то же время наименее определенных понятий в современной этике. Под ним понимают как цену личности, устанавливаемую обществом, так и качество, несводимое к цене; образ Бога в человеке и признание права на самостоятельные решения; требование уважительного отношения и запрет на унижение. В спорах к человеческому достоинству апеллируют верующие и атеисты, консерваторы и либералы, сторонники и противники эвтаназии, абортотворцев, трансгуманизма. При этом каждая заинтересованная сторона защищает свое понимание достоинства, как правило, несовместимое с представлениями оппонентов.

Базовые смыслы, явно или скрыто присутствующие в современном понятии «достоинство», проявляются при обращении к его этимологии. В русском языке это слово является производным от «достой» — «приличие, приличность, соразмерность, сообразность» («по достою» обозначало «как должно, как следует»). Поскольку поведение, сообразное положению, воспринималось как достойное поощрения, прилагательное «достойный» постепенно приобрело значение «уважаемый, ценимый» [7. С. 493].

Греческое *αξιοπρέπεια*, восходит к *ἄξιος* — «заслуживающий, соответствующий, имеющий вес» и далее к *ἄνω* в значении «принимать, взвешивать» [15. С. 1—2]. От того же корня образовано слово *αξίωμα* — достоинство, самоочевидный прин-

цип. Кроме того, для обозначения чувства собственного достоинства в древнегреческом языке (например, в этических сочинениях Аристотеля) использовалось слово *σεμνότης* — «величавость, серьезность». Латинское *dignitas* (достоинство, заслуга, статус) образовано от прилагательного *dignus* — «ценный, соответствующий», восходящего, в свою очередь, к индоевропейскому корню *dek* — «принимать». По видимому, значение развивалось таким образом — «принимать» — «быть приемлемым» — «соответствовать». От этого же корня происходит еще одно слово, обозначающее достоинство (а также честь, славу, уважение) — *decus*. В английском языке этим двум словам соответствуют существительное *dignity* — «достоинство» и прилагательное *decent* — «подходящий, приличный» [17. С. 189].

Исходя из этого краткого экскурса в этимологию, можно заключить, что понятие «достоинство» возникло для оценки меры соответствия поведения человека занимаемому им (как правило, высокому) положению. При этом предполагается, что достойный человек ведет себя на своем месте как должно, в соответствии с ожиданиями (то есть прилично или, по меньшей мере, приемлемо). Закономерной реакцией на такое поведение является уважительное отношении к нему окружающих.

Дальнейшее развитие представлений о достоинстве шло в двух основных направлениях. Взятое в *социальном* контексте, оно связывалось с высоким положением человека в иерархии и в этом смысле обычно противопоставлялось тем качествам, которые приписывались обладателям низкого статуса. Рассмотренное в *природном* контексте, оно связывалось с исключительным положением людей среди других живых существ и ассоциировалось с качествами и свойствами, составляющими природу человека (прежде всего с разумом и бессмертной душой). Если достоинство в первом понимании является достоянием немногих, то во втором — всех представителей человечества. При этом в ходе исторического развития (прежде всего под воздействием философии и религии) иерархическое понимание достоинства постепенно замещалось более универсальным.

Понятие достоинства формируется на самых ранних этапах становления цивилизации. Определенные модели поведения представителей элиты начали формироваться вместе с возникновением социальной дифференциации в обществе. Результатом этого процесса стало закрепление в сознании общества представлений о высоком достоинстве элиты и, одновременно, — о лишенном достоинства поведении представителей низших классов. От элиты ожидали положительных качеств (храбрости, щедрости и т.д.), а наградой за достойное поведение были почести, уважение. Людей из самых низких слоев, напротив, обвиняли в грубости или подбострастии, а отношение элиты к незнатным людям было подчеркнуто неуважительным, а если те не желали «знать своего места», то и оскорбительным.

В «Илиаде» достойным героям противопоставляется незнатный Терсит: за неподобающее своему статусу поведение (оскорбление вышестоящего) его унижает и избивает Одиссей. У Гомера Терсит изначально лишен всяких достоинств: он не только презрителен, дерзок, болтлив, но и крайне уродлив. В то же время внутри самой элиты (у Гомера — военной аристократии) достойны уважения все, даже

если речь идет о троянцах. Рассчитывать же на особые почести герои могут только в том случае, если они демонстрируют особые заслуги: в сущности, сюжет всей «Илиады» выстраивается вокруг гнева Ахилла, посчитавшего, что несправедливый передел добычи ущемил его достоинство.

Одним из первых философов, обративших внимание на значение достоинства в общественной жизни и, одновременно, многозначность этого понятия, был Аристотель, указавший, что «„достоинством“ не все называют одно и то же, но сторонники демократии — свободу, сторонники олигархии — богатство, иные — благородное происхождение, а сторонники аристократии — добродетель» [2. С. 151]. Хотя представления об источнике достоинства и варьируются в зависимости от идеологических предпочтений, во всех случаях под достоинством понимается нечто, придающее человеку вес и ценность в глазах общества.

Достоинство для Аристотеля — нормативное понятие, накладывающее на тех, кто ею обладает, обязанности вести себя соответственно. Свободный человек не должен лстить тиранам, богатый — скупиться, благородный — прислуживать и т.д. Умение вести себя сообразно своему положению Аристотель считает важным моральным качеством: «Чувство собственного достоинства (*σεμνότης*) — середина между своенравием и подхалимством. Оно проявляется при взаимном общении людей. Своенравный таков, что не способен ни общаться, ни разговаривать с кем-либо. Само имя, по-видимому, указывает на его характер: своенравный — это как бы нравящийся сам себе и довольный самим собой. А подхалим — это умеющий общаться со всеми, всячески, везде. Ни тот ни другой не похвальны. Похвален тот, у кого есть чувство собственного достоинства; как средний между ними, он общается не с любым без разбора, а с достойными и не сторонится всех, но входит в общение с достойными же» [1. С. 322—323].

Достоинство, таким образом, имеет две стороны: оценочную и нормативную. Оно предполагает, что некто обладает высокой социальной ценностью и при этом ведет себя так, чтобы эту ценность не скомпрометировать. Во втором случае правильное говорить о чувстве собственного достоинства — о самоуважении человека, осознании им своей ценности. Поскольку речь идет о нормативном представлении, чувство собственного достоинства подкреплено соответствующими положительными и отрицательными социальными санкциями: если поведение человека признается окружающими достойным, к нему относятся с уважением и почтением, в противном случае — с презрением или негодованием.

Потенциально достоинством обладает всякий разумный человек, умеющий сдерживать свои страсти и активно участвующий в общественной жизни. Однако в действительности некоторые люди лишены его (например, «рабы по природе»). Поэтому достойным, скорее, будет человек свободный, материально обеспеченный, благородного происхождения, имеющий заслуги перед обществом. Однако и такой человек может оказаться недостойным занимаемого места, если он будет дискредитировать себя неподобающим поведением. Достоинство в этом смысле предполагает стремление человека к социальному и моральному идеалу. Достойным человек становится в том случае, когда он, приобретая определенное высокое положение в обществе (или имея его изначально), ведет себя соответствующим образом.

Идея о том, что каждый человек потенциально обладает достоинством, нашла дальнейшее развитие в стоицизме. Социальный статус, учили стоики, не предопределяет достоинства. Человек, практикующий добродетели (воздержание, терпение, смирение) и стремящийся к мудрости, способен вести достойную жизнь, даже будучи несвободным (как, например, Эпикет). В то же время самый высокопоставленный человек может оказаться рабом своих желаний. Внутреннее достоинство выше внешнего: человек часто не властен над обстоятельствами, но он всецело властен на собой.

Цицерон, чьи философские воззрения были близки к стоическим, писал: «...плотское наслаждение недостаточно достойно человека, стоящего выше животных, и наслаждение это надлежит презирать и отвергать... И если мы, кроме того, захотим рассмотреть, в чем заключается превосходство и достоинство человеческой природы, то мы поймем, как позорно погрязнуть в разврате и жить роскошно и изнеженно и как прекрасно в нравственном отношении жить бережливо, воздержно, строго и трезво» [14. С. 85].

Таким образом, хотя первоначально достоинство прочно ассоциировалось с социальным статусом, благодаря усилиям философии представления о том, что его основанием являются способность контролировать свои чувства при помощи разума и стремление к моральному самосовершенствованию, начали получать все большую популярность.

Схожая ситуация определяла культуру Средневековья: в реальной жизни достоинство человека всецело определялось его положением в социальной иерархии. Однако благодаря христианству распространение получила идея о том, что положение в обществе и заслуги являются второстепенными качествами, а высшая ценность человека обусловлена тем, что он является образом и подобием Бога. С точки же зрения этой высшей ценности все люди равны. Григорий Богослов писал: «Так щедро всех людей наделил Бог, конечно, для того, чтобы равным раздаванием даров Своих показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благодати Своей» [6. С. 221].

Средневековые теологи определяли личность как существо, наделенное природным и моральным достоинством. Однако характер человеческого достоинства изначально вызывал множество вопросов. Дается ли оно от рождения или возникает после крещения? Не ведет ли грешная жизнь к его утрате? Что является определяющим в человеке: его греховность или достоинство? Библейские тексты не содержат прямых отсылок к достоинству как моральной категории, поэтому богословы предлагают различные ответы на эти вопросы.

Фома Аквинский полагал, что достоинство присуще человеку изначально и основано на его превосходстве над животными, однако человек лишается достоинства, если он ведет себя иррационально и аморально, т.е. опускается до животного состояния (поэтому Фома, например, не выступает против смертной казни) [13. С. 209]. В отличие от него Иннокентий III акцентирует внимание на изначальной ущербности природы человека: «Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом... Что же иное человек, если не грязь и пепел? ...Что же ты гордишься грязью, из какого праха ты возвыша-

ешься? Почему ты хочешь прославить пепел?» [8. С. 200]. Ничтожеству человеческого состояния можно противопоставить лишь искреннюю веру и покаяние.

В эпоху Возрождения идея человеческого достоинства оказывается в центре внимания философии. Дж. Манетти полемизирует с представлениями о его греховной природе. Достоинства человека — красота, благородство и мудрость его природы — для него представляются достаточным основанием для признания превосходства человека над другими творениями Бога и неизбежности всеобщего спасения. Манетти пишет: «...этой природе, которую Бог создал столь прекрасной, столь благородной и столь мудрой, а также столь богатой, столь достойной и столь могущественной, наконец, столь счастливой и столь блаженной, было всего достаточно для ее полного и во всех отношениях абсолютного совершенства, за исключением разве лишь того, чтобы она путем смешения с самой божественностью не только соединилась в той личности Христа с божественной личностью, но также сделалась единой с божественной природой и посредством этого стала, если угодно, исключительной. Это, как известно, было дано, уступлено и назначено не ангелам, не какому-либо другому созданию, но только человеку, ввиду некоего восхитительного достоинства человеческой природы и также необычайного превосходства самого человека» [10. С. 74].

Наиболее убедительный ответ на вопрос о том, кем является человек — бранным прахом или высшим совершенством — дает Пико делла Мирандола на первых страницах своей «Речи о достоинстве человека». Он пишет, что, завершая сотворение мира, Бог пожелал сотворить того, кто смог бы его оценить. Однако все качества были уже распределены, и человек был сотворен без конкретного образа. Автор передает слова Бога так: «Образ прочих творений определен в пределах установленных Нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого Я тебя представляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные» [11. С. 265].

Если человек будет культивировать вегетативные качества — он станет растением, чувственные — животным, интеллектуальные — ангелом. Человек может быть и ничтожным, и совершенным, олицетворять добро или зло — все зависит лишь от его собственного свободного выбора. Он находится вне всяких иерархий и структур, и потому способен занять любую позицию, он — вне мира и значит способен смотреть на мир со стороны. Достоинство человека — это возможность, которую человек свободно реализует, способность самоопределяться, выстраивая собственное «Я».

В работах гуманистов периода Возрождения понятие «достоинство» начинает очищаться от своих сословных смыслов. Однако и в эпоху Просвещения многие философы продолжали рассматривать достоинство как внешнюю, а не внутреннюю ценность. Т. Гоббс определял достоинство как общественную ценность человека: «та цена, которая дается ему государством, есть то, что люди обычно назы-

вают достоинством. И эта цена выражается в пожаловании военных, судебных, государственных должностей или имен и титулов, введенных как отличительная особенность такой цены» [5. С. 67]. Здесь источником достоинства представлена не свобода, а власть.

Все большее признание, однако, приобретала противоположная точка зрения. Ж.-Ж. Руссо писал: «Отказаться от своей свободы — это значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей... Подобный отказ несовместим с природою человека; лишить человека свободы воли — это значит лишить его действия какой бы то ни было нравственности» [12. С. 156].

Наибольшее влияние на современные представления о достоинстве имеют работы И. Канта, который, явно полемизируя с Гоббсом, утверждал: «Уважение, которое я питаю к другим или которое другие могут потребовать от меня (*observantia alliis praestanda*), есть, следовательно, признание достоинства (*dignitas*) в другом человеке, т. е. достоинства, не имеющего ни цены, ни эквивалента, по которому можно выменять объект почитания (*aestimii*)» [9. С. 403].

Согласно Канту, достоинство требует, чтобы никто не служил только средством для других, но был для них также и целью. Оно коренится в автономии личности и представляет собой имманентно присущую любому разумному существу внутреннюю ценность, абсолютную, безусловную и количественно невыразимую. Все люди от рождения обладают равным достоинством вне зависимости от статуса и прочих внешних обстоятельств жизни. Нельзя заработать, обменять, сравнить или лишиться достоинства. Человек должен поступать так, чтобы его жизнь соответствовала этой высшей ценности, но даже если он будет преступником и полностью аморальным человеком, он не лишается ее.

Кант, таким образом, доводит до логического завершения идеи стоицизма, христианской теологии и ренессансного гуманизма, превращая достоинство в фундамент моральных взаимоотношений человечества.

Тоталитарные режимы XX столетия и события Второй мировой войны наглядно продемонстрировали, что приверженность к разуму, пользе и прогрессу сами по себе не являются гарантией достижения социальной справедливости. Напротив, под этими лозунгами можно совершать действия, ведущие к унижению, угнетению и порабощению людей. Более того, стремление рационализировать процесс преодоления препятствий на пути к идеальному обществу привело к беспрецедентному увеличению количества преступлений против жизни и достоинства людей, к «утилизации» целых народов и других крупных социальных групп. Из всего многообразия ценностей, предложенных Просвещением, достоинство в его кантовском понимании оказалось наиболее прочным основанием для системы норм, защищающих человека от его использования в качестве средства для достижения общественной пользы.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. начинается со слов о том, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [4]. В Декларации утверждается, что все люди равны в своем достоинстве, никто не должен подвергаться обращению, унижающему его достоинство, и каж-

дый человек имеет право на справедливое вознаграждение за труд и социальное обеспечение, гарантирующие ему достойное существование. В ряде последующих международных нормативных документов подтверждается, что именно достоинство является основанием системы прав человека. Развитием этих идей в системе международного права стала Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г., третья статья которой, посвященная достоинству и правам человека, провозглашает: «Интересы и благосостояние отдельного человека должны главенствовать над интересами собственно науки или общества» [3].

Тезис о преваливании интересов отдельного человека над интересами общества является одним из обоснований позиции *pro choice*, предполагающей, что сам человек должен решать вопросы жизни, смерти и допустимости или недопустимости медицинского вмешательства. Следствием этого тезиса является признание допустимости эвтаназии, аборт и прочих действий, совершаемых по воле человека («смерть с достоинством» — один из речевых штампов, наиболее часто используемых для обозначения эвтаназии).

Понимание достоинства как основания для недопустимости инструментализации индивида, однако, привело к его отождествлению с автономией. Р. Маклин резонно утверждает, что «человеческое достоинство не значит ничего большего, чем уважение к человеку и его автономии... Достоинство — бесполезное для медицинской этики понятие, которое может быть устранено из нее без потери ее содержания» [16. С. 1420].

Тем не менее, как показывает история развития воззрений на достоинство, сведение этого концепта исключительно к автономии является явным упрощением. То, что такое упрощение действительно получило широкое распространение в биоэтике, еще не говорит об ущербности концепта. Достоинство ассоциируется не только с ценностью каждого отдельного человека, но и с отношением к этой ценности со стороны окружающих, то есть помимо индивидуального измерения имеет и публичное. Поэтому достоинство может не только не сводиться к автономии, но и противостоять ей. Так, в ряде случаев люди могут быть согласны с унижением своего достоинства, поскольку не считают эти действия унижительным и рассчитывают получить нечто ценное взамен. Классический пример подобной ситуации — швыряние карликов на дальность, которое было запрещено французским судом в 1995 г. как нарушающее достоинство человека (хотя сами карлики, участвовавшие в этой забаве, консолидировано выступили против запрета). Другая группа проблем связана с угрозами для сохранения человека как вида в трансгуманистическом будущем, контуры которого становятся все более четкими. В ряде подобных случаев требования автономии, справедливости, благодетельности, непричинения вреда, информированного согласия и т.д. прямо не нарушаются и только апелляция к человеческому достоинству позволяет обосновать аморальность действий, о неприемлемости которых свидетельствует моральная интуиция. С этой точки зрения достоинство — важная личная и социальная ценность, потенциал которой для решения многих сложных этических дилемм современности, несмотря на частное употребление этого слова в публичном дискурсе, еще до конца не осознан.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аристотель*. Большая этика // Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 295—374.
- [2] *Аристотель*. Никомахова этика // Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53—294.
- [3] Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека [Дата обращения: 01.04.2017]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml.
- [4] Всеобщая декларация прав человека [Дата обращения: 01.04.2017]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.
- [5] *Гоббс Т.* Левиафан // Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3—546.
- [6] *Григорий Богослов*. О любви к бедным // Творения: в 2 т. СПб.: Изд-е П. Сойкина, 1912. Т. 1. С. 204—230.
- [7] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Изд-е Вольфа, 1880. Т. 1.
- [8] *Иннокентий III*. О презрении к миру, или о ничтожестве человеческого состояния // История европейской культуры. Киев: МАУП, 2004.
- [9] *Кант И.* Метафизика нравов // Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 107—438.
- [10] *Манетти Дж.* О достоинстве и превосходстве человека // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVII вв.). М.: Изд-во УРАО, 1999. С. 65—74.
- [11] *Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. В 2 т. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 248—265.
- [12] *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре // Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151—302.
- [13] *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Киев: Ника-центр, 2013. Т. 2. Ч. 2.
- [14] *Цицерон*. Об обязанностях // О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. С. 58—158.
- [15] *Anttila R.* Greek and Indo-European Etymology in Action. Proto Indo-European ag-. Amsterdam: JB Publishing Co, 2000.
- [16] *Macklin R.* Dignity is a useless concept // British Medical Journal. 2003. № 327. P. 1419—1420.
- [17] *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag, 1959. B. 1.

Сведения об авторе:

Сычев Андрей Анатольевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. e-mail: sychevaa@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-305-313

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF DIGNITY IN THE HISTORY OF ETHICS

A.A. Sychev

National Research Mordovia State University
Bolshevistskaya ul., 68, 430005, Saransk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the evolution of the concept of dignity in ethical and philosophical thought. On the basis of the etymology of the word, the author reveals the basic definition of dignity as a measure of the correspondence of a person's behavior to his or her position in society and the approving reaction of the others to such behavior. This definition is corrected in the analysis of the views of Aristotle, the Stoics, Cicero, Thomas Aquinas, J. Manetti, J. Pico della Mirandola, T. Hobbes, J.-J. Rousseau, I. Kant,

and others. It is shown that in the course of historical development (under the influence of philosophy and religion) the hierarchical understanding of dignity was gradually replaced by the universalist one. Analyzing the notions of dignity as a theoretical foundation of the human rights system and disputes about dignity in contemporary bioethics, the author concludes that dignity is an important personal and social value, which potential in solving complex ethical dilemmas of present time, despite the frequent use of this word in public discourse, is not yet fully realized.

Key words: dignity, self-esteem, intrinsic value, history of ethics, human rights, bioethics

REFERENCES

- [1] Aristotel'. Bol'shaya etika. *Soch.* in 4 vol. Moscow: Mysl', 1984. Vol. 4. p. 295—374. (In Russ).
- [2] Aristotel'. Nikomakhova etika. *Soch.* in 4 vol. Moscow: Mysl', 1984. Vol. 4. p. 53—294. (In Russ).
- [3] Vseobshchaya deklaratsiya o bioetike i pravakh cheloveka. [Cited: 2017, Apr. 01]. Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml. (In Russ).
- [4] Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka. [Cited: 2017, Apr. 01]. Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. (In Russ).
- [5] Gobbs T. Leviafan. *Soch.* in 2 vol. Moscow: Mysl', 1991. Vol. 2. p. 3—546. (In Russ).
- [6] Grigorii Bogoslov. O lyubvi k bednym. *Tvoreniya:* in 2 vol. Saint Petersburg: Izd-e P. Soikina, 1912. Vol. 1. P. 204—230. (In Russ).
- [7] Dal' VI. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka:* in 4 vol. Saint Petersburg: Izd-e Vol'fa, 1880. Vol. 1. 810 p. (In Russ).
- [8] Innokentii III. O prezrenii k miru, ili o nichtozhestve chelovecheskogo sostoyaniya. *Istoriya evropeiskoi kul'tury.* Kiev: MAUP, 2004. p. 200. (In Russ).
- [9] Kant I. Metafizika nravov. *Soch.* in 6 vol. Moscow: Mysl', 1965. Vol. 4. Part 2. p. 107—438. (In Russ).
- [10] Manetti Dzh. O dostoinstve i prevoskhodstve cheloveka. *Obraz cheloveka v zerkale gumanizma: mysliteli i pedagogi epokhi Vozrozhdeniya o formirovanii lichnosti (XIV—XVII vv.)* Moscow: Izd-vo URAO, 1999. p. 65—74. (In Russ).
- [11] Piko della Mirandola Dzh. Rech' o dostoinstve cheloveka. *Estetika Renessansa.* in 2 vol. Moscow: Iskusstvo, 1981. Vol. 1. p. 248—265. (In Russ).
- [12] Russo ZhZh. Ob obshchestvennom dogovore. *Traktaty.* Moscow: Nauka, 1969. p. 151—302. (In Russ).
- [13] Foma Akvinskii. *Summa teologii.* Kiev: Nika-tsentr, 2013. Vol. 2. Part 2. 830 p. (In Russ).
- [14] Tsitseron. Ob obyazannostyakh. *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh.* Moscow: Nauka, 1993. p. 58—158. (In Russ).
- [15] Anttila R. *Greek and Indo-European Etymology in Action. Proto Indo-European ag-.* Amsterdam: JB Publishing Co, 2000.
- [16] Macklin R. Dignity is a useless concept. *British Medical Journal.* 2003; 327:1419—1420.
- [17] Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch.* Bern: Francke Verlag, 1959. B. 1, 360 S. (In Germ.)

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-314-322

ВЛИЯНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА И. КАНТА*

И.Ю. Ларионов, А.В. Тарасова

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Россия, Университетская наб., д. 7-9

В статье обсуждается возможность теоретического исследования и выработки стратегии решения моральных дилемм с позиций деонтологической этики, определяются ее основные затруднения в данной области. Также анализируются основные положения нравственного учения И. Канта, которые рассматриваются в статье в качестве источника строгой деонтологической этики. Показано, что не категорический императив, а принцип «‘должен’ значит ‘можешь’» следует рассматривать как исходный для анализа моральных дилемм в русле кантианства, причем у самого Канта коллизия обязанностей рассматривается как исходно невозможная. Далее высказывается положение, что модификация основных принципов деонтологии позволит ей исследовать моральные дилеммы в их современном понимании, причем наиболее эффективной модификацией может выступить введение понятия ответственности при сохранении принципа «‘должен’ значит ‘можешь’». При этом построение умеренного варианта деонтологии с ранжированием нравственных обязанностей не обязательно. Разбирается теоретическая позиция Г. Йонаса, модифицировавшего кантианское нравственное требование, показав его антропологическую ограниченность. Показано, какую функцию в принципе ответственности Г. Йонаса выполняет предсказание последствий технологического развития в будущем. Р. Баркан Маркус акцентирует внимание на непредвиденности моральных дилемм, которые могут помешать претворению в жизни постулатов практического разума. Исследовательница разрабатывает концепцию долга, направленную на обеспечение условий, которые облегчат совершение нравственных поступков в будущем.

Ключевые слова: Моральные дилеммы, деонтологическая этика, ответственность, И. Кант, Г. Йонас, Р. Баркан Маркус

Исследование моральных дилемм стало неотъемлемой частью современной этики. Согласно хрестоматийному определению Б. Уильямса, быть в ситуации моральной дилеммы для нравственного человека значит оказаться в положении, когда он должен действовать в соответствии с двумя различными моральными требованиями, которые по тем или иным неустранимым причинам невозможно выполнить одновременно. Иначе говоря, это такая ситуация выбора между двумя моральными требованиями, когда одно из них неизбежно будет нарушено [14. С. 120—121]. Подлинной моральной дилеммой считается положение, в котором человек, во-первых, оказывается не по своей вине и, во-вторых, искренне желает поступить нравственно и будет испытывать угрызения совести, если не сможет это исполнить хотя бы частично.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 16-03-00388а.

Классическим примером является т.н. «дилемма вагонетки» («the trolley problem») со всеми многообразными ее модификациями, суть которой в выборе между тем, чтобы остаться сторонним наблюдателем и допустить смерть пятерых невинных человек или спасти их, пожертвовав еще одним невинным человеком [11. С. 1395—1415].

При всей умозрительности моральные дилеммы требуют не только теоретического объяснения, но нравственно обоснованного решения. Они широко используются в текущих дискуссиях в области прикладной и профессиональной этики (от проблемы аборта до программирования беспилотных автомобилей, морального выбора в политике и т.п.).

Определенные трудности в обращении с моральными дилеммами возникают у сторонников деонтологической этики (иначе, «этики долга») — одной из наиболее важных и распространенных стратегий анализа и решения нравственных проблем.

Деонтологическая этика определяет нравственную допустимость поступка или выбора, оценивая отношение рассматриваемого поступка к заранее обоснованным нравственным правилам или принципам. Например, если мы считаем права человека — в том числе право на жизнь — неотъемлемым, то мы не найдем возможности пожертвовать жизнью одного даже ради гарантированного спасения пяти.

Важнейшим представителем и вдохновителем развития деонтологической этики с XIX в. и по наши дни по праву считается И. Кант. Его произведения остаются источником современных разработок в данной области. Поэтому неслучайно, что определение потенциала деонтологии в исследовании моральных дилемм нередко принимает форму анализа отношения к ним этого великого немецкого философа.

Позиция И. Канта может быть названа радикальной, или строгой, деонтологией. По словам самого философа, этика представляет собой «чистую практическую философию», исходящую из априорных принципов и, следовательно, не требующую связи ни с чем эмпирическим. Она является этикой мотива: имеют значение не сам совершаемый поступок и/или его последствия; важно воление, на основании которого совершается действие. Категорический императив определяет волю безразлично к тому, достаточно ли ее для достижения результата или нет. Таким образом, то, что человек реализовал моральный закон, важнее следствий, к которым это привело. Кант сам отмечал, что, вероятно, мы и не сможем найти подтверждения возможности следования исключительного долгу. «Разум неумолимо предписывает ряд поступков, которым, может быть, и не будет найдено ни одного примера в действительности» [4. С. 245].

Но они и не требуются, ибо достаточно самого веления разума, предписания, данного самому себе, о том, что должно происходить, вне зависимости от того, происходит это или нет. На тех же основаниях не возникает и нужды чем-либо содержательно обосновывать моральный закон: он исходит из понятий чистого практического разума и его формулировка содержит сама в себе его обоснование.

Обычно указывают на следующее место в «Метафизике нравов», где Кант выступает против возможности конфликта обязанностей и тем самым против моральных дилемм: «Столкновение одного долга с другим было бы таким их взаимоотношением, вследствие которого один из них устранял бы (полностью или частично) другой. Но так как долг и обязательность вообще суть понятия, выражающие объективную практическую необходимость определенных поступков, а два противоположных друг другу правила не могут быть в одно и то же время необходимыми — если поступать согласно одному из них есть долг, то поступать согласно противоположному правилу не только долг, но даже противно долгу, — то коллизия одного долга с другим и коллизия обязанностей вообще немыслимы... Если два таких основания сталкиваются, то практическая философия не утверждает, что более сильная обязательность одерживает верх, а говорит, что побеждает более сильное основание для вменения в обязанность» [2. С. 132—133].

Тем самым позиция Канта содержит все особенности строгой деонтологии вообще в ее отношении к моральным дилеммам. От данной интерпретации отталкиваются современные исследования [6. С. 170—179].

Действительно, И. Кант фактически предлагает ранжирование моральных обязанностей, выстраивание их в ситуации конфликта в иерархической последовательности, когда верховное правило отвергает менее значимое. Далее, с позиций этики долга, моральная теория, допускающая возможность реального конфликта обязанностей, должна рассматриваться как недостаточно проработанная и/или ошибочная. Наконец, рекомендации, как поступать в определенных ситуациях, которые дает сам Кант или может дать кантианская деонтология, воспринимаются как контринтуитивные.

Наглядной и хрестоматийной иллюстрацией выступает предложенная к рассмотрению Кантом в статье «О мнимом праве лгать из человеколюбия» ситуация, когда приходится подвергнуть смертельной опасности друга, чтобы не поступиться радикальным моральным требованием правдивости, даже если правду приходится говорить убийце.

Исследователи, специально разрабатывающие теорию моральных дилемм, сошлись во мнении, что существуют непреодолимые трудности в следовании этике И. Канта при возникновении потребности решения конфликтов, обусловленных ситуативным столкновением моральных принципов [10. С. 125]. В то же время предпринимались попытки «оправдать» Канта, подробно разобрав его утверждения и показав, что из них вовсе не следует отрицание моральных дилемм [12. С. 36—64].

Очевидно, сам И. Кант высказывается против возможности моральных дилемм в их современном понимании.

Авторы данной статьи исходят из методологического допущения, что применение строгой деонтологической этики для анализа и решения моральных дилемм возможно путем незначительной модификации ее основных принципов. От кантовской позиции в той или иной мере отталкивались такие выдающиеся мыслители XX в., как Дж. Ролз в теории справедливости общества, Т. Риган со своей

концепцией прав животных и т.п. Построение умеренного варианта деонтологии с возможным ранжированием нравственных обязанностей (как, например, делает У.Д. Росс) не обязательно.

В дополнение кантовскому представлению о чистом априорном источнике моральных принципов все чаще звучит положение о том, что философия — это не только мысль, сколько образ существования, связанный с мыслью. И теперь уже распространенное мнение утверждает, что философ не «вне мира», а связан с ним, знает модели нравственного действования. Вполне последовательным кажется требование, чтобы, имея представление о моральном законе, мы также способны были бы следовать ему и в полной мере осознавать, что поступаем правильно, даже в тех случаях, которые для обыденного, повседневного сознания идентифицируются как проблематичные. В связи с периодическим столкновением этической теории с реальностью моральных конфликтов исследователи помещают нравственный закон в определенное контекстуальное поле.

В первую очередь, следует учесть, что этика И. Канта ведет к непризнанию актуальности моральных дилемм на самом высоком теоретическом уровне. Обращать внимание только на отдельные утверждения о невозможности столкновения моральных обязанностей недостаточно как для понимания самой кантовской этики, так и для возможной модификации деонтологии. Источником непризнания моральных дилемм у Канта следует считать не наличие верховного нравственного принципа — категорического императива, а общий характер его этического учения.

Представляется возможным утверждать, что общий характер деонтологии Канта лучше выражает собственно принцип строгого долженствования.

Исследователи моральных дилемм нередко ссылаются на следующую позицию Канта: «Естественные побуждения... содержат в душе человека препятствия исполнению долга и (отчасти значительные) противодействующие силы, и человек должен считать себя способным противоборствовать им и при помощи разума не в будущем, а именно теперь одолеть их (также мыслью), т.е. *уметь делать то, что он должен делать согласно безусловному велению закона*» (курсив наш, именно эта фраза чаще всего цитируются — *авторы*) [2. С. 313]. В оригинале мысль высказана жестче: не просто «уметь» или «научиться» делать то, что он должен делать, а именно должен «мочь, быть в состоянии» («*koennen*») [8. P. 509].

Решительности высказывания следуют и английские переводчики: «...must judge that he can do what the law tells him unconditionally that he ought to do» [7. 6: 380]. Эта позиция получила название принципа «‘ought’ implies ‘can’» — «‘должен’ значит ‘можешь’». Данному принципу вполне закономерно уделяется много внимания в исследовательской литературе, посвященной моральным дилеммам.

Э.Дж. Леммон, автор статьи, с которой начинается изучение моральных дилемм в англоязычной этике, отмечает, что — с логической стороны вопроса — противоречие возникает именно тогда, когда к простой констатации факта, что (1) субъект одновременно должен совершить действия, которые (2) не может совершить одновременно, добавляют, что (3) «‘должен’ значит ‘можешь’». Если

моральная дилемма предполагает предположение одновременной истинности всех указанных суждений, то возникает противоречие. Но поскольку для Э.Дж. Леммона моральные дилеммы реальны, то ошибка вкралась в реконструкцию их логики, полагает он. Ошибочно как раз введение принципа «‘должен’ значит ‘можешь’»; от него нужно отказаться, а для моральной дилеммы подыскать иную логическую форму [9. С. 150].

Представляется возможным пойти другим путем и, не отказываясь от исходно строгой деонтологической постановки вопроса, модифицировать содержание принципа долженствования. Такие важные авторы — исследователи моральных дилемм, как тот же Б. Уильямс [14. С. 134] или Бас ван Фраассен [13. С. 12], сохраняют принцип «‘должен’ значит ‘можешь’», предлагая отказаться от других логических составляющих.

Б. Уильямс отмечал, что моральный конфликт возникает, когда к двум суждениям прибавляется третье, обозначающее факт. Появление обстоятельства реальной действительности выводит ситуацию из рамок логического конструкта и порождает нравственную неопределенность.

Учитывая это важное обстоятельство, представляется возможным утверждать, что введение понятия ответственности будет наиболее эффективным дополнением деонтологической этики, дающем ей возможность анализировать моральные дилеммы и вырабатывать стратегию принятия решения. Понятие ответственности допускает возможное многообразие фактов, но не выводит содержание нравственного требования из них.

Важнейшей попыткой использования категории ответственности в деонтологической этике в XX в. являются работы Г. Йонаса.

Категорический императив И. Канта, по мнению Г. Йонаса, в большей степени подвергается логическому истолкованию, нежели этическому. Большим недостатком категорического императива применительно к современности Г. Йонасу казалась его замкнутость в пространственно-временном контексте. Моральный закон И. Канта отвечал на потребность решения относительно единичного проявления воли в отдельно взятой ситуации и, таким образом, просто указывал человеку на то, что он должен согласно разуму делать всегда, не рассуждая о будущем опыте.

Содержательная особенность этики Г. Йонаса том, что в нее включена экологическая составляющая, но и этот ее момент согласован с рассматриваемыми установками. Но, не заботясь о жизни будущих поколений, осознанно или неосознанно отбирая у них все необходимые ресурсы (природные и другие), современное человечество лишает их выбора (жить или не жить). Кроме того, как и все положения так называемой традиционной этики, категорический императив антропоцентричен, т.е. рассматривает взаимоотношения только между людьми (взаимоотношения человека с природой не становятся предметом этического рассмотрения), однако в новой этике природа тоже требует морального к ней отношения, ведь дерзновение эксплуатации уже принесло ей видимый ущерб, «и к тому, за что мы обязаны нести ответственность, добавился предмет совершенно нового порядка, не более и не менее, как биосфера всей планеты в целом» [1. С. 51].

Для того чтобы не навредить, человеку необходимо прогнозировать итоги своей деятельности, и если вероятность неоправданного риска велика, то следует отказаться от исполнения намерений. Неуверенность, а вместе с ней и признание незнания, в той же степени, что и осведомленность, — этические обязанности. Если в предшествующий период можно адекватно было утверждать, что развитие техники служит саморазвитию индивида, то широкое массовое производство в последующем опровергает это положение.

Модифицированный Г. Йонасом императив звучит «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [1. С. 58].

Важно обратить внимание: сам Г. Йонас замечал, что вплоть до наших дней не было нравственных парадигм, ориентированных на будущее. Ни религиозная устремленность к спасению души, ни «предусмотрительная забота законодателя и государственного деятеля о будущем общем благе» [1. С. 60], ни различные утопии, выстраивающие политику только будущего (порой ценой настоящего) не отвечают запросу должной заботы о будущем, которое является неотъемлемой частью сферы нашей ответственности.

Религиозную этику Г. Йонас относил к этике самосовершенствования, нравственные предписания которой (честность, справедливость, уважение) совпадают с положениями традиционной светской этики, которая, опять же, замкнута в пространстве «здесь и сейчас». Утопия же, целиком направленная в будущее, не устраивала Г. Йонаса самим пониманием прогресса и отношением к настоящему. Г. Йонас писал: «Наш тезис состоит в том, что новые виды деятельности и ее масштабы требуют соизмеримой с ними этики предвидения и ответственности, столь же новой, как и возможности, с которыми ей предстоит иметь дело» [1. С. 57].

Интересна позиция одного из ключевых исследователей моральных дилемм — Рут Баркан Маркус. Она предлагает вариант формулировки деонтологического императива, обнаруживая тенденцию к модификации кантовской деонтологии. Обязанность, действительно, должна подразумевать способность, возможность, — рассуждает она. Развивая положения Б. Уильямса, что реальные факты ответственны за возникновение моральных дилемм, Р. Маркус акцентирует внимание на их непредвиденности, которые могут помешать претворению в жизни постулатов практического разума. Ее нормативный принцип выглядит так: «каждый должен действовать так, чтобы, если он должен сделать X и должен сделать Y, он мог бы сделать X и Y» («One ought to act in such a way that, if one ought to do X and one ought to do Y, then one can do both X and Y»). Р. Маркус трансформирует принцип «‘должен’ значит ‘можешь’» в «приемлемую глоссу» к категорическому императиву, по ее собственному выражению.

Важнейшее нарушение этого правила — то, что люди дают как другим, так и самим себе противоречивые обещания. Следует быть ответственным и не брать на себя обязательства, которые невозможно выполнить [5. С. 134—135]. Наш долг тем самым в том, чтобы сформировать условия, при которых нравственное действие совершать будет легче, «стремиться устроить свою жизнь и способствовать

развитию социальных механизмов, которые препятствовали бы возникновению конфликтов в будущем настолько, насколько это возможно» [5. С. 133].

Итак, аппарат современной деонтологической этики, берущий свое начало в этике И. Канта, ее исходные принципы, если их рассматривать в контексте современной жизни, требуют некоторой корректировки, скорее даже некоторых дополнений. Попытки дать новую форму категорическому императиву Канта отражают стремление к модификации деонтологической этики. Оно возникает в связи с вызовами актуальной действительности, теми новыми моральными конфликтами, которые человек вынужден решать.

Плодотворной представляются разработки Г. Йонаса и позиция Р. Баркан-Маркус, которые предлагают формулировки нравственного принципа, обращенного в будущее. Можно предложить такую модификацию строгой деонтологии по образцу этики И. Канта, которая, сохраняя общие установки, позволила бы решать в рамках нее моральные дилеммы. Использование категории ответственности позволяет достичь указанных целей.

Объектом модификации в данном случае выступит верховный принцип нравственности, сохраняющий название и функцию категорического императива, при сохранении исходных установок деонтологической этики, выраженных в принципе «должен значит можешь».

© Ларионов И.Ю., Тарасова А.В., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Йонас Г.* Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс, 2004.
- [2] *Кант И.* Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2.
- [3] *Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 232—237.
- [4] *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1.
- [5] *Barcan Marcus R.* Moral dilemmas and consistency // *Journal of Philosophy*. 1980. Vol. 77. № 3. P. 121—136.
- [6] *Hill T.E., Jr.* Moral Dilemmas, Gaps, and Residues: A Kantian Perspective // *Moral Dilemmas and Moral Theory*. Ed. H.E. Mason. NY: Oxford University Press, 1996. P. 167—198.
- [7] *Kant I.* The Metaphysics of Morals. Transl. and ed. by M. Gregor. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1996.
- [8] *Kant I.* Werke, in 6 Bd. Herausg. W. Weischedel. Darmstadt: Wissensch. Buchgesellschaft, 1998. B. IV. S. 509.
- [9] *Lemmon E.J.* Moral Dilemmas // *The Philosophical Review*. 1962. Vol. 71. № 2 (Apr.). P. 139—158.
- [10] *Sinnott-Armstrong W.* Moral Dilemmas. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
- [11] *Thomson J.J.* The Trolley Problem // *The Yale Law Journal*. 1985. Vol. 94. № 6. P. 1395—1415.
- [12] *Timmermann J.* Kantian Dilemmas? Moral Conflict in Kant's Ethical Theory // *Archiv fuer Geschichte der Philosophie*. 2013. Vol. 95. № 1. P. 36—64.
- [13] *Van Fraassen B.C.* Values and the Heart's Command // *The Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. № 1 (Jan.). P. 5—19.
- [14] *Williams B.* Ethical Consistency // *Moral Dilemmas*. Ed. C.W. Gowans. New York and Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 115—137.

Сведения об авторах:

Ларионов Игорь Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры этики, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; *e-mail*: i.larionov@spbu.ru

Тарасова Анна Вячеславовна — бакалавр религиоведения, магистрант образовательной программы «Практическая философия», Санкт-Петербургский государственный университет; *e-mail*: annatarasovav@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-314-322

**THE INFLUENCE OF MORAL DILEMMAS
UPON THE TRANSFORMATION
OF THE KANT'S CATEGORICAL IMPERATIVE**

I.Y. Larionov, A.V. Tarasova

Saint Petersburg State University
Universitetskaya emb. 7/9, 199034, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. In this paper, we discuss the possibility of theoretical exploration of moral dilemmas as well as the elaboration the solution strategy from the standpoint of the deontological ethics. The main difficulties the deontological ethics in this area are identified. Hereafter we analyze the main provisions of the moral doctrine of I. Kant, who is usually regarded as the main authority for strict deontological position in ethics. We try to prove that it is not the categorical imperative, but the «'ought' implies 'can'» principle should be considered as the starting point for the analysis of moral dilemmas in Kantian deontology, taking into consideration that Kant himself claimed the conflict of duties to be fundamentally impossible. We suggest that the modifying the basic principles of deontology would allow it to explore moral dilemmas. The most effective modification would be that comprises the concept of responsibility without sacrificing the «'ought' implies 'can'» principle. At the same time, there is no necessity to construct a moderate version of deontology with the ranking of moral responsibilities. So we analytically discuss the closest theoretical positions of H. Jonas who modified the Kantian moral requirement, showing its anthropological limitations. The role the prediction of the technological development consequences plays the principle of responsibility by H. Jonas is shown. R. Barkan Marcus focuses attention on the unanticipated character of the moral dilemmas that may interfere with the implementation of the postulates of practical reason. She develops the concept of duty, aimed at providing certain condition that will facilitate the performance of moral acts in the future.

Key words: Moral dilemmas, deontological ethics, responsibility, I. Kant, H. Jonas, R. Barcan Marcus

REFERENCES

- [1] Williams B. Ethical Consistency. *Moral Dilemmas*. Gowans C.W., editor. New York and Oxford: Oxford University Press; 1987:120—121.
- [2] Thomson JJ. The Trolley Problem. *The Yale Law Journal*. 1985 May;94(6):1395—1415. doi: 10.2307/796133.
- [3] Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti. *Sochineniya*: v 6 t. M.: Mysl', 1965;4(1):245. (In Russ).
- [4] Kant I. Metafizika npravov. *Sochineniya*: v 6 t. M.: Mysl', 1965;4(2):132—133. (In Russ).
- [5] Hill TE. Moral Dilemmas, Gaps, and Residues. *Human Welfare and Moral Worth*. Oxford University Press; 2002 Jul 11; 170—179. doi: 10.1093/0199252637.003.0013.

- [6] Kant I. O mnimom prave l'gat' iz chelovekolyubiya. *Traktaty i pis'ma*. M.: Nauka, 1980. (In Russ).
- [7] Sinnott-Armstrong W. *Moral Dilemmas*. Oxford: Basil Blackwell, 1988. p. 125.
- [8] Timmermann J. Kantian Dilemmas? Moral Conflict in Kant's Ethical Theory. *Archiv für Geschichte der Philosophie*. Walter de Gruyter GmbH; 2013 Jan;95(1); 36—64. doi: 10.1515/agph-2013-0002.
- [9] Kant I. Metafizika nravov. *Sochineniya*: v 6 t. M.: Mysl', 1965;4(2): 313. (In Russ).
- [10] Kant I. *Werke*, in 6 Bd. Herausg. W. Weischedel. Darmstadt: Wissensch. Buchgesellschaft, 1998. bd. IV. s. 509.
- [11] Kant I. *The Metaphysics of Morals*. Gregor M., transl., editor. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1996.
- [12] Lemmon EJ. Moral Dilemmas. *The Philosophical Review*. 1962 Apr;71(2):150. doi: 10.2307/2182983.
- [13] Williams B. Ethical Consistency. *Moral Dilemmas*. Gowans C.W., editor. New York and Oxford: Oxford University Press, 1987. p. 134.
- [14] Van Fraassen BC. Values and the Heart's Command. *The Journal of Philosophy*. 1973 Jan; 70(1):12. doi: 10.2307/2024762.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-323-329

МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ МОРАЛИ (на примере идей С. Кьеркегора и Ф. Ницше)

А.А. Косорукова

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Статья рассматривает два варианта постановки вопроса о понятии морального выбора, осуществляемых двумя важнейшими критиками классического интеллектуализма в этике — С. Кьеркегором и Ф. Ницше. В работе выявляются основные контексты понимания морального выбора: как связанного с идеями преодоления абстрактно-всеобщего характера субъекта выбора в отношении абсолютных ценностей и акцентирования его лично-индивидуального измерения, так и основанного на идеи возрастания самоутверждения жизни в противовес ценностям отрицания жизни (ресентименту). Философия Кьеркегора освещает тему морального выбора с двух точек зрения: как существующий на этической стадии существования, так и как присущий религиозной стадии. Если на этической стадии моральный выбор связан с выбором тех или иных моральных ценностей, то на религиозной стадии осуществляется выбор между Абсолютом и временным, преходящим, индивидуально-человеческим. Позиция Ницше в отношении понимания природы морали связана с его разделением морали господ и морали рабов. Если последняя определяется через чувство ресентимента, то первая — через его отсутствия и полагания ценностей «из состояния» развитой воли к власти. Ресентимент трактуется в статье в том смысле, в котором он определяется Ницше в «Генеалогии морали» — как чувство затаенной обиды на собственную слабость и чужую силу. В статье подчеркивается параллелизм между темой личностного в моральном выборе у Кьеркегора и темой индивидуальной авторефлексивной борьбы с ресентиментом как основой морали у Ницше.

Ключевые слова: моральный выбор, этика, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, ресентимент

Моральный выбор человека является тем понятием, через которое во многом проблематизируется мораль как феномен индивидуального личностного сознания. Моральный выбор принадлежит личности как носителю этических качеств, предмету этических оценок, и тому, кто эти оценки осуществляет: именно в моральном выборе актуализирует вопрос о моральном законе и категориях морали, с помощью которых человек тематизирует для себя этические качества и оценки. Моральный выбор человека как понятие этики очерчивает ее предметное поле как, возможно, ни одна другая моральная категория, поскольку именно моральный выбор фокусирует в себе такие важнейшие признаки морального сознания, как намеренность и произвольность (Аристотель), автономию практического разума (Кант), вопрос о критерии благого, вопросы ответственности и т.п.

Понятие морального выбора определяется теми контекстами, которые задаются в рамках той или иной этико-философской доктрины. В постпросвещенческой философии критика морали или проблематизирование ее исторических корней (1) порождает вопрос и об относительности морального выбора или отсутствия оснований говорить о отдельном моральном выборе на ряду с многообразными прагматическими выборами. Когда Ницше говорит, что человек бежит

в свою пропасть именно тогда, когда его предостерегали от нее (2), или Кьеркегор утверждает, что на религиозной стадии происходит преодоление этического [2], мы имеем дело с новым способом разговора о ценностях человеческой жизни.

Моральный выбор определяется как выбор между добром и злом, добродетелями и пороками, но и как выбор чего-либо как должного принципа поведения. На чем зиждется материя морального выбора? В чем мера его объективности? Два мыслителя, подвергающие критике гегелевский идеализм и основанную на интеллектуалистском понимании морали классическую этику, дают актуальные до сих пор ответы на данные вопросы.

Предшественник и теоретический вдохновитель экзистенциализма, датский мыслитель Сёрен Кьеркегор в своих произведениях обращается к теме морального выбора человека как одной из основных тем философии. Кьеркегор, вводя в философское мышление термин и тему «экзистенции» (для обозначения человеческого существования в его уникальности), задает новый взгляд на проблему выбора человека в отношении высших ценностей.

Моральный выбор человека, для Кьеркегора — феномен, через который проявляется идея свободы и абсолютного долга (долга перед Абсолютом). «Здесь Кьеркегор рассматривает не содержание, которое охватывается понятиями „свобода“ и „выбор“, а лишь сам факт выбора, или как отмечал философ, „лишь действительность акта выбора“. Сделав выбор, душа остается наедине с собой, уединяется от всего мира и созерцает Бога» [3]. Так, наиболее очевиден выбор человека на так называемой религиозной стадии существования человека, где выбор осуществляется между абсолютным и относительным, вечным и временным, совершенным и несовершенным.

Формы человеческого существования освещаются философом в трехстадийной схеме видов человеческого существования. Эстетическая, этическая и религиозная стадии человеческого существования представляют собой образы соответствующих модусов существования.

На эстетической стадии человек еще не выбрал себя в качестве самости, то есть, говоря кантовским языком, отношения субъекта к миру не оформляются в качестве нравственных максим, формы поступков случайны, определяясь только способом достижения данной эмпирической цели [2. С. 76].

Этическая стадия фиксирует отношение индивида к нормам сообщества, которое осуществляется через воплощение того призыва к определенному принципом действию, содержащегося в самих нормах. Этическое как всеобщее заполняет все наличное существование, формы которого должны соответствовать всеобщности требований. Этическое отношение к миру — это всеобщее-нормативное в сознании индивида. Этический деятель («трагический герой») соотносит свои поступки с внешними ему законами сообщества. В нем нет измерения («пространства») индивидуального отношения, точнее оно не существенно, поскольку цель сама по себе представляет мир теоретических принципов, идей разума.

Вопрос о лично-уникальном характере самоопределения в поступке Кьеркегор прописывает в связи с религиозной стадией, образом Авраама и личностным

типом «рыцарь веры» [4]. Поступки рыцаря веры со стороны внешнего наблюдателя характеризуются алогичностью и не вписываются в общепризнанную рациональность деятельности. Кьеркегор не устает поражаться принципиальной невозможностью Авраама, ответившего на призыв Абсолюта, быть понятым. Проблему представляет и то, можем ли мы говорить о понимании Авраамом самого себя: ведь самоопределение его происходит на основе веры, то есть через абсурд [5].

Абсурд в его данности индивиду описывается Кьеркегором с помощью понятия бесконечного движения веры. Это движение может быть представлено как акт бесконечного самоотречения и самообретения себя же как конечной индивидуальности, причем подчеркивается единство этих двух актов («в едином движении веры»). За яркой образностью можно прочесть определенное понимание категории ответственности. Здесь возникает личностный характер ответственности, «определение во внутреннем».

Внутреннее определение критерия ответственности таит опасность релятивизации представления о нравственном, поскольку нравственный поступок в своей нравственности необъясним другим. Тогда Кьеркегор вводит понятие об абсолютном отношении индивида к абсолютному, которое утверждает безусловную ценность личностного измерения выбора. «Либо существует парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного стоит в абсолютном отношении к абсолютному, либо Авраам погиб» [4. С. 109]. Субъект поступка не может объяснить безусловно единичное. Чтобы обрисовать ситуацию «веры», а значит, и морального выбора, основанного на вере, Кьеркегор говорит о том, что индивид стоит в абсолютном отношении к абсолютному.

Введение Кьеркегором личностного измерения в поступке можно проследить и в связи с критикой им абстрактного мыслителя в «Заключительном ненаучном послесловии к „Философским крохам“».

Абстрактный мыслитель творит в области теоретических смыслов, отвлекаясь от своего существования. Даже если он мыслит о существовании, это мышление происходит в области возможного, т.к. сознание мыслителя в данном случае не «укоренено» в существовании, не учитывает интересов-предпосылок мышления, «вырастающих» из экзистенции. Тип абстрактного мыслителя выражается в эстетическом отношении к действительности, при котором субъект еще не выбрал себя в качестве самости. К такому типу экзистенции относится и экзистенция художника, который творит, «упиваясь своим творением», «не спрашивая, что значит быть человеком» [6. С. 140].

Экзистенция в этическом, а не эстетическом смысле предполагает деятельность — «не в смысле внешней занятости, а в смысле внутреннего содержания» [6. С. 141]. Она реализует способность субъекта «отваживаться на решение, ...будучи захваченным открывшейся истиной субъективности, с полным сознанием вечной ответственности» [6. С. 141].

Таким образом, этическое здесь (уже несколько в ином смысле, чем в концепции трех стадий человеческого существования) означает приверженность экзистенции к интересам конкретного, интересам существования. Это не означает

мышления, исходящего из посылок эмпирических целей, значимых только для данного индивида. Этический субъект мыслит и самоопределяется исходя из сферы соотнесенности собственно логики мышления и области его морального выбора как существующего перед «лицом абсолюта».

Ф. Ницше как крупнейший теоретик в области философии морали задает собственное видение того, что принято понимать под моральным выбором. При этом тема морального выбора встречается у Ницше редко, если говорить о прямом термине «моральный выбор». Мы видим у него обозначение выбора между добром и злом через такие понятия, как «постулирование ценности», «утверждение воли к власти». Вопрос, почему это так, может помочь раскрыть отношение Ницше к морали в ее классических формах и формулировках.

«Вот они ужасные, что носят в себе хищного зверя и не имеют другого выбора, кроме как вожделение или самоумерщвление. Но и вожделение их — тоже самоумерщвление» [7. С. 32], — гласит один из афоризмов ницшевского Заратустры.

Одно из немногих упоминаний о проблеме выбора указывает на принципиальную тупиковость выбора тех, кто проповедует отвращение к жизни (глава «О проповедниках смерти»). Другой важный фрагмент о проблеме выбора, точнее в связи с ней: «Но вот истина: добрые *должны* быть фарисеями, — им нет другого выбора!.. *Созидающего* ненавидят они больше всего: того, кто разбивает скрижали и старые ценности, разрушителя, — кого называют они преступником. Ибо добрые — *не могут* созидать...» [7. С. 154].

Оба фрагмента не могут быть адекватно поняты без ницшевской теории ressentiment. Трактовка неких добрых людей, которые ненавидят разрушающего, потому что не видят в нем созидательного момента, а не видят созидания, так как не могут созидать, — пример психологического анализа феномена ressentiment. «Добрые» в ницшевском понимании (возможный перевод — «хорошие») часто подвергаются критике именно из-за того, что они могут погубить настоящего творца (в том числе — творческое начало в себе) [8]. Ressentiment как чувство слабости или ущербности в чем-то, порождающее обиду как способ единственно доступного реагирования (а возможно и в принципе единственно возможного реагирования — Ницше подчеркивает, что ressentiment — это принцип реагирования на внешний стимул, а не по полаганию ценностей от первого лица), — это чувство описывает одну из альтернатив морального выбора, которую следует избегать.

Тогда рациональность выбора связана с тем, что он определяется обоснованным и сознательным мотивом прямого целеполагания, исключая всякое двойное дно, смыслы «реагирования на внешний стимул», которые отрицают творческое начало воли. То есть рациональность выбора противопоставляет себя ressentimentу как принципу. Парадокс ressentimentа, в который впадают, ненавидя сам ressentiment (обвинение в ressentimente есть ressentiment), снимается тем важным структурным моментом, что такое сопоставление себя с ressentimentом и искоренение возможных его проявлений осуществляется только в отношении самого же себя. Назовем данную особенность целеполагания в моральном

выборе (исключающую resentment в себе) авторефлексивной борьбой с resentment. Итак, именно авторефлексивная борьба с resentment является базисом морального выбора, который отвечает за рациональный критерий выбора. С этим связан и в нем находит свое выражение критерий возрастающей воли к власти как критерий поступка (согласно понимаемой морали как морали не стандартной, а морали сверхчеловека) [9].

Итак, на вопрос, почему термин «морального выбора», как и сама тема выбора между добром и злом, почти не встречается у Ницше, мы нашли следующий ответ: Ницше постулирует отход от классических бинарных оппозиций, от мышления о крайностях, в том числе и в морали (порок—добродетель, пороки как две крайности, противоположности метафизических понятий Добра и Зла). Восприятие Ницше через критику классических формулировок в теории морали помогает понять значение воли к власти как основы морали для автономной этики и ее прикладные аспекты (например, в теории толерантности [10. С. 99] и др.). «Низведение морали» из мира трансцендентальных идей обусловлено критикой не только неморальности мотивов отчужденной морали, но также и призывом объединить в морали ее абстрактно-всеобщий характер с конкретным личностным мотивом (подобно тому, как такой мотив постулирует и Кьеркегор). Критика отчужденности абстрактной морали парадоксальным образом направлена на уточнение смысла самоценности, но самоценности не формальной, а вызывающей к личностному выбору ее как цели. Так, в вопросе о моральном выборе Ницше удается задать новое видение мышления о том, что классика оставила нам как феномен «мораль».

Завершая разговор о моральном выборе, подытожим, что и Кьеркегор, и Ницше в развитии идеи выбора человека между добром и злом, между пристойным и непристойным, важным и ничтожным открывают перспективу или срез постановки вопроса о выборе, который связан с вопросом о форме самого вопроса. Для Кьеркегора оказывается важнейшей тема невыразимого в словах следования Абсолюту (абсолютному требованию), для Ницше — также тема выразимости высших моральных требований, принимающая причудливые формы изящных или же ужасающих своей витиеватостью афоризмов. «Несчастливыми называю я всех, у кого один только выбор: сделаться лютым зверем или лютым укротителем зверей, — у них не построил бы я шатра своего» [7. С. 140], — говорит ницшевский Заратустра в одной из речей. Выбор между двумя формами «лютости» — не выбор, и понять это можно только формулируя подобные данному афоризму образы, в которых старая истина о выборе из двух зол приобретает новое звучание поиска множества возможных перспектив.

© Косорукова А.А., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В генеалогическом методе Ницше, постмодернистских практиках деконструкции Деррида и др.
- (2) «Избегай предостерегать отважного! Этим предостережением ты только скорее побудишь его броситься в бездну!» [1].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ницше Ф. Песни Заратустры. Интернет-портал «Ницше.ру». М.: Фонд «Русский интернет», 2000—2013. [дата обращения: 30.04.2017]. Режим доступа: <http://nietzsche.ru/works/other/songs-zaratustra/>.
- [2] Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.
- [3] Бувва Л.П. Идея С. Кьеркегора об открытости человека и ее роль в воспитании [интернет]. М.: ИФРАН; с2007—2017. [дата обращения: 30.04.2017]. Режим доступа: http://iphras.ru/uplfile/histan/statwi/Bueva_Ideya_Kerkegora_ob_otkritosti_4eloveka_i_ee_rol_v_vospitanii.pdf.
- [4] Кьеркегор С. Страх и трепет // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
- [5] Саввина О.В. Этический смысл сказания об Аврааме // Служение высшей школе руководителя, педагога, ученого. К 50-летию профессора В.А. Цвыка / под ред. Н.С. Кирабаева. М.: РУДН, 2012.
- [6] Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» // Логос. 1997. № 10. С. 139—147.
- [7] Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч. в 2 тт. Том 2. М.: Наука, 1990.
- [8] Лапшин И.Е. Этическое восприятие идей Ницше в русской философии рубежа XIX—XX вв. // Материалы VII научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «История, политика и философия в эпоху глобализации»; Май, 20, 2016; Москва. М.: РУДН, 2016.
- [9] Kosorukova A.A., Lapshin I.E., Mukhametzhanova V.S. Aesthetic Moralism as a Form of Overcoming Nihilism: Ethical-Pedagogical Ideas of F. Nietzsche // International Conference on Arts, Design And Contemporary Education 2016; Proceedings; 2016 May 23—24; Moscow, Russia. Netherlands: Atlantis press; 2016. P. 1308—1312.
- [10] Цвык В.А., Цвык И.В., Косорукова А.А., Лапшин И.Е., Моисеенко М.В., Мухаметжанова В.С., Саввина О.В. Этика высшей школы: монография. М.: РУДН, 2016.

Сведения об авторе:

Косорукова Александра Андреевна — ассистент кафедры этики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; e-mail: kosorukova_aa@rudn.university.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-323-329

MORAL CHOICE AS THE BASIS FOR UNDERSTANDING MORALITY (regarding ideas of S. Kierkegaard and F. Nietzsche)

A.A. Kosorukova

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article considers two ways of raising the question about the concept of moral choice, carried out by two famous critics of the classical intellectualism in ethics — S. Kierkegaard and F. Nietzsche. The work defines the main contexts for the understanding of moral choice: as associated with the ideas of the overcoming of the abstract nature of the subject of moral choice, as making the emphasis on personality and as based on the idea of increasing self-affirmation of life in opposition to the values of denial of life (Ressentment). The philosophy of Kierkegaard illuminates the theme of moral choice from two

points of view: as a phenomenon of the ethical stage of existence, and as characteristic of the religious stage. If the ethical stage defines the moral choice as associated with the choice of these or those moral values, the religious stage is raised from the choice between the Absolute and the items of temporary individual human existence. The position of Nietzsche in relation to understanding the nature of morality is associated with his separation of morality of masters and morality of slaves. If the latter is determined by the sense of Ressentiment, the first is understood through absence of the sense of Ressentiment, and the positing of values “from the” advanced will to power. Resentment is treated in the article in the sense, in which it is defined by Nietzsche in “Genealogy of morality” — as the sense of smoldering resentment at your own weakness and someone else’s strength. The article emphasizes the parallelism between the theme of personal moral/ religious choice in Kierkegaard and the theme of individual autoreflexion struggle with Ressentiment as the basis of morality in the view of Nietzsche.

Key words: moral choice, ethics, S. Kierkegaard, F. Nietzsche, resentment

REFERENCES

- [1] Nietzsche F. *Pesni Zaratustry*. Nietzsche.ru. Moscow: Fond “Russkii Internet”, 2000—2013. [cited 30 April 2017]. Available from: <http://nietzsche.ru/works/other/songs-zaratustra/>. (In Russ).
- [2] Gaidenko PP. *Proryv k transsendentnomu: Novaya ontologiya XX veka*. Moscow: Respublika; 1997. (In Russ).
- [3] Bueva LP. *Ideya S. K’erkegora ob otkrytosti cheloveka i ee rol’ v vospitanii* [Internet]. Moscow: IFRAN; c2007—2017. [cited 30 April 2017]. Available from: http://iphras.ru/uplfile/histan/statwi/Bueva_Ideya_Kerkegora_ob_otkritosti_4eloveka_i_ee_rol_v_vospitanii.pdf/. (In Russ).
- [4] Kierkegaard S. *Strakh i trepet // K’erkegor S. Strakh i trepet*. Moscow: Respublika; 1993. (In Russ).
- [5] Savvina OV. *Eticheskii smysl skazaniya ob Avraame*. In: Kirabaev N.S., editors. *Sluzhenie vysshoi shkole rukovoditelya, pedagoga, uchenogo. K 50-letiyu professora V.A. Tsvyka*. Moscow: RUDN; 2012. (In Russ).
- [6] Kierkegaard S. *Zaklyuchitel’noe nenauchnoe posleslovie k “Filosofskim krokhham”*. In: *Logos*. 1997; 10: 139—147. (In Russ).
- [7] Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra*. In: Nitsche F. *Soch. v 2 volumes*. Volume 2. Moscow: Nauka; 1990. (In Russ).
- [8] Lapshin IE. *Eticheskoe vospriyatie idei Nitsche v russkoi filosofii rubezha XIX—XX vv*. In: Proceedings of the VII nauchnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “Istoriya, politika i filosofiya v epokhu globalizatsii”; 2016 May 20; Moskva, Russia. Moscow: RUDN; 2016. p. 52—61. (In Russ).
- [9] Kosorukova AA, Lapshin IE, Mukhametzhanova VS. *Aesthetic Moralism as a Form of Overcoming Nihilism: Ethical-Pedagogical Ideas of F. Nietzsche*. In: Proceedings of the International Conference On Arts, Design And Contemporary Education 2016; 2016 May 23—24; Moscow, Russia. Netherlands: Atlantis press; 2016. p. 1308—1312.
- [10] Tsvyk VA, Tsvyk IV, Kosorukova AA, Lapshin IE, Moiseenko MV, Mukhametzhanova VS, Savvina OV. *Etika vysshei shkoly: monografiya*. Moscow: RUDN; 2016. (In Russ).

ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-330-337

ЭТИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЭТИКА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Т.И. Пороховская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119234, Москва, Россия, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (Шуваловский)

Несмотря на то, что о правах человека написано немало, обоснованной концепции прав человека нет. Права человека в отечественной этике долгое время рассматривались в положительном ключе — как идеал, как ценность, как минимальная мораль или как аналог общечеловеческой морали. В статье прослеживается гипотеза возникновения идеи естественных прав человека, историческое изменение ее ценностно-нормативного содержания в философии и роли в политике и в особенности ее судьба в настоящее время, когда идея прав человека стала ценностным ядром идеологии глобализации. Анализируются, расширяются или уточняются основные аргументы критиков прав человека, рассматривается практика использования прав человека в качестве средства для решения каких-то других задач и ценностные трансформации идеи прав человека в связи с ее инструментальным применением. Такой подход открывает перспективу профессионального философского обсуждения этой темы.

Ключевые слова: права человека, справедливость, моральные и юридические права, глобализация, ценности-цели, ценности-средства

Опасаясь реванша коммунистической идеологии, российское политическое руководство 1990-х гг. наложило запрет на любую государственную идеологию (1). Однако под флагом деидеологизации СМИ последовательно внедрялись в общественное сознание либертарианские идеи, ценностным ядром которых является идея прав человека. В настоящее время, когда наше общество столкнулось со многими негативными следствиями такой идеологической переориентации, все чаще поднимается вопрос о ценностях и целях движения нашего общества. Стоило бы в связи с этим открыть их широкое обсуждение, и в частности внимательнее приглядеться к критическому анализу идеологии прав человека в западной философской литературе.

Идеал естественных прав человека как единого закона, которому должны подчиняться даже правители, возникает в противовес реальному многообразию обычаев и представлений о справедливом. Этот идеал содержится уже у Сократа и обосновывается в стоической философии. Человек, согласно стоикам, является субъектом права не только как гражданин полиса, но и должен обладать некоторыми правами уже только потому, что он человек: если человек — свободное и сознательное по своей природе существо, то должна быть и сфера, в которой

каждый индивидуум имел бы возможность самостоятельно принимать решения и беспрепятственно действовать.

С высоты идеала естественных прав как того в человеке, что не вполне может быть порабощено обществом и потому заслуживает уважения, рассматриваются реальные права и потребности, решается проблема их приоритетов.

Л. Штраус обращает внимание на то, что в основе идеи естественных прав человека лежит разделение природы и конвенции. Он полагал, что еще до того, как идея естественных прав человека появилась в философии, она — как озарение — возникает в сознании отдельных людей в качестве фундаментальной альтернативы конвенциональному: авторитету, местным обычаям, конкретному праву, различным представлениям о справедливости.

Идея естественных прав укореняется в мифическом золотом веке. Л. Штраус в связи с этим пишет: «Сомнение в естественном характере, как рабства, так и деления человеческого рода на отдельные политические или этнические группы, нашло свое наиболее простое выражение в тезисе, что все люди по своей природе свободны и равны» [7. С. 114)].

Когда говорят о естественном праве, подразумевают, что люди везде одни и те же и что свобода и справедливость — это жизненная необходимость каждого человека. Как замечает А. де Бенуа, идеология прав человека претендует на то, чтобы стать универсальной, будучи в то же самое время субъективистской. Субъективистской в том смысле, что права человека целиком выводятся из субъекта, существуют в качестве атрибутов человека как изолированного существа — дополитического и досоциального [См.: 2. С. 8].

Идея естественных прав человека в европейской культуре в дальнейшем основывалась на христианском моральном универсализме, идеях братства и равенства людей, нравственного единства человеческого рода. С начала эпохи Нового времени теория естественных прав разрабатывается и обосновывается в философии, она приобретает роль внутренней пружины европейской политической жизни: на ней базируется политическое просвещение, она становится движущей силой демократических преобразований. Права человека теперь уже рассматриваются в политическом контексте: в правовом государстве власть обязана уважать достоинство и свободы своих граждан, защищать гражданина не только от сограждан, но и от произвола самой государственной власти. С принятием в ООН Всеобщей декларации прав человека от 1948 г. и Конвенции о правах человека от 1966 г. права человека приобретают официальный статус и предъясняются в качестве неких самоочевидных истин, морального стандарта современного общественного порядка.

Несмотря на то, что о правах человека написано немало, обоснованной концепции прав человека нет. Не понятен их ценностный статус: место прав человека среди других ценностей, обладает ли «право человека» внутренней ценностью, абсолютной ценностью или же инструментальной. Не ясен и их нормативный статус: это моральные права или же юридические, дают они полномочия или привилегию, наделяют ли иммунитетом или дают право нечто делать и т.д. [См: 2. С. 35—36]. Не совсем верно будет утверждать и то, что они отражают некую консенсус-

ную позицию. «Декларация, — пишет Ф. Флао, — должна была быть принятой всеми при условии, что никто не будет спрашивать, чем она оправдывается. А это означало, что она будет навязана авторитетом» [Цит. по: 2. С. 34]. С 1970-х гг. западный мир начинает противопоставлять права человека ценностям советской идеологии, как пишет Бенуа, «стремится восстановить чистую совесть Запада, позволив ему снова предстать в виде образца для подражания и изблечить тех, кто не желает ему следовать, как „варваров“» [2. С. 10].

В настоящее время идеологическая парадигма прав человека, по существу, вытеснила, заменила собой просвещенческую ценностную парадигму с ее идеалами свободы, равенства, братства и справедливости. Под флагом этих идей происходили революционные преобразования во Франции, а вслед за ней и во всей Европе; идея коммунизма обладала мобилизующей силой для нескольких поколений наших сограждан. Права человека, по выражению А. Бенуа, стали «идеологическим каркасом глобализации» [2. С. 10]. Кофи Аннан называл их «основанием всех обществ», а Эли Визель — «всемирной секулярной религией» [2. С. 9]. Права человека, которые основываются на принципе терпимости, превратившись в догму, абсолют — ведь об очевидностях не спорят — теперь уже не допускают никакой терпимости, никакой критики, никакой другой идеологии рядом с собой. «...Сегодня критика идеологии прав человека, — замечает Ален де Бенуа, — кажется столь же святотатственной и скандальной, как некогда сомнения в существовании бога» [2. С. 9]. Они провозглашаются от имени всего человечества, а потому их противников и критиков «выталкивают за пределы человеческого рода».

Бенуа находит, что нынешняя настойчивость Запада в насаждении идеологии прав человека напоминает деятельность религиозных миссионеров прошлого. «...Точно так же, — пишет он, — как верующие раньше считали своим долгом всеми возможными способами обращать „неверных“ и маловерных, сторонники религии прав человека считают, что у них есть мандат на исполнение миссии, требующей насадить принципы этой религии по всему миру» [2. С. 10]. И чем больше отчуждение в обществе, чем более коммерциализируются общественные отношения и дегуманизируется общество, т.е. чем больше люди превращаются в объекты и средство, тем с большей настойчивостью провозглашаются права человека. А потому, делает вывод Бенуа, «декларация прав — не столько декларация любви, сколько декларация войны» [2. С. 10].

Моральное требование равных свобод и справедливости для всех воплотить в жизнь можно только коллективными усилиями. «...В контексте рабочего движения и христианско-социальной традиции, — пишет Ю. Хабермас, — сложился солидаристский *этнос борьбы за „большую социальную справедливость“* против индивидуалистического этноса справедливости успеха и достижений, этноса примирения с грубым социальным неравенством» [5. С. 47].

Однако идеология прав человека концентрирует внимание не на необходимости солидарных усилий, а на *индивидуальных* свободах и правах. И если идеи социальной справедливости — в форме ли христианской справедливости, коммунистической идеи или в форме общества всеобщего благосостояния — вдох-

новляли и освещали путь усовершенствования общественной жизни, то посредством идеологии прав человека, как замечает Ален Бадью, консервируется уже существующий социальный порядок. Запад не отказывается от нравственно-духовных ценностей, нет, он по-прежнему декларирует свою приверженность им, но следует различать то, что декларируется, и то, что защищается и реализуется.

Структуру положительных ценностей, по М. Шелеру, можно представить в виде пирамиды, на вершине которой находятся высшие ценности (ценностный «верх»), а антиценности являются зеркальным отражением положительных ценностей, — «пирамидой», опрокинутой вниз и примыкающей своим основанием к пирамиде положительных ценностей. Высший полюс — это полюс святости, низший — полюс сознательного злодейства, абсолютное зло. В рамках ценностной пирамиды М. Шелер выделяет три соподчиненных уровня позитивных модальностей: материальные, или витальные, ценности, социальные и духовные ценности. Если основание материальных ценностей коренится в потребностях человеческого организма (жажда, голод, ощущение холода и др.), то подобной основы у социальных ценностей нет. Высшие, духовные ценности (представления о святости (2), нравственном долге и благородстве, о высшей справедливости и др.) Шелер определил как духовные опоры, определяющие индивидуальный выбор человека и освещающие направление социального развития, — то, что выстраивает основную конфигурацию индивидуального и надиндивидуально-социального *ordo amoris* (порядка любви). Жизнь духа, полагал М. Шелер, имеет свой строгий порядок предпочтений и отталкиваний. «У сердца в его *собственной* сфере, — пишет он, ссылаясь на Паскаля, — имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствуемый им из логики рассудка. ...У сердца свои доводы: „свои“, о которых рассудок ничего не знает и никогда ничего знать не способен; у него есть „доводы“, т.е. реальное и очевидное понимание фактов, к которым слеп всякий рассудок — так же „слеп“, как слепой — к цвету, как глухой — к звуку» [6. С. 359]. В другом месте М. Шелер пишет: «Кто узнал *ordo amoris* человека, тот узнал и его самого» [6. С. 342].

М. Шелер сформулировал также запрет на инверсию ценностных полюсов: иерархия социальных норм и ценностей, писал он, не произвольна. И действительно, любая культура всячески препятствует ценностным инверсиям, и это сопротивление тем выше, чем выше ценностная модальность в верхней части пирамиды и чем ниже ее антипод в пирамиде антиценностей. Когда в качестве критерия оценки социальных отношений выдвигают не высшие ценности — гуманность и справедливость, — а социально-политические — права человека, происходит деформация ценностной картины мира, потому что, как пишет А. Бадью, права человека и социальная справедливость — это не совсем одно и то же. Права человека — это, прежде всего, право на не-Зло: право человека не подвергаться притеснению и агрессии (убийствам, казням, пыткам, репрессиям), не испытывать голод, не подвергаться унижениям и т.д. [1. С. 24]. Таким образом, добром объявляется соблюдение прав человека, а злом — его нарушения. Однако, замечает Бадью, это добро должно устанавливаться относительно зла, а не наоборот. Сна-

чала следует выявить *все* виды зла, а не только те, которые очевидны и бросаются в глаза, а затем установить каузальные связи между ними, чтобы выяснить их конечный источник, то звено, с которого и следует начинать, чтобы победить зло, — только так можно эффективно бороться со злом. «Нельзя отделаться от подозрения, — справедливо замечает в связи с этим Е.Л. Дубко, — что риторика прав человека служит некоторым образом для того, чтобы не видеть другого зла, кроме зла нарушения прав человека» [3. С. 688].

Поверхностный подход к проблеме зла подводит к столь же поверхностным выводам относительно современного общественного устройства. Если рассматривать мир через призму прав человека, то одни выступают в нем в качестве жертв, которых необходимо защищать, а другие — в роли их благодетелей. Причем исполнители этих ролей, на что специально обращает внимание А. Бадью, — всегда одни и те же: роль защитника, совершающего цивилизующие вмешательства, неизменно исполняет хороший белый Человек, Запад. «Когда-то, — пишет Ю. Хабермас, — либеральный национализм был убежден в своем праве распространять на весь мир универсальные ценности собственного либерального порядка, — в случае необходимости даже и военными средствами. Такое самоуправство не стало легче переносить вследствие того, что от национального государства оно перешло к гегемониальной державе. Именно универсалистская сущность демократии и прав человека запрещает насаждать их огнем и мечом» [5. С. 37]. Однако на деле мы видим, что ради защиты благопристойных «прав человека» в мирное время развязываются войны, ставятся на колени государства, убивают и калечат людей. Это зло — уже и не зло вовсе, а добро — защита прав человека. Гуманитарные экспедиции, вмешательства, благотворительные высадки легионеров, — это, пишет Бадью, не что иное, как варварство в терминах «прав человека» [1. С. 29]. Идея прав человека, таким образом, превращается в инструмент навязывания Западом своей воли и наказания строптивых. И не только к различным видам зла с позиции прав человека оказывается возможным подходить избирательно, акцентируя внимание на одних видах зла, и закрывая глаза на другие, но и к объектам своей защиты. Трудно не заметить, например, что у нас «правозащитники» защищают права отнюдь не самых обиженных властью граждан, а прежде всего «обиженных» властью проводников интересов Запада.

Идеология прав человека выполняет еще одну функцию — функцию подчинения мировосприятия представителей других культур меркам западной рациональности, западной картины мира. Об этом писал Амартия Сен: права человека как идеал, как ценностный горизонт, как вектор социально-политического развития — это одно, а права человека как нормы закона — это другое. Для того чтобы оправдывать свое название, права человека должны носить универсальный характер и иметь одинаковый (одинаково высокий) ценностный статус в различных культурах. На самом же деле ценностный статус этих прав в разных культурах разный, а западные политологи сами признают, что культурный империализм Запада подрывает политические устои остального, незападного мира. Возникает вопрос, насколько правомерно стремление Запада сделать свои ценности крите-

рием политической легитимности институтов в странах с другими культурными ценностями? Тем более, что это имеет не только культурные [4. С. 251—273], но и далеко идущие политические следствия. С Сеном солидарен и Кан: «Когда международное право, — пишет он, — распространяется с взаимоотношений между государствами на права граждан, это бросает вызов традиционной и политической концепции государства-нации. С точки зрения закона о защите прав человека мир представляет собой совокупность деполитизированных индивидов, т.е. таких индивидов, чья идентичность и права стоят выше государственной идентичности» [5. С. 179]. Власть же государства обязана лишь признать эти права и гарантировать их соблюдение, и может быть наказана за несоблюдение прав. А за этим, пишет Ю. Хабермас, уже стоят экономические интересы: «Тема „борьба культур“ („Kampf der Kulturen“) часто оказывается покрывалом, за которым скрываются веские материальные интересы Запада (например, приоритетно распоряжаться нефтяными месторождениями и обеспечивать энергетические потоки)» [5. С. 22]. Неолиберальную идеологию поэтому Ю. Хабермас называл колониальным дискурсом для развивающихся стран [5. С. 175; 179—181 и др.], поскольку она способствует оттоку основных ресурсов — природных, финансовых, интеллектуальных — из экономически менее развитых стран в «метрополию», как при колониализме. Это основные направления критики, но далеко не все аргументы против идеологии прав человека.

Таким образом, в случае прав человека речь идет не о правах в узком, собственном смысле слова, но об общем ценностном основании и морали, и права, да и всей культуры в целом. Фундаментальные свободы и сформулированные на их основе права имеют фундаментальное значение для каждого человека, они выступают базой для политических требований, они занимают место общих человеческих ценностей в условиях разнообразия культур и кризиса ценностей. Обоснованной концепции прав человека не существует, до конца не прояснены их природа и основания. Идея, согласно которой обращение к природе («естественные права») может помочь философски оправдать права человека или мораль, была убедительно опровергнута еще Дж. Э. Муром.

Идея прав человека, как правило, идентифицируется и принимается как самоочевидная, без ее критического анализа. Однако, при всей ее привлекательности, права человека оказываются весьма неоднозначным и противоречивым феноменом. Как идеал и как цель — это вдохновляющая и гуманная идея, однако при попытках ее реализации мы сталкиваемся со множеством трудностей. Не вполне понятен ценностный статус прав человека: являются ли они ценностью-целью или же инструментальной ценностью, ценностью-средством. Не ясен и их нормативный статус: это моральные права или же юридические, дают они полномочия или привилегию, наделяют ли иммунитетом или дают право нечто делать и т.д. Не совсем верно будет утверждать и то, что они отражают некую консенсусную позицию. Ален де Бенуа весьма доказательно сравнивает права человека с новой религией — со всеми вытекающими отсюда следствиями.

В отличие от этики справедливости этика прав сосредоточена на индивидуальных правах и свободах. Поэтому коммунитаристы критикуют ее за индиви-

дуалистические и анархистские тенденции (приоритет индивидуальных прав, по их мнению, подрывает единение, солидарность, которые так необходимы подлинному сообществу). И если идея справедливости освещала путь усовершенствования общественной жизни, то в идеологии прав человека вопрос о системном зле и переустройстве общественной жизни уже не ставится, т.е. посредством этой идеологии консервируется уже существующий социальный порядок. Добром является соблюдение прав человека, а злом — его нарушения. Право человека свободно и беспрепятственно действовать превращается, таким образом, в право на не-Зло, право человека не подвергаться притеснению и агрессии, в результате чего одни начинают выступать в качестве жертв, которых необходимо защищать, а другие — в роли их благодетелей. И тогда права человека с легкостью превращаются в инструмент: защитой благопристойных «прав человека» оправдываются развязывание войн в мирное время, «гуманитарные» экспедиции и вмешательства во внутренние дела других государств.

С помощью идеологии прав человека Запад делает свои ценности критерием политической легитимности институтов в странах с другими культурными ценностями. Насколько это правомерно, не обсуждается, а обсуждать надо. Критическое рассмотрение как идеи прав человека, так и ее использования для оправдания политики реализации теми или иными политическими субъектами своих экономических и политических интересов, позволит точнее определить место этой ценности в ряду других ценностей и повысит «иммунитет» общественного сознания к манипуляциям.

© Пороховская Т.И., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: Конституция РФ, ст. 13: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».
- (2) Под святостью М. Шелер понимал неопределимое единство абсолютных ценностных качеств, П. Флоренский определял святость как совокупность онтологических и нравственных совершенств.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла. СПб.: Machina, 2006.
- [2] Бенуа Ален де По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М.: ИОИ, 2015.
- [3] Дубко Е.Л. Политическая этика. М.: Академический проект; Трикста, 2005.
- [4] Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- [5] Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008.
- [6] Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 339—377.
- [7] Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007.

Сведения об авторе:

Пороховская Татьяна Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры этики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: 632712@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-330-337

ETHICS OF HUMAN RIGHTS AND ETHICS OF JUSTICE

T.I. Porokhovskaya

Lomonosov Moscow State University

Lomonosov Prospekt, 27-4, Shuvalov Building, 119234, Moscow, Russian Federation

Abstract. Despite the fact that a lot has been written about human rights, there is no grounded concept of human rights. Human rights in domestic ethics have long been viewed in a positive way — as an ideal, as a value, as a minimum moral or an analog of universal morality. The article traces the hypothesis of the emergence of the idea of natural human rights, the historical change in its value-normative content in philosophy and the role in politics, and, in particular, its fate at the present time, when the idea of human rights has become the value kernel of the ideology of globalization. The main arguments of the critics of human rights are analyzed, expanded or refined, the practice of using human rights as a means for solving some other tasks and value transformations of the idea of human rights in connection with this instrumental application is considered. This approach opens the prospect of a professional philosophical discussion of this topic.

Key words: human rights, justice, moral and legal rights, globalization, values, goals, values, means

REFERENCES

- [1] Badiou A. *Ethics: Essay on the Consciousness of Evil*. Saint-Petersburgh: Machina; 2006.
- [2] Benoist A. de. *On the other side of human rights. In defense of freedoms*. Moscow: IOI; 2015.
- [3] Dubko EL. *Political ethics*. Moscow: Academic project; Triksta; 2005.
- [4] Sen A. *Development as freedom*. Moscow: New publishing house; 2004.
- [5] Habermas J. *Split West*. Moscow: The whole world; 2008.
- [6] Scheler M. *Selected works*. Moscow: Gnosis; 1994. p. 339—377.
- [7] Strauss L. *Natural law and history*. Moscow: Aquarius Publishers; 2007.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-338-345

НРАВСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН СЛУЖЕНИЯ

М.В. Моисеенко

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В статье исследуется нравственный феномен Служения. Выделяются основные ценностные составляющие понятия Служения. Феномен исследуется, в основном, через призму социального служения в формах благотворительности и милосердия на примере истории и современного состояния России. Подчеркивается огромная роль государства и государственной идеологии, ориентирующих общество на высокие моральные стандарты. Социальное Служение в формах милосердия и благотворительности имеет глубокие корни в истории России, начиная с деятельности первых русских князей и духовенства. Милосердие всегда рассматривалось в истории России как высшая ценность. В современной России делам милосердия также уделяется большое внимание. Наградными и государственными премиями награждаются граждане за большую благотворительную деятельность по поддержке детских домов, домов престарелых, приютов, хосписов и медицинских учреждений, расположенных на территории РФ.

Служение рассматривается как форма патриотизма. Подчеркивается важная роль личности педагога в деле нравственного, патриотического воспитания молодого поколения. Обращение к темам патриотизма и Служения иллюстрируется на примере Коллоквиумов кафедры этики в рамках воспитательной работы, проводимой в РУДН.

В заключение автор определяет основные нравственные ценности людей, посвятивших жизнь высоким идеалам Служения. По мнению автора, это: патриотизм, гуманистические устремления, широкий кругозор, высокие моральные идеалы, высоко развитое чувство долга, чести и достоинства, чуткая совесть, альтруистические мотивы, трудолюбие, профессионализм, приоритет духовных ценностей над материальными, жертвенность. Служение — это подвиг в длительной временной перспективе.

Ключевые слова: Служение, нравственность, патриотизм, Россия, подвиг, милосердие, благотворительность, РУДН

Понятие «Служение» в «Энциклопедическом словаре педагога» определяется как «тип отношения человека к своей деятельности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высокопродуктивно выполнять любую взятую на себя работу. И это независимо от того, каково руководство, каковы условия. Служение — это бескорыстие общественно ценных мотивов, строгое и точное, с самоотдачей выполнение своих прямых профессиональных функций, выполнение не по обязанности, а из внутренней гражданской позиции. В этом смысле говорят о служителях веры, науки, Аполлона (поэзии)...» [1]. Речь здесь также идет о Служении делу, Отчизне, народу. В толковом словаре Д.Н. Ушакова говорится о служении великому делу [1].

В этих определениях подчеркивается бескорыстие общественно ценных мотивов, внутренняя гражданская позиция (потребность души), а также ценность служения в различных областях науки, искусстве, церковном служении, ценность и востребованность Служения делу, народу, Родине.

П.А. Столыпин, который видел смысл жизни в Служении России, подчеркивал: «Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу» [2].

М.В. Ломоносов считал, что мериллом жизненного смысла должно быть беззаветное Служение на благо и на силу Отечества. Главным в воспитании он считал формирование человека-патриота, отличающегося высокой нравственностью, любовью к науке, трудолюбием, служением России. В завещании потомкам он подчеркивал момент Служения народу и работы во благо Отчизны, необходимость укрепления могущества России, проявления отваги и умения постоять за себя и Отечество свое.

Мы можем говорить о феномене Служения в различных сферах деятельности: науке (ученые), в школе, вузе (педагоги), искусстве. Это и просветители, меценаты, врачи, юристы, защитники Отечества, добровольческие объединения (спасатели, поисковые отряды), церковное духовное служение. В отдельных профессиях понятие служения составляет их неотъемлемую часть: защитники Отечества (военнослужащие), сотрудники МЧС, служители церкви, актеры. В большинстве своем люди, избравшие эти профессии, относятся к своей ежедневной деятельности как Служению.

Служение — с одной стороны, явление не массовое, но, с другой, как свидетельствует история, и не только российская, людей, посвящающих жизнь Служению в различных областях науки, искусства и других сферах, не так уж и мало. И свидетельство тому — многочисленные подвиги рядовых людей, о которых мы ежедневно узнаем из СМИ.

В любом случае, в деле нравственного воспитания огромная роль принадлежит государству и государственной идеологии, ориентирующих общество на высокие моральные стандарты.

Социальное служение в формах милосердия и благотворительности имеет глубокие корни в истории России, начиная с деятельности первых русских князей и духовенства. Князь Владимир Мономах завещал сыновьям проявлять заботу и хлебосольство по отношению к бедным и убогим. В «Стоглаве» (1551) закрепились необходимость создания богаделен. «Начиная с XVII в. факты государственного поощрения регулярно отражаются в описях и делах Посольского, Полоняничного и Казенного приказов» [3. С. 83]. В конце XVIII — начале XIX в. появились наградные медали за разного рода благотворительность. «16 июня 1908 г. вышло Высочайшее повеление „О поощрении подвигов человеколюбия, награждаемых медалями“. Всего с 1698 по 1917 было установлено 1120 различных наград за социально-полезную деятельность» [3. С. 84]. На дела милосердия тратились большие средства. «Достаточно назвать суммы, которые потратили на милосердные дела некоторые из предпринимателей: Бахрушины — 3,4 млн руб., Третьяковы — 3,1 млн. На средства московских предпринимателей Солодовникова, Алексеева (Станиславского), Канцова, Лепешкина, Лямина, Морозовых, Рябушинских, Рукавишниковых, Щапова, Щукиных, вышеназванных Третьяковых и Бахрушиных к началу XX столетия в Москве существовало 628 различных заведений: школ, библиотек, институтов, приютов, ночлежек, богаделен и театров. Их благо-

творительные пожертвования, являясь мощным стимулом развития здравоохранения, просвещения и культуры стали одним из регуляторов социальной стабильности в стране» [4. С. 143—144].

Милосердие в истории России всегда рассматривалось как высшая ценность и практиковалось русскими царями. Оказался ли человек в беде: весеннее половодье, эпидемия, голод, война — во всех слоях общества пробуждается живое братство и готовность к самопожертвованию. Философ российского зарубежья «И.А. Ильин подчеркивает, что русских врачей в университетах обучали состраданию и служению страждущим. Настроенный на выгоду, доходное дело врач составлял гротескное исключение и подвергался едким насмешкам» [5. С. 145]. Достаточно вспомнить призыв А.П. Чехова «Ионыч», в котором автор показывает, как приоритет материальных ценностей над духовными, тяга к сытой и спокойной жизни губят личность, превращают врача в «существователя», лишённого общественного уважения.

В современной России делам милосердия уделяется большое внимание. Учреждены государственные награды «За благодеяние», «Орден Святой великомученицы Екатерины», нагрудной знак «За милосердие и благотворительность». Наградами и государственными премиями награждаются граждане за большую благотворительную деятельность по поддержке детских домов, домов престарелых, приютов, хосписов и медицинских учреждений, расположенных на территории РФ. Так, государственной премией за выдающиеся достижения в области правозащитной и благотворительной деятельности была награждена Елизавета Глинка (доктор Лиза), основательница волонтерской организации «Справедливая помощь». На ее счету тысячи спасенных детских жизней. В России активно работают такие благотворительные фонды, как «Русфонд» — благотворительный фонд помощи тяжелобольным детям, сиротам и инвалидам; «Подари жизнь» — фонд, специализирующийся на помощи больным детям, модернизации больниц. Его учредители — актрисы Дина Корзун и Чулпан Хаматова. Активно работают: фонд Валерия Гергиева, художественного руководителя и директора Мариинского театра, специализирующийся на адресной помощи молодым артистам и музыкальным коллективам, организации музыкальных фестивалей «Звезды белых ночей» и московских Пасхальных фестивалей, и благотворительный фонд поддержки деятелей искусства «Артист». Активно работают благотворительный фонд продовольствия «Русь» и «Центр социальных программ». Также можно выделить благотворительный фонд спасения тяжелобольных детей «Линия жизни», фонд помощи хосписам «Вера», региональную общественную православную организацию «Милосердие», осуществляющую 25 социальных проектов в Москве. Ее девиз: «В этом мире есть любовь» [6].

В России активно работают добровольческие молодежные объединения. Безусловно, специфика социального служения тесно связана с личными качествами тех, кто это служение осуществляет. Студентами и сотрудниками Академического института социального служения Российского государственного социального университета в период с февраля 2004 г. по февраль 2008 г. было проведено

исследование на тему «Мотивационная готовность молодежи к добровольческому служению». В исследовании приняли участие молодые люди (1750 человек) из разных регионов России, 54% девушек и 46% юношей. Средний возраст респондентов — 17,9 лет. У молодежи доминировали следующие мотивы: самореализация личностного потенциала; общественное призвание, чувство социальной значимости; самовыражение и самоопределение; способность выразить свою гражданскую позицию, выполняя общественный и религиозный долг [7. С. 63—65].

Феномен служения можно рассматривать как форму патриотизма. Президент России В.В. Путин объявил патриотизм национальной идеей России. В деле формирования патриотизма и духовности у современной российской молодежи трудно переоценить роль истории, пропаганды отечественных духовных ценностей. Важно доносить до молодежи славные имена, дела и открытия, воззрения великих сограждан России, которые представляют национальную гордость Отечества. При этом важно опираться не только на исторический материал, но и акцентировать внимание на подвигах современных героев, бескорыстном служении долгу, Служении Отечеству [8. С. 92—93].

В деле нравственного, патриотического воспитания огромная роль принадлежит педагогу, как школы, так и вуза. Ибо «дух учебного заведения» создается как педагогическим коллективом, так и каждым педагогом в отдельности. Психологической основой такого воздействия является склонность молодежи к подражанию. По образному выражению К.Д. Ушинского, пример — это «плодотворный луч солнца для молодой души, который ничем заменить невозможно» [9. С. 90]. Подвижник русской православной церкви Серафим Саровский подчеркивал важность наличия в человеке внутреннего света, чтобы рядом «зажглись тысячи». Если педагог несет молодому поколению высокие нравственные идеалы служения, то они, так или иначе, оставят след в сердцах молодежи. Педагог всегда должен помнить о высокой миссии науки и образования, ибо он работает еще и «на вечность» [10. С. 409]. Сегодня педагог в своей деятельности должен ориентироваться прежде всего «на воспитание, совершенствование, духовный рост личности» [11. С. 27]. И этика, профессиональная этика также способствуют развитию «духовно-нравственной культуры человека» [12. С. 79].

Патриотизм должен стать принципом высшей школы. Современная научно-образовательная деятельность должна рассматриваться «вузовскими работниками сквозь призму осознания подлинной миссии российского образования — „просвещения народа и служения Отечеству“. Эта ценностная установка в полной мере отражена в кодексах чести преподавателя и управленца РУДН» [13. С. 12]. Одна из задач миссии РУДН — формирование личностей, являющихся патриотами своих стран и друзьями России.

В российском университете дружбы народов в рамках воспитательной деятельности проводится большая работа по патриотическому воспитанию студентов на всех уровнях. Кафедра этики также вносит свой посильный вклад в решение этой благородной задачи. В рамках Лектория кафедры этики «Проблемы нравственности в современном обществе», помимо других тем этической направленно-

сти, проведены три Общеуниверситетских коллоквиума, посвященных проблеме патриотизма:

♦ «Формирование патриотизма и толерантности у современной российской молодежи» (18.04.2012);

♦ «Понятие патриотизма в представлении современной молодежи» (11.04.2014);

♦ «С чего начинается Родина?» (25.11.2015) [8. С. 95].

Одиннадцатый Общеуниверситетский коллоквиум кафедры этики был посвящен теме «Нравственная высота Служения» (12.04.2017). Тема Коллоквиума вызвала живой и неподдельный интерес преподавателей и студентов. В Коллоквиуме приняли участие студенты разных курсов от 1 до магистров и аспирантов факультета гуманитарных и социальных наук, юридического и медицинского институтов, представители различных направлений: философия, юриспруденция, государственное и муниципальное управление, лечебное дело. В Коллоквиумах кафедры этики традиционно принимают участие и иностранные студенты.

Осмысляя сложную и глубокую тему Служения, студенты выступили с интересными докладами и презентациями, в которых раскрыли феномен Служения через призму жизни и деятельности А.С. Грибоедова, Марии Склодовской-Кюри, Ф.Н. Плевако, Махатмы Ганди, Мартина Лютера Кинга, Серафима Саровского, а также на примере деятельности сестер милосердия из Удмуртии. Доклады сопровождали горячие дискуссии. Тема заставила задуматься о сущности феномена Служения, важности этого общественного явления, необходимости быть полезными обществу и стране, нести добро и свет в мир. Чему способствовала презентация кафедры этики, основанная на материалах российской истории, где в красочной форме были представлены деяния и изречения великих людей России, посвятивших свою жизнь Служению Родине. Среди них: князь Владимир, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Петр I, М.В. Ломоносов, А.В. Суворов, А.С. Пушкин, меценаты России, П.А. Столыпин, Патриарх Тихон, философы российского зарубежья И.А. Ильин и Г.П. Федотов, С.П. Королев, основатели и деятели современных фондов милосердия. И это лишь немногие из славной когорты великих людей России, смыслом жизни которых стало служение Отчизне.

И.А. Ильин замечал: «человечество живет как бы в едином, сплошном духовном эфире. Все в мире взаимосвязано. Каждая злая, лукавая мысль отравляет духовный воздух мира, и наоборот, чистые помыслы и посылаемые в мир светлые лучи делают свое благое дело... очищают духовный эфир бытия» [14. С. 496].

История дает нам примеры великих людей, чья жизнь становилась Служением делу, людям, Отчизне, которое стало достоянием широкой публики. Но, часто Служение — явление негромкое. Руководствуясь внутренней мотивацией Служения делу, людям, Отчизне, такие люди день ото дня добросовестно и честно, по зову сердца, делают свое дело, несут свет и добро в мир. Другой жизни себе не представляют. Они не заводят видео-блоги на Youtube, иллюстрирующие Служение, фото не выкладывают каждый день в Instagram. Их служение проходит тихо и незаметно, но от этого оно не становится менее ценным и значимым.

Характеризуя феномен Служения, по мнению автора, можно выделить следующие ценности его носителей: патриотизм, гуманистические устремления, широкий кругозор, высокие моральные идеалы, высоко развитое чувство долга, чести и достоинства, чуткую совесть, альтруистические мотивы, трудолюбие, профессионализм, приоритет духовных ценностей над материальными, жертвенность. Служение — это подвиг в длительной временной перспективе. Такие люди являются воплощением морального идеала. Их дела и свершения способствуют нравственному совершенствованию и гармонизации социума.

© М.В. Моисеенко, 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Режим доступа: http://spiritual_culture.academic.ru. Дата обращения: 23/04/2017.
- [2] Биография Петра Аркадьевича Столыпина. Режим доступа: http://www.foxdesign.ru/aphorism/author/a_stolipin.html. Дата обращения: 23/04/2017.
- [3] *Кирюшина Н.Ю., Шартынова А.В.* Становление феномена социального служения в истории дореволюционной России. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-fenomena-sotsialnogo-sluzheniya-v-istorii-dorevoljucionnoy-rossii>. Дата обращения: 29/04/2017.
- [4] *Смирнов Г.Н.* Этика деловых отношений. М.: Издательство «Проспект», 2013.
- [5] *Моисеенко М.В.* Тема любви в творчестве И.А. Ильина // Пути и задачи духовного возрождения России. М.: РУДН, 2014. С. 142—149.
- [6] Милосердие.RU. Первые в рейтинге: 10 крупнейших благотворительных организаций России. Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/pervye-v-rejtinge-10-krupnejshih-blagotvoritelnyh-organizatsij-rossii/>. Дата обращения: 29/04/2017.
- [7] *Решетникова О.Н.* Исследование мотивационной готовности молодежи к добровольческому служению // Развитие добровольческого служения российской молодежи. М.: Изд-во РГСУ, 2008. С. 63—65.
- [8] *Моисеенко М.В.* Патриотизм как принцип высшей школы // Этика высшей школы. М., РУДН, 2016. С. 91—97.
- [9] *Лапшин И.Е.* Высшее образование как фактор социализации современной молодежи: этический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 88—95.
- [10] *Mukhametzhanova V.S., Moiseenko M.V., Savvina O.V., Kosorukova A.A.* Code of Ethics as an instrument for Maintaining Professional Ethics of University Professors. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts. Book 3 “Anthology, Archaeology, History and Philosophy”. Vol. 1. Published by STEF92 Technology Ltd, Bulgaria. 2016. DOI: 10.5593/sgemsocial2016NB31. P. 403—410. (6—9 April 2016, Extended Scientific Sessions Vienna, Austria).
- [11] *Цвык И.В.* Преподавание этики в технических вузах: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 26—33.
- [12] *Мухаметжанова В.С.* Этический кодекс как нравственный регулятор профессиональной деятельности муниципальных служащих // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 78—83.
- [13] *Цвык В.А.* Этика высшей школы (на примере Российского университета дружбы народов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 9—18.
- [14] *Моисеенко М.В.* Этико-психологические этюды И.А. Ильина // Открывая современность заново. М.: РУДН, 2011. С. 490—501.

Сведения об авторе:

Моисеенко Марина Валентиновна — кандидат философских наук, доцент, кафедра этики факультета гуманитарных и социальных наук; e-mail: moiseenko_mv@rudn.university

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-338-345

THE MORAL PHENOMENON OF SERVICE

M.V. Moiseenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article examines the phenomenon of moral Service, highlights the main value components of the concept of Service. The phenomenon is investigated mainly through the prism of social Service in the forms of charity and benevolence drawn from the history and from modern Russia. The enormous role of the state and state ideology that guides society with high moral standards is emphasized in the article. Social Service in the forms of charity and philanthropy has deep roots in Russian history, starting from the first Russian princes and the clergy. The mercy is always seen in the history of Russia as the highest value. In modern Russia the strong focus is also set on the acts of mercy. Multiple awards and state prizes have been given to citizens and organizations supporting orphanages, nursing homes, hospices and medical institutions located on the territory of the Russian Federation.

The Service is regarded as a form of patriotism. The article highlights the importance of the personality of the teacher in moral and patriotic upbringing of the younger generation. The appeal to the themes of patriotism and Service is illustrated by the example of the Colloquiums of the Department of Ethics within the framework of the educational work in RUDN.

In conclusion the author defines the basic moral values of people who devoted their lives to the high ideals of Service. According to the author, this is: patriotism, humanistic aspirations, open-mindedness, high moral ideals, highly developed sense of duty, honor and dignity, tender conscience, altruistic motives, hard work, professionalism, priority of spiritual values over material, self-sacrifice. Service is a feat in a long-term perspective.

Key words: Service, morality, patriotism, feat, motivation, mercy, charity, PFUR

REFERENCES

- [1] Dictionaries and encyclopedias on the Academic. Available from: http://spiritual.culture.academic.ru/2064/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5/fundamentals_of_spiritual_culture. (In Russ).
- [2] Aphorisms. Available from: http://www.foxdesign.ru/aphorism/author/a_stolipin.html. (In Russ).
- [3] Kiryushina NY, Shartanova AV. *Stanovlenie fenomeny social'nogo sluzheniya v istorii dorevoljucionnoj Rossii*. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-fenomena-sotsialnogo-sluzheniya-v-istorii-dorevoljutsionnoy-rossii/>. (In Russ).
- [4] Smirnov GN. *Etika delovyh otnoshenij*. Moscow: Izdatelstvo "Prospekt"; 2013. (In Russ).
- [5] Moiseenko MV *Tema ljubvi v tvorchestve I.A. Il'ina. Puti i zadachi duhovnogo vozrozhdenija Rossii*. Moscow: PFUR; 2014. p. 142—149. (In Russ.)
- [6] 10 biggest charitable organizations of Russia. Available from: <https://www.miloserdie.ru/article/pervye-v-rejtinge-10-krupnejshih-blagotvoritelnyh-organizatsij-rossii>. (In Russ).
- [7] Reshetnikova ON. *Issledovanie motivacionnoj gotovnosti molodezhi k dobrovol'cheskomu sluzheniju. Razvitie dobrovol'cheskogo sluzhenija rossijskoj molodezhi*. Moscow: Publishing house of RSSU, 2008. p. 63—65. (In Russ).

- [8] Moiseenko MV. Patriotizm kak princip vysshej shkoly. *Etika vysshej shkoly*. Moscow: PFUR; 2016. p. 91—97. (In Russ).
- [9] Lapshin IE. Vysshee obrazovanie kak faktor socializacii sovremennoj molodezhi: eticheskij aspekt. *Bulletin of the Russian University of friendship of peoples*. Series: Philosophy. 2016; 3:88—95. (In Russ).
- [10] Mukhametzhanova VS, Moiseenko MV, Savvina OV, Kosorukova AA. Code of Ethics as an instrument for Maintaining Professional Ethics of University Professors. *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts. Book 3 "Anthology, Archaeology, History and Philosophy"*. 2016;1:403—410. DOI: 10.5593/sgemsocial2016HB31403-410.
- [11] Tsyk IV. Prepodavanie etiki v tehniceskikh vuzah: problemy i perspektivy. *Bulletin of the Russian University of friendship of peoples*. Series: Philosophy. 2016; 3:26—33. (In Russ).
- [12] Mukhametzhanova VS. Eticheskij kodeks kak npravstvennyj reguljator professional'noj dejatel'nosti municipal'nyh sluzhashhih. *Bulletin of the Russian University of friendship of peoples*. Series: Philosophy. 2015; 2:78—83. (In Russ).
- [13] Tsyk VA. Etika vysshej shkoly (na primere Rossijskogo universiteta družby narodov). *Bulletin of the Russian University of friendship of peoples*. Series: Philosophy. 2016; 3:9—18. (In Russ).
- [14] Moiseenko MV. *Etiko-psihologicheskie etjudy I.A. Il'ina. Otkryvaja sovremennost' zanovo*. Moscow: PFUR; 2011. p. 490—501. (In Russ).

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-346-352

ETHICS OF THE CIVIL SERVICE

V.S. Mukhametzhanova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article reviews the concept of the civil servant ethics as a separate type of professional ethics. According to the author's opinion, the problems of the civil service management and search for mechanisms to increase its effectiveness are extremely important for the modern society.

The specifics of the ethics of public service are determined by a number of factors. First, it is the special purpose of the state service itself, stipulated in the Constitution of the Russian Federation. Secondly, it is the special social and legal status of civil servants. Thirdly, these are the restrictions and obligations for the citizens of the Russian Federation while doing civil service. Fourth, it is the formation of effective human resources capacity of civil servants. Finally, it is the awareness of the high level of social responsibility of officials for the decisions taken in professional activities.

The article pays special attention to the analyzes of the ethical code aimed to increase the efficiency of the performance of duties by state officials. Awareness and observance of ethical principles are the key to assessing quality of their professional activities and behavior. Approved ethical principles of civil service set the common guidelines, ensuring the integrity and viability of the service as a system.

Key words: professional ethics, ethics of civil service, ethical code, ethical principles

Professional ethics as a part of the general ethical theory differs with its applied nature. One of its most important tasks is the concretization of general ethical regulators of human practical activity related to a profession. The main point of the moral assessment of professional activity and the personality of the employee is professionalism, which includes the moral appearance of a specialist, the comprehension and fulfillment of professional ethics requirements, the ability to be guided by universal and professional moral standards. Today, in the conditions of the transformation of society, professional ethics becomes the theoretical basis for the development of a person's moral culture.

Public interest to the importance of moral issues in the human culture history and to striving to understand the essence of moral and ethical issues at the level of modern knowledge is logical. Development of Russia aimed at the democratic state, the regulation of all its social structures is impossible without the establishment of ethical standards in all spheres of society.

Management is a complex process since it always involves two subjects of activity: person — person. Making the importance of the moral aspect of managerial activity stronger actualizes the problem of developing a special kind of professional ethics, which is administrative ethics. The ethics of the civil service represents the foundation of the service culture of officials at all levels of government, which codifies ethical principles, norms, prohibitions, rules of official conduct of civil servants acting as intermediaries in relationship between the state and its citizens.

The peculiarity of the ethics of civil servants as a form of professional ethics is determined by different factors.

First, the specifics of the purpose of the civil service is fixed in Article 3 of the Constitution of the Russian Federation [5]. The 1993 Constitution determined the tactics and strategy of building a legal, social, democratic state, predetermining the goals, objectives and content of the qualitative characteristics of its authorized representative, that is the civil service.

Secondly, it is a special social and legal status of civil servants. Civil service as a social and legal institution takes a special place in the achievement of national goals and plays an important role in the governmental mechanism. Formation and determination of the state civil service in Russia, called to serve to a society and citizens is the important condition of effective functioning of the state.

Thirdly, the restrictions and obligations established by Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 “On the Civil Service System of the Russian Federation” during the civil service (the presence of Russian citizenship, persons who have reached the age of 18, higher profile education, 3 years, etc.) [11].

Fourth point is the volume and content of the competence and the level and contents of responsibility for the quality and social consequences of their professional activities. Formation of effective human resources in the professional work of civil servants is a key factor for providing strength and high efficiency of the government. In 2009, the Federal Program No. 261 “Reforming and developing the civil service system of the Russian Federation” was approved by the Presidential Decree [10]. This program was aimed at creating, implementing and improving mechanisms to comply with the requirements for civil servants conduct and the conflict of interest in the civil service; as well as the development of procedures for dealing with cases of unethical behavior of civil servants.

The state civil service is a professional service activity of a certain contingent of officials (employees) for ensuring the execution of the powers of state power structures. This service gives direction to the activities of government bodies and, in the course of implementing the competence of these bodies, preserves and provides this direction.

In other words, the civil service plays the role of a steersman in the practical execution of powers, helping the state achieve the goals determined by the country’s political leadership. Entry into the service (that is, the replacement of a post) implies decent conduct, a developed sense of responsibility, honor, honesty and duty, so the requirement to the employees to observe moral norms is very important.

According to the established duty, the civil servant must selflessly, unselfishly, conscientiously perform professional duties and duties. His conduct within and outside the service must be such that it does not damage the respect and confidence of the society and citizens which his profession requires [7. P. 34—37].

The professional ethics of public service as a scientific direction studies the influence of morality on the work of the apparatus of the public authority and seeks answers to questions about what is right and what is wrong in the behavior of employees and what must be done to form high moral principles. The professional ethics of the civil service, along with psychological, pedagogical, economic, managerial and other compo-

nents, is a very important component in the corporate (professional) culture of state civil servants. It is worth reminding that ethical standards of service are more precise than ordinary moral standards.

Professional ethics of the civil service as a regulator of the corps of officials is able to maintain the effectiveness of management activities and contribute to the growth of its effectiveness, which allows us to supersede motivation through coercion, which elements are the part of the service concept. Thus, ethics of the civil service suggests to characterize the position and behavior of the employee in terms of his assessment, regulation and consequences. This makes it possible not to lose the personality when it is hidden behind the service instructions.

Even more attention is paid to the study of ethical standards and norms of behavior of management staff. This, Department of the State Service of the Ministry of Health and Social Development of Russia in December 2010 approved the “Model Code of Ethics and Official Conduct of Civil Servants of the Russian Federation and Municipal Employees”. The concept of the code is defined as “a set of general principles of professional service ethics and basic rules of official conduct, which should be guided by the civil servant of the Russian Federation and the municipal employee, regardless of the position being replaced”. This ethical code is designed to increase the effectiveness of the performance of government officials in their official duties. Knowledge and observance of the provisions of the Code by the civil servant is one of the criteria for assessing the quality of his professional activities and performance. Thus, this code is “a set of rules for self-sufficiency, the fulfillment of which serves as a guarantee of successful labor and productive work” [8].

Formed and approved ethical principles of service in the “Model Code of Ethics and Official Conduct of Civil Servants of the Russian Federation and Municipal Employees” provide common guidelines, ensuring the integrity and viability of service as a system and expressing its supreme values. These regulations define them, prescribe a certain style of behavior, contain restrictions, recommendations, prohibitions and guarantee that people can rely on each other for achieving common goals and avoiding conflicts.

The Code of Ethics for Civil Servants is a systematized list of ethical principles, norms and rules that express the moral requirements of society for the moral personality of a civil servant, the social purpose of his activities and the nature of the relationship with society, citizens and the state in his professional environment. As any other code, it contains norms which “reflect existing social relations... are produced by social needs, by the level of working morality development, by the specificity of professional functions” [9. P. 491].

The professional ethics of civil service as a system of ethical norms and the science of their application in management performs a very essential function. No matter how optimal the legal standards regulating labor relations are, they can lose effectiveness because of unscrupulous employees' activity. That is why it is important that legal standards be supplemented also with moral ones.

It should be pointed out that the norms of professional ethics extend to those areas of official activity that cannot be resolved by law. The right cannot prevent the mani-

festation of such negative personal qualities of employees, as arrogance, servility, rudeness, indifference. The manifestation of these qualities can only be influenced by moral triggers [3. P. 14—23]. For example, the rules of criminal law provide for the severe responsibility of employees to receive bribes, and moral norms condemn any grasping desire of employees of the administrative apparatus with the use of official position.

A special feature of the professional ethics of the civil service can be the fact that it acquires some features of a formalized state while training in the moral principles of activity is more and more actualized. In addition, currently high level of public awareness of governance requires that the public service comply with the ethical code, which becomes an integral part of the management system itself.

The basics of the professional ethics of civil service can be understood and studied on the basis of an analysis of three levels:

- 1) the national level of public service as public legal institutions and carriers of a specific corporate culture;
- 2) the level of the state body, whose style of work is normalized from a set of stable patterns of values and legal norms, accumulated traditions, experience and modern orientation;
- 3) the level of the personality of the civil servant, whose individual culture accommodates a combination of professional qualities and properties, beliefs, knowledge and skills, a definite set of managerial technologies.

The manifestation of corporate consciousness by following the principles of professional ethics is a favorable condition for improving the work of governmental machinery aimed at conscientious and effective performance by employees of official (service) duties [2. P. 14; 4. P. 96—115].

The principle of public service, stemming from the provisions of the Constitution of the Russian Federation on the social character of the Russian state, is based on the systematization of *the ethical principles of official conduct of civil servants* as the fundamental requirements to the moral essence and social purpose of their professional activity, to which they must adhere during performing their official duties.

Implementing of the power through the government, people as the carrier of sovereignty and the only source of power in the Russian Federation oblige authorities to call, observe and protect the rights and freedoms of man and citizen, create conditions that ensure a decent life and free development of a person.

Being an institution for the implementation of state policy and its obligations to society, and therefore fulfilling the mission of public service, the staff corps of employees is to meet the requirements and social expectations of citizens, that is, taxpayers who provide their labor and have the right to demand from them honest and conscientious fulfillment of their Civil and official duty.

Another important ethical principle of the Russian civil servant is *the principle of legality* of the supremacy of the Constitution of the Russian Federation and federal laws over all other normative acts and duty descriptions [1].

The embodiment of this principle in life and managing it in direct practical work acts as the determining social and spiritual basis for staff management.

In a civil servant's practice, there is often a moral problem: how to be an official who received an illegal order from his superior leader, from his point of view? Practice shows that the principle of legality is not always respected. The reasons are the social insecurity of the civil servant, his dependence on his superiors, the low level of legal culture, the instability of personal values and so-called "flexible" conscience.

The ethical principle of humanism requires from the state and municipal employee respect for the person, faith in him, recognition of the sovereignty and dignity of the individual. However, the requirement of a humane, respectful attitude towards a person is mostly ignored by many modern Russian civil servants. Consequently, low professional culture, deformation of feelings, needs, motives and ideals continue the manifestation of moral deformation of employees [6].

The principle of impartiality and independence should, first of all, provide the civil servant the service to the interests of the state and society in a situation of moral choice in the development and implementation of a concrete decision. State employees should not use state property and official information for non-official purposes.

In the conditions of corruption of the state machinery, civil servants do not pay much attention to the principle of impartiality and independence, and they are more concerned with the issues related to personal well-being than with state and public interests.

The principle of responsibility emphasizes that any administrative authority is responsible for the negative consequences of decisions, failure to perform its official duties, actions that violate the rights and legitimate interests of citizens. Civil servants, aware of their responsibility to the society and its citizens, have a civil conscience, professional honesty, a heightened sense of duty, honor and dignity, manifested in the unity of the word and deed.

Normal work of a civil servant is impossible if it is not based on the *principle of justice*, realizing itself in the effective protection of the rights of citizens, as well as in the lawful use of power and meeting social expectations of society. Any injustice, allowed by an official, does not discredit just him, but also authorities in general, causing them irreparable moral damage.

The requirements of the code should serve as the main criteria for ethical assessment of the quality of professional activity and official behavior of civil servants. Therefore, steady observance of the principles of public service, legality, humanity, impartiality, responsibility, justice by civil servants testifies to the so-called moral health of the state. Thus, they form the basis of the ethics of public service, ensuring its integrity and effectiveness.

© Mukhametzhanova V.S., 2017

ENDNOTES

- (1) Look up in "Model Code of Ethics and Official Conduct of Civil Servants of the Russian Federation and Municipal Employees", adopted on December 23, 2010 by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation on combating corruption.

REFERENCES

- [1] Bakshtanovskij VI, Sogomonov JuV. *Professional'naja jetika: sociologicheskie rakursy*. V.I. Bakshtanovskij, Ju.V. Sogomonov, editors. Moscow: SOCIS; 2005; (8): 3—13. (In Russ).
- [2] Bojkov VJe. Professional'naja kul'tura i jetika gosudarstvennyh sluzhashhih. *Sociologija vlasti*. 1997; (4—5):14. (In Russ).
- [3] Kodeks sluzhebnoho povedenija dolzhnostnyh lic: byt' ili ne byt'? Otchet o rabote "kruglogo stola". *Chinovnik*. 2003; (3):14—23. (In Russ).
- [4] Komleva VV. Professional'naja jetika gosudarstvennyh sluzhashhih v uslovijah reformy gosudarstvennoj sluzhby. V.V. Komlev, editor. *Sociologija vlasti*. 2004; (1): 96—115. (In Russ).
- [5] Constitution of Russian Federation. Available at <http://constitution.kremlin.ru/>. (In Russ).
- [6] Moiseenko MV. Problema professional'noj nravstvennoj deformacii sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov / Professional'naja jetika v sovremennom obshhestve. V.A. Cvyk, editor. Moscow: Jekon-inform; 2011. (In Russ).
- [7] Mjagotin AV. Metamorfzy professional'noj morali gosudarstvennogo sluzhashhego. A.V. Mjagotin, editor. *Vlast'*. 2007; (12): 34—37. (In Russ).
- [8] Tihomirov JuA, Talapino JeV. O kodifikacii i kodeksah. *Zhurnal rossijskogo prava*. 2003; (3): 47—54. (In Russ).
- [9] Tsvyk VA, Tsvyk IV, Lapshin IY. Ethics of professional practice. 3rd International Multi-disciplinary Scientific Conference On Social Sciences & Arts. *SGEM*. 2016; 491.
- [10] Federal Program № 261 of 10 March 2009. "Reformirovanie i razvitie sistemy gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii". Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85601. (In Russ).
- [11] Federal law № 79-FZ of 27 Julye 2004. "O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii", stat'ja 12. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/1813564cbe241552c9d71b038fc20dc395a186fb. (In Russ).

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-346-352

ЭТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В.С. Мухаметжанова

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В статье рассматривается понятие этики государственных служащих как особого вида профессиональной этики. По мнению автора, в современном обществе очень остро стоит вопрос исследования проблем управления государственной службой и поиска механизмов повышения ее эффективности.

Специфика этики государственной службы определяется рядом факторов. Во-первых, особое предназначение самой государственной службы, закрепленной в Конституции РФ. Во-вторых, это особый социально-правовой статус государственных служащих. В-третьих, это ограничения и обязательства для граждан РФ при прохождении государственной службы. В-четвертых, формирование эффективного кадрового потенциала государственных служащих. И, наконец, осознание высокого уровня социальной ответственности чиновников за принимаемые решения в профессиональной деятельности.

Особое внимание в статье уделяется анализу этического кодекса, направленного на повышение эффективности выполнения государственными служащими своих должностных обязанностей. Знание и соблюдение этических принципов кодекса является ключевым в оценке качества их профес-

сиональной деятельности и служебного поведения. Утвержденные этические принципы службы задают общие ориентиры, обеспечивают нравственную целостность и жизнеспособность службы как системы в целом.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика государственной службы, этический кодекс, этические принципы

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бакутановский В.И., Согомонов Ю.В.* Профессиональная этика: социологические ракурсы // СОЦИС. М., 2005. № 8. С. 3—13.
- [2] *Бойков В.Э.* Профессиональная культура и этика государственных служащих // Социология власти. 1997. № 4—5. С. 14.
- [3] Кодекс служебного поведения должностных лиц: быть или не быть? Отчет о работе «круглого стола» // Чиновникъ. 2003. № 3. С. 14—23.
- [4] *Комлева В.В.* Профессиональная этика государственных служащих в условиях реформы государственной службы // Социология власти. 2004. № 1. С. 96—115.
- [5] Конституция РФ. Режим доступа: <http://constitution.kremlin.ru>. Дата обращения 28.03.2017.
- [6] *Моисеев М.В.* Проблема профессиональной нравственной деформации сотрудников правоохранительных органов // Профессиональная этика в современном обществе: Сборник статей / под общ. ред. В.А. Цывика. М.: Экон-информ, 2011.
- [7] *Мяготин А.В.* Метаморфозы профессиональной морали государственного служащего // Власть. 2007. № 12. С. 34—37.
- [8] *Тихомиров Ю.А., Талатино Э.В.* О кодификации и кодексах // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 47—54.
- [9] *Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Lapshin I.Y.* Ethics of professional practice // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences & Arts, SGEM. 2016. P. 491.
- [10] Федеральная программа № 261 «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации». *Консультант плюс*. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85601/.
- [11] ФЗ № 79-ФЗ от 27 июля 2004 «О системе государственной службы Российской Федерации», статья 12, *Консультант плюс*. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/1813564cbe241552c9d71b038fc20dc395a186fb.

Сведения об авторе:

Мухаметжанова Винера Саяровна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры этики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; e-mail: mukhametzhanova_vs@rudn.university.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-353-360

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА

А.А. Сазонова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются особенности российского электорального дискурса. Представлен историко-философский анализ и ценностные основания данного феномена. Понятие дискурса отражает не только речевые особенности определенной группы людей, но и специфику социальной структуры. Так, электоральный дискурс представляет социально обусловленную организацию речевого пространства, связанную с избирательными процессами. Для понимания специфики современного электорального дискурса его ценностным основаниям уделяется особое внимание. Рассмотрены работы Н. Бердяева, И. Ильина, Н. Карамзина, О. Ключевского, Г. Плеханова и других. В статье подробно представлен анализ становления российской политической мысли и избирательной традиции. Бинарность российского исторического развития очевидна: образ жизни в России бесконечно видоизменялся под влиянием азиатских и европейских факторов. Особое внимание уделяется постсоветскому периоду и становлению современной избирательной системы. Автор выделяет три основных фактора, оказывающих влияние на формирование качества отечественного электорального дискурса: отсутствие конкурентной борьбы, зарождающийся институт права собственности, заимствование политической традиции. Выделяются негативные начала российского электорального дискурса. Исследование данного феномена позволит определить механизмы управления социальными изменениями, которые могут использоваться различными социальными группами для достижения определенных целей развития общества.

Ключевые слова: электоральный дискурс, политическая система, политическая этика, профессиональная мораль, политическая культура

Электоральный дискурс, в первую очередь, представляет собой социально обусловленную организацию речевого пространства, связанного с избирательным процессом. Речевое пространство — это не просто набор определенных языковых знаков, а сложная система, которая основана на социальном опыте какой-либо группы. Оно возникает и существует только в виде коммуникации между индивидами, сохраняя себя посредством знаков, которые передаются из поколения в поколение. Можно сказать, что такое понятие, как дискурс, отражает не только речевые особенности определенной группы людей, но и особенности социальной структуры. Поэтому исследование ценностных оснований российского электорального дискурса позволит определить механизмы управления социальными изменениями, которые могут использоваться различными социальными группами для достижения определенных целей развития общества.

В целом, рассмотреть ценностные основания российского электорального дискурса можно через философскую и историческую ретроспективу. Так, Н.А. Бердяев выделял пять разных культурно-исторических типов истории Российского

государства: Киевская Русь, Московское царство, Петербурго-императорская Россия, Советская Россия, а также отдельно культуру Серебряного века [9. С. 131].

С 1991 г. Россия вступила в новый этап своего развития, который можно определить как постсоветский. Каждый новый исторический тип имеет ряд уникальных черт, часто противоречащих предыдущему. И в итоге попытка представить историю государства Российского как целостное, логически развивающееся явление, наталкивается на сложности и противоречия. Отечественная культура бинарна, двойственна, всегда находится в состоянии раскола: «Европейское и азиатское, оседлое и кочевое, христианское и языческое, светское и духовное, официальное и оппозиционное, коллективное и индивидуальное — эти и подобные пары противоположностей свойственны русской культуре с древнейших времен и сохраняются фактически до настоящего времени» [10. С. 125].

Н.А. Бердяев отмечает: «Два противоположенных начала легли в основу формирования русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [3]. Но что же объединяет историю России воедино, состоящую из, казалось бы, таких разных и отчасти противоречивых исторических периодов? Н.А. Бердяев, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, В.О. Ключевский указывали на уникальный историко-культурный архетип русского человека, сформированный под влиянием географического, климатического факторов.

Бинарность, черту присущую отечественной истории, исследователи в первую очередь связывают с пограничным, срединным положением России. Н.А. Бердяев отмечает: «Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ» [3].

Великий русский историк В.О. Ключевский, начиная курс лекций по истории России, отмечает важные географические и климатические факторы, влияющие на становление российского народа: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию» [8]. Г.В. Плеханов, рассуждая о будущем России, указывал на факт пограничного положения страны и постоянных метаний между европейским и азиатским укладами: «А теперь мы видим, что и в России все более и более развивается капитализм, т. е. возникают такие формы социального быта, которыми характеризуется западная Европа. В социальном быте России совершается теперь глубокий процесс европеизации. Этот процесс необходимо поведет за собою и политическую европеизацию России, т.е. изменение ее конституции в духе новейших европейских конституций» [11. С. 253]. Бесконечные скитания русской души между Западом и Востоком отразились в философии западников и славянофилов, искавшей ответ на вопрос: «Кто мы?».

Жизнь русского человека бесконечно видоизменялась под влиянием азиатских и европейских факторов, менявших уклад и формы социальной жизни. Языческие

верования переплетались с христианскими, греко-римскими традициями, так многие языческие праздники дошли до наших дней: масленица, коляда, новый год, другие праздники были трансформированы в христианские: Ивана Купала (Рождество Иоанна Крестителя), день Марены (День Святой Марианны), день Макоши (День Параскевы Пятницы). Вместе с христианством на Руси появляются каменное зодчество, иконопись, славянская письменность, книжное дело, государственность, свод законов, который отличается от законов других стран особой степенью гуманности.

Нашествие монголо-татар также находит свое отражение в культуре, языке и азиатском типе организации власти на земле русской. Так, русский язык обогащается тюркскими заимствованными словами: кошелек, ямщик, деньги, сундук, лошадь и другими. Меняется форма организации публичной власти, а княжеская власть все больше становится похожей на восточные деспотии. Историк Н. Карамзин пишет: «Внутренний государственный порядок изменился: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, возвращались оттуда грозными Властелинами: ибо повелевали именем Царя верховного... кроме Новгорода и Пскова, умолк Вечевой колокол, глас вышнего народного законодательства... Москва же обязана своим величием Ханам» [7].

Петровская эпоха снова обращается к заимствованиям западного стиля и образа жизни. Отличаясь азиатской жестокостью, насаждаются европейские традиции в лоно России. А.И. Герцен, рассуждая о преобразованиях Петра Великого, указывал: «Петр внедрял Европу как варвар». Однако Россия отныне становится империей и занимает почетное место среди европейских держав: «Место в системе Европейских Государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его Гения» [12]. Петр Великий, сделав исторический выбор, обратил Россию к Европе на долгие годы. Философ Н.А. Бердяев отмечает: «Без насильственной реформы Петра, столь во многом мучительной для народа, Россия не могла бы выполнить своей миссии в мировой истории и не могла бы сказать свое слово» [3].

Советский период характеризуется неоднозначно. С точки зрения идеи, коммунизм, — это определенное возвращение к традициям русского прошлого — общинам. Н.А. Бердяев отмечает: «Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа» [3]. Однако философ также замечает, что в русском коммунизме скрыта не только правда, но и ложь, которую необходимо преодолеть русскому народу: «Правда — социальная, раскрытие возможности братства людей и народов...; ложь же — в духовных основах, которые приводят к процессу дегу-

манизации...» [3]. И.А. Ильин оценивает власть большевиков и революцию 1917 г. в религиозно-духовном дискурсе. В его трудах власть Советов представляется инородным телом, вирусом, заразой, занесенной в организм российского общества, которая не имеет ничего общего с его историко-культурным кодом и поэтому обречена на провал: «Наше „расхождение“ с большевиками совсем не „тактическое“ только, как у социалистов; и не „программное“ только, как у левых партий. Для нас эта борьба не сводится к „политике“ и не исчерпывается „экономикой“. Для нас это, прежде всего, вопрос религии, духа и патриотизма; а все остальное есть лишь необходимое последствие и проявление главного» [6. С. 274]. Действительно, средства производства, всеобщая индустриализация заменяют духовно-религиозный уклад россиянина. Советский Союз, совмещая в себе черты Запада и Востока, превращает мир в биполярный, противопоставляя себя западному укладу развития.

После распада Советского Союза российский народ, внезапно потерявший значительную часть территорий, базовые ценности советского прошлого, идеал будущего, находился в состоянии глубокого идентификационного кризиса. Россия вновь обратилась к западному укладу жизни и экономики: новая конституция, капиталистические ценности, демократические установки, свобода выбора. Однако утрата государственной идеи, лежавшей в основе Советского Союза, привела к распаду единой идентичности «Советский» на множество иных, к появлению большого количества идей переустройства общества от монархических до националистических. К.С. Гаджиев отмечает: «В России дело усугубляется тем, что в основе государственности, в общественном сознании народов бывшего СССР образовался идейный вакуум. Размывание или даже отсутствие сколько-нибудь четко сформулированной национально-государственной идеи, национального идеала в самом широком смысле этого слова крайне затрудняет дело цементирования российской государственности» [4. С. 134]. Можем сказать, такая определенная политическая традиция оказала влияние на становление современного электорального дискурса. Например, в современном российском политическом медиапространстве мы можем увидеть одну и ту же модель дискурса, построенного на противостоянии между западниками-«либералами» и славянофилами-«патриотами». Все чаще звучат монархические идеи и призыва возвращения к старым традициям.

Понятие выборов и современная избирательная система, с одной стороны, ведут свою историю с 1989 г., с другой стороны, институт выборов в той или иной степени был частью истории России.

Выборы, как способ формирования легитимной политической власти, известны с древнейших времен, и за время своего существования данный институт претерпел значительную эволюцию. Развитие данного механизма, его институционализация неразрывно связаны с прогрессом общественной мысли и социокультурной системой. Электоральный дискурс, становление выборов как института определяется, в первую очередь, особенностями развития государственного устройства и имущественных взаимоотношений.

После распада СССР происходит постепенная демократизация государственной и общественной жизни. В стране открылись перспективы для свободного уча-

ствия в выборах представителей общественных организаций, а также всех граждан, независимо от их партийной принадлежности и политических взглядов. В этот период на конституционном уровне был заложен ряд основ и принципов, которые в будущем были востребованы и закреплены в российской избирательной системе постсоветского периода. Однако опрос ВЦИОМ 2015 г. показал, что 38% частично или полностью не доверяют результатам выборов, а 14% опрошенных затруднились ответить на вопрос: «Как Вам кажется, в какой мере можно доверять результатам этих выборов?» [1]. Полностью легитимность выборов признают лишь 48% опрошенных. Данная статистика демонстрирует достаточно низкий уровень легитимности института выборов как реального механизма распределения властного ресурса в демократическом политическом режиме.

Современные исследователи проблем электорального дискурса в России отмечают недостаточный уровень развития политической культуры, особенности политической истории и народного сознания в качестве основных характеристик данного дискурса. Так, И.В. Сизов указывает: «Жизненные ценности современных россиян сформировались под воздействием социально-политических реалий последних двадцати лет и противоречивым образом сочетают в себе востребованность смыслообразующих ценностей и доминирование материалистических ориентаций, имеющих ярко выраженную адаптивную природу» [13. С. 2].

Мы можем выделить несколько факторов, оказывающих влияние на формирование качества отечественного электорального дискурса. Первый фактор — это особый тип ментальности. Так, российские и иностранные мыслители часто подчеркивают особенности загадочной русской души. Н.А. Бердяев отмечает огромное стремление народа к абсолютной истине, свободе, святости. Желание найти истинную правду превалирует над всеми остальными желаниями народа. Русский человек никогда не может довольствоваться чем-то средним, в его сознании всегда есть «все или ничего». Такое стремление к истине и справедливости — основа русского героизма, способности жертвовать. Русский максимализм, по мнению Лосского, так же имеет отрицательные характеристики, например, экстремизм, требование всего или ничего, полное отсутствие дисциплины, склонность к анархии. Русский человек всегда верит в светлое будущее, но эта вера уничтожает настоящее, часто заводит людей в тупик или метанию из одной крайности в другую. «Средняя культура» (либерализм, правовое государство, рыночные отношения), по причине стремления к абсолютизму, никогда не поддерживалась ни в верхах, ни в низах, поэтому самоустранялась или превращалась в придаток русской политической культуры. И. Ильин, характеризуя русского человека, отмечает: «Природная свобода русских поражает, живой и богатырский темперамент ...любовь к размаху... способность к воодушевлению ...удаль» [5. С. 30]. Н.А. Бердяев подчеркивает: «В русском народе, есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства. Россия — страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью... уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника характерен для России. Странник — самый свободный человек на земле... Величие рус-

ского народа и признанность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника... Россия — фантастическая страна духовного опьянения... страна самозванцев и пугачевщины... страна душевная и жуткая в своей стихийности» [3].

Русский народ всегда по-особому относился к государству, с одной стороны, как к деспоту, которого надо преодолеть, созвать «народный бунт». С другой стороны, народ ожидал помощи и защиты, при этом личную ответственность перекладывал на волю государства. Причем русский человек может негативно относиться к государственной системе, чиновникам, но уважать и почитать «царя-батюшку», которые воплощает идеал правителя. Именно с верой в «царя» связывают отсутствие интереса к активному политическому участию россиян. Выборы находятся на периферии политического сознания, так как избранные народные представители не могут конкурировать с идеалом правителя. Он является идеалом априори, поэтому выборы (в том числе и правителя) ненужный, формальный механизм — отсутствие реальной конкурентной борьбы.

Второй фактор — это еще пока только зарождающийся институт права собственности в России. Возвращаясь к истокам демократии, отметим, что древнегреческие мыслители отводили большое значение имущественным отношениям. Полисная система Древней Греции представляла собой гражданскую общину, в основе которой лежит верховная собственность гражданского коллектива на территории, где находилась индивидуальная собственность каждого ее члена. Следовательно, демократия основана на активном политическом участие граждан, осознающих свой политический интерес через владение собственностью и стремлением сохранить и приумножить ее. В России частная собственность никогда не являлась основой категорией права, а после прихода к власти большевиков была уничтожена вовсе. И лишь с принятием в 1994 г. Гражданского кодекса Российской Федерации данный институт был восстановлен. По опросу ВЦИОМ в 2008 г. на вопрос: «Как, с Вашей точки зрения, сегодня в России реализуются права граждан на владение собственностью?» [2] 47% опрошенных ответили «удовлетворительно» и лишь 20% «хорошо». Это демонстрирует достаточно скептическое отношение к данному институту. В этом контексте мы можем рассматривать выборы как способ реализации прав собственности гражданами, как колыбель гражданского общества. И пока данный институт не станет ключевым в системе российского права, институт выборов будет оставаться не востребованным.

Третий фактор — заимствование политической традиции. Прямое заимствование иностранной политической системы привело к заимствованию науки, обслуживающей данную социальную сферу, политологии. Вместе с ней, кроме теорий, в научный и повседневный язык вошли иностранные слова-заимствования, которые сегодня составляют базис российского политического дискурса: электорат, истеблишмент, абсентеизм, лоббизм, премьер-министр, вотировать, имидж, респондент, паблик релейшен и многие другие слова и выражения. В речевом пространстве субъективность получает только тот индивид, который использует язык данного дискурса. А так как политический язык постоянно наполняется новыми заимствованиями, то это усложняет и замедляет процесс включения новых субъектов в электоральный дискурс, кроме этого, усложняет коммуникацию между политической элитой и избирателями.

Анализ особенностей электорального дискурса в России показал парадоксальную ситуацию: с одной стороны, рождением Россия обязана выборам, именно новгородское вече сделало выбор в пользу призвания Рюрика на Русь, и, можно сказать, вечевые традиции — это колыбель русской цивилизации. С другой стороны, абсолютизм, самодержавие уничтожили понятие выборов в полном смысле этого слова, на протяжении последующей истории выборы регулярно оцениваются как несостоятельный социальный институт, так как курс политики определяется не народом, а политической элитой. Российский электоральный дискурс отличается большим количеством скептических, негативных начал, во многом благодаря наследию предыдущих исторических эпох Российского государства. Позиционирование выборов в положительном ключе требует пересмотреть образовательные начала в пользу доказательств положительной избирательной практики России, способствовать становлению института права собственности и развитию отечественной школы политической этики как особого основания политического участия.

© Сазонова А.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] База данных ВЦИОМ // Официальный сайт ВЦИОМ. Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=583&q_id=41860&date=21.12.2008. Дата обращения: 04.03.17.
- [2] База данных опросов ВЦИОМ // Официальный сайт ВЦИОМ. Режим доступа: http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda. Дата обращения: 04.03.17.
- [3] *Бердяев Н.А.* Судьба России/ Библиотека Якова Кротова. Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berduayev/1918_15_01.html. Дата обращения: 12.02.17.
- [4] *Гаджиев К.С.* Россия может сохранить величие, только оставаясь Россией // Научно-образовательный форум по международным отношениям. М., 2010. Т. 8. № 24. С. 134—137.
- [5] *Ильин И.А.* О России. М., 1996.
- [6] *Ильин И.А.* Родина и мы // Ильин И.А. Собр. соч. М., 1996. Т. 5.
- [7] *Карамзин Н.* История государства Российского. Том V, глава I // Православная библиотека Азбука Веры. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/istorija-gosudarstva-rossijskogo/5_4. Дата обращения: 22.02.17.
- [8] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция III — интернет-доступ / Православная библиотека Азбука Веры. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/3. Дата обращения: 01.03.17.
- [9] *Моисеенко М.В.* Образ России в трудах философов русского послеоктябрьского зарубежья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2002. № 3.
- [10] *Моисеенко М.В.* Философия культуры России. Культурология: конспект лекций. М.: РУДН, 2007. С. 129—134.
- [11] *Плеханов Г.В.* Сочинения. Том III / Под ред Д. Рязанова. Изд. 2-е. М.: Госиздат, 1926.
- [12] *Погодин М.П.* Петр Великий / Библиотека «Литература и жизнь». Режим доступа: http://dugward.ru/library/pogodin_m_p/pogodin_petr_velikiy.html. Дата обращения: 14.02.17.
- [13] *Сизов И.В.* Ценностные основания политического участия в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2013.

Сведения об авторе

Сазонова Анна Александровна — аспирантка кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; *e-mail*: sazonova_aa@rudn.university.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-353-360

VALUE FOUNDATIONS OF RUSSIAN ELECTORAL DISCOURSE

A.A. Sazonova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The subject of the article is Russian electoral discourse. The historical-philosophical analysis and the value bases of this phenomenon are presented. The concept of discourse reflects not only the speech characteristics of a certain group of people, but also the specifics of the social structure. Thus, electoral discourse represents a socially conditioned organization of speech space associated with electoral processes. To understand the specifics of modern electoral discourse, its value bases are given special attention. The philosophical ideas of N. Berdyaev, I. Il'in, N. Karamzin, O. Klyuchevsky, G. Plekhanov and others are presented in the article. The article presents in detail the analysis of the formation of Russian political thought and the electoral tradition. The binary nature of Russian historical development is obvious: the way of life in Russia has been infinitely changed under the influence of Asian and European factors. Particular attention is paid to the post-Soviet period and the formation of a modern electoral system. The author identifies three main factors that influence the formation of the quality of domestic electoral discourse: the lack of competition, the emerging institution of property law, the adoption of political tradition. The negative aspects of Russian electoral discourse are singled out. The study of this phenomenon will allow to define the mechanisms of management of social changes that can be used by different social groups to achieve certain goals of social development.

Key words: electoral discourse, political system, political ethics, professional morality, political culture

REFERENCES

- [1] Baza danyh VCIOM. Oficial'nyj sajt VCIOM. Available from: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=583&q_id=41860&date=21.12.2008 (In Russ).
- [2] Baza danyh oprosov VCIOM. Oficial'nyj sajt VCIOM. Available from: http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda (In Russ).
- [3] Berdjaev NA. *Sud'ba Rossii*. Biblioteka Jakova Krotova. Available from: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_01.html (In Russ).
- [4] Gadzhiev KS. Rossiya mozhet sohranit' velichie, tol'ko ostavajas' Rossiej. *Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam*. Moscow: 2010; (24): 134—137 (In Russ).
- [5] Ilin IA. *O Rossii*. Moscow: 1996. (In Russ).
- [6] Ilin IA. *Rodina i my*. In: *Sobr. Soch*. Moscow: 1996. (In Russ).
- [7] Karamzin N. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Pravoslavnaja biblioteka Azbuka Very. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Karamzin/istorija-gosudarstva-rossijskogo/5_4 (In Russ).
- [8] Ključevskij VO. Kurs russkoj istorii. Lekcija. Pravoslavnaja biblioteka Azbuka Very. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/3 (In Russ).
- [9] Moiseenko MV. *Obraz Rossii v trudah filosofov russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja*. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Filosofija* 2002;(3):129—124. (In Russ).
- [10] Moiseenko MV. *Filosofija kul'tury Rossii. Kul'turologija: konspekt lekcij*. Moscow: RUDN; 2007. (In Russ).
- [11] Plehanov GV. *Sochinenija. Tom III*. Moscow: Gosizdat: 1926.
- [12] Pogodin MP. *Petr Velikij*. Biblioteka Literatura i zhizn. Available from: http://dugward.ru/library/pogodin_m_p/pogodin_petr_velikij.html (In Russ).
- [13] Sizov IV. *Cennostnye osnovanija političeskogo učasťija v sovremennoj Rossii*. [dissertation]. Moscow; MGU; 2013. (In Russ).

ЭТИКА БИЗНЕСА

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-361-370

ЭТИКА БИЗНЕСА КАК ЭТИКА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

А.В. Разин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Россия, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»

В статье показывается, что подход, связанный с этикой добродетелей, предполагает рассмотрение качеств совершающего деятельность субъекта, говорит о совершенстве личности с позиций ее телеологической структуры, т.е. говорит о совершенстве человека с точки зрения общих представлений о его назначении, совершенства, выполняемых им общественных функций, единства блага общества и личности. Перспективы применения этого подхода были существенно ограничены в результате влияния христианской традиции, в которой собственно нравственные качества и иные способности личности, связанные с навыками и предрасположенностями к совершению различных видов социальной деятельности, были в значительной степени разделены. В то же время в античной этике, в философии Д. Юма, Д.С. Милля такого жесткого разделения не проводилось. Для прикладной этики имеет значение как раз такое широкое понимание добродетели.

Ключевые слова: личность, мораль, бизнес, добродетель, деонтология, утилитаризм, кодексы, закон, эмоции, интеллект

В прикладной этике используется в основном два теоретических подхода к морали: утилитарный и абсолютистский. В меньшей степени находит выражение подход, связанный с традициями этики добродетелей, хотя в последнее время такие попытки имеются. Так, например, Томас Ветстон отмечает: «Для правильного баланса теоретик нуждается в том, чтобы добавить этику добродетелей как равноправный компонент к деонтологическим теориям, которые фокусируются на обязательствах и теологическим, которые уделяют основное внимание последствиям действий» [11. С. 102; 10. С. 10].

Обычно профессиональная и корпоративная этика рассматриваются в парадигме подчинения поведения некоторому стандарту, выполнения правил, зафиксированных в кодексах, в том числе в кодексах деловой этики. В кодексах содержатся некоторые формализованные разделы, в которых отражаются обязанности перед обществом в целом (аргументация необходимости данной профессии или бизнес-активности), обязанности перед работодателем, обязанности перед коллегами по профессии, отношения с другими организациями, региональные обязанности перед обществом (социальное развитие). Многие организации отдельно формулируют программу социального развития. В последнем случае речь идет о специальных направлениях активности бизнес-организаций. Но в любом случае

основу кодифицирования составляет ориентация на некоторый стандарт. Ориентация на стандарт традиционно связывается с деонтологическим подходом в морали, и это как бы снижает значение подхода развиваемого в этике добродетелей.

Утилитарный подход преимущественно проявляет себя в бизнес-этике, корпоративной этике, при организации гуманитарных экспертиз, принятии политических решений, т.е. там, где имеет место выстраивание ценностных приоритетов, обсуждаются средства достижения целей, качество осуществляемой деятельности оценивается в смысле ее общественной полезности. Часто утилитарный подход связывается с пошаговыми процедурами решения, причем он не противопоставляется моральному абсолютизму как нечто совершенно противоположное, так как многие шаги отражают необходимость подумать о нарушении фундаментальных моральных требований, о судьбах вовлеченных в бизнес решения людей и т.д.

Подход, связанный с этикой добродетелей, предполагает рассмотрение качеств совершающего деятельность субъекта, говорит о совершенстве личности с позиций ее телеологической структуры, т.е. говорит о совершенстве человека с точки зрения общих представлений о его назначении, совершенства, выполняемых им общественных функций, единства блага общества и личности. Данный подход находит отражение в некоторых кодексах, формулирующих требования совершенства к личности, например в Международном кодексе бизнес коммуникаторов.

Оценивая возможности этого подхода, следует сказать, что его перспективы были существенно ограничены в результате влияния христианской традиции, в которой собственно нравственные качества и иные способности личности, связанные с навыками и предрасположенностями к совершению различных видов социальной деятельности, были в значительной степени разделены. В то же время в античной этике, в философии Юма, Милля такого жесткого разделения не проводилось.

Для прикладной этики имеет значение как раз такое широкое понимание добродетели, в котором в качестве нравственной задачи прежде всего выделяется признак совершенства в исполнении своего дела (осуществлении общественной функции), достижения стандартов профессионализма.

Исследуя проблему современной морали, А.А. Гусейнов отмечает, что ее спецификой стало расширение нравственно нейтральной зоны, стремление к освобождению от мировоззренческих обоснований и, во многом, — от комплекса, связанного с развитой мотивацией, поиском индивидуальных решений. Вместо этого получает развитие институциональная этика, т.е. этика правил, разрабатываемых для тех или иных социальных систем. «Каждая из... социальных практик оказывается тем эффективнее, чем менее она зависит от личных связей и, что особенно кажется парадоксальным, от индивидуальной моральной мотивации» [3. С. 119]. Это не означает, что мораль как таковая теряет свое значение. Просто развитие институциональной этики приводит к тому, что роль присутствующих в морали и ранее компонент заметно меняется. «Этика добродетелей, связанная по преимуществу с мотивами поведения, сохраняет важное (быть может, даже возрастающее

значение) в области личных отношений и во всех ситуациях, имеющих ярко выраженный личностный, индивидуализированный характер, т.е. говоря обобщенно, в зонах личностного присутствия. В системном (общественно-функциональном, профессионально-жестком) поведении она дополняется институциональной этикой» [3. С. 123].

Можно согласиться с тем, что отмеченные изменения связаны с изменением доли выделяемых А.А. Гусейновым моральных компонент. Расширение значимости публичной жизни общества и усложнение самого характера публичных связей несомненно приводит к необходимости кодификации морали и созданию специальных институтов, следящих за исполнением кодексов в формальном смысле.

Однако я не думаю, что сфера нравственно нейтрального в современном обществе расширяется.

Например, даже в экономике, сфере, традиционно рассматриваемой в качестве далекой от морали, сфере, где господствует стремление к утверждению честного интереса (именно так рассматривал экономические отношения Адам Смит), мораль современного общества все более и более завоевывает свои позиции.

Конечно в условиях традиционного капитализма XIX в. мораль во многом теряла свои позиции. Это очень хорошо показано В. Зомбартом, который отмечает следующую историческую тенденцию: «В те времена, когда дельные и верные долгу деловые люди восхваляли молодому поколению прилежание как высшую добродетель имеющего успех предпринимателя, они должны были стараться как бы вбить в инстинктивную жизнь своих учеников твердый фундамент обязанностей, должны были пытаться вызывать у каждого в отдельности путем увещания личное направление воли. И если увещание приносило плоды, то прилежный деловой человек и отрабатывал путем сильного самообуздания свой урок. Современный экономический человек доходит до своего неистовства совершенно иными путями: он втягивается в водоворот хозяйственных сил и уносится им. Он не культивирует более добродетель, а находится под влиянием принуждения. Темп дела определяет собою его собственный темп» [6. С. 142]. Следовательно, задача совершенствования человека в смысле культивирования так называемых мещанских добродетелей перестала быть актуальной. Его «добродетельность» стала задаваться темпом производства, а не его субъективными волевыми усилиями.

Однако для современного общества такая оценка не подходит. Сейчас труд человека в производстве все более и более становится творческим, а творческий труд плохо поддается внешнему контролю, его ритм не задается внешними факторами системной организации производства, по крайней мере, не задается столь жестко, как этими факторами может быть задан конкретный труд, связанный с выполнением отдельных производственных операций.

В своем исследовании, посвященном вопросам доверия, Ф. Фукуяма показал, что крупные корпорации исторически возникли именно в обществах с высоким уровнем доверия, т.е. в США, Японии и Германии. Позднее к ним присоединилась Южная Корея, где крупные корпорации во многом возникли за счет вмешательства государства в экономику, но также были связаны с особенностями

национального самосознания. Однако не только развитие крупных корпораций, в которых доверие людей, проявляющее себя в производственных связях между отдельными звеньями, приводит к снижению издержек на юридическое оформление договорных отношений, но и развитие отвечающих информационному обществу сетевых структур, также основано на доверии. «Не случайно, что именно американцы, с их склонностью к общественному поведению, первыми пришли к созданию современной корпорации в конце XIX — начале XX века, а японцы — к созданию сетевой организации в XX веке» [9. С. 55]. Как же в таком случае можно отрицать роль морали в экономике?

Многочисленные профессиональные и корпоративные кодексы не устраняют индивидуальной мотивации. Если бы это было так, человек действовал просто бы как моральный автомат. Многие нормы корпоративной этики сформулированы в виде положительных и рекомендательных требований. Но тогда их реализация обязательно требует активности личности.

Возьмем, например, следующую группу норм кодекса PR-деятельности, сформулированного Артуром Пейджем: «Выполнять свой долг специалиста в области паблик рилейшинз так, будто от этого зависит благополучие всей вашей компании. Корпоративные отношения являются управленческой функцией. Никакую корпоративную стратегию нельзя реализовать, не приняв во внимание ее возможное воздействие на общественность. Профессионал в области паблик рилейшинз является творцом политики компании, умеющим выполнять широкий спектр действий, касающихся корпоративных коммуникаций» [8. С. 204].

Понятно, что сформулированные в таком виде нормы требуют профессионализма, а профессионализм не может быть достигнут без субъективной мотивации, без добродетели, которая как раз и показывает путь человека к некоторому стандарту совершенства.

В публичной сфере мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда человек отвечает не только за то, что он не сделал что-то плохое, нравственно осуждаемое, но и за то, что он не выполнил то, что предусмотрено его профессиональными обязанностями. Поэтому требование профессиональной компетенции, служебного соответствия становятся важнейшими требованиями публичной морали.

Таким образом, развитие институциональной этики не ограничивает необходимости существования и не сужает сферу этики добродетелей. На мой взгляд, сама этика добродетелей проникает внутрь институциональной морали. Их взаимодействие осуществляется по принципу взаимодополнительности, а не взаимоисключения. Думаю, что значение этики добродетелей в современном обществе расширяется именно в связи с возрастанием многообразия нравственных отношений, распространением их на такие взаимоотношения людей, которые ранее считались нравственно нейтральными. Это заставляет многих современных исследователей (например, А. Макинтаира) говорить о необходимости возрождения этики добродетелей.

В бизнес-коммуникациях принципиальное значение приобретают такие личные качества, как умение работать с другими людьми, умение понимать их осо-

бенности и даже эмоциональные состояния момента. Это оказывается важным как для отношений со своими коллегами, так и для коммуникаций между профессионалами, принадлежащими к разным организациям.

Исследуя вопрос о проявлении эмоциональных способностей человека в бизнес-коммуникациях, Д. Гоулмен, ссылаясь на П. Друкера, отмечает: «В конце XX века треть американской рабочей силы составили обработчики знаний, то есть люди, чья деятельность заключается в повышении ценности информации, будь то рыночные аналитики, теоретики или компьютерные программисты. Питер Друкер, известный знаток бизнеса, который изобрел термин обработчик знаний, указывает, что опыт таких работников ограничен рамками узкой специализации и что их продуктивность зависит от того, насколько их усилия, как части организационной команды, скоординированы с работой остальных: теоретики не имеют отношения к издательствам, а компьютерные программисты не занимаются распространением программного обеспечения. Хотя люди всегда работали совместно, отмечает Друкер, при обработке знаний команды, а не отдельный человек, становятся рабочей единицей» [2. С. 253].

Несмотря на то, что в современной этике, конечно, приобретает значение подчинению стандарту и имеет место институционализация морали, не теряют своего значения и неформальные отношения. Они обязательно сопровождают сетевые взаимодействия, ведь сетевое общение предполагает свободное объединение людей, свободный выбор того, с кем ты хочешь общаться, поиск единомышленников, в том числе и единомышленников в решении бизнес задач.

«Неофициальные сети имеют особенно важное значение для решения неожиданно возникающих проблем. Официальная организация создается для того, чтобы легко справляться с ожидаемыми трудностями, — сообщается в отчете об одном исследовании таких сетей. — Но когда возникают непредвиденные проблемы, вступает в дело неофициальная организация. Ее сложная паутина социальных связей формируется при каждом случае общения коллег и с течением времени укрепляется, превращаясь в удивительно прочные сети» [2. С. 257—258].

Без таких прочных сетей трудно представить себе развитие науки, и трудно представить себе развитие бизнеса, ведь несмотря на то, что бизнес-организации стремятся сохранять свое ноу хау, они все-таки заинтересованы в том, чтобы узнавать о новых фундаментальных открытиях науки, о возможностях новых технологий. Современный мир, кстати говоря, страдает от того, что в нем многие стремятся скрывать знания. В первой половине XX в. было сделано больше фундаментальных открытий практической направленности, чем в первой половине XXI-го. Но если что и может противостоять тенденции сокрытия знаний в современном мире, так это именно неформальные связи.

«...Существуют по крайней мере три разновидности сетей коммуникаций — кто с кем разговаривает, экспертные сети, объединяющие тех людей, к которым обращаются за советом, и доверительные сети» [2. С. 258].

Для развития бизнеса, науки, принятия решений в политике принципиальное значение имеют, конечно, экспертные сети. Эксперты — это профессионалы в сво-

ей области, которые постоянно общаются между собой, которые в силу этого владеют уровнем развития современной науки или являются специалистами в конкретных областях экономики, страноведения, этнографии и т.д. Не так уж важно, как они будут выполнять свою работу, за деньги или нет, важно, что такие люди есть. И их не было бы, если бы каждый свой шаг они оценивали только с точки зрения возможности получения прибыли, если бы они никогда не общались со своими коллегами просто так, без задней мысли о какой-то выгоде. В таком случае с ними просто не стали бы общаться и они были бы исключены из неформального сообщества, формирующегося в данной области знаний или других областях культуры. Следовательно, здесь неизбежно присутствует этическое отношение, и это именно отношение, относящиеся к сфере этики добродетелей.

На это, кстати говоря, обращал внимание Ч. Пирс, а потом К.О. Апель. Если науку понимать как отбор правдоподобных гипотез, то надо хотя бы внимательно выслушивать своих оппонентов. А значит, здесь уже присутствует этическое отношение, которое предшествует всякому научному поиску. Апель расширяет взгляды Ч. Пирса и говорит об ответственности перед интеллигенцией, образованных людей перед человечеством, а не только перед научным сообществом. Прежде всего образованный человек оказывается ответственным за само возбуждение дискурса, за разъяснение угроз и привлечение внимания к новым возможностям общественного развития. Когда же дискурс начинается, все оказываются со-ответственными за принятые решения. Такая ответственность не предполагает устранение традиционной индивидуальной ответственности, связанной с исполнением общественных функций, деятельностью общественных институтов. «Скорее предполагается *со-ответственность всех как каждый раз изменяющееся распределение индивидуальной ответственности (i.z.v.) в институциональных рамках*. И даже на уровне дискуссий, *рассуждений о проблемах* люди всегда несут *метаинституциональную* ответственность, что и предполагается в демократии как нечто само собой разумеющееся» [1. С. 51].

В полной мере это можно отнести и к современному бизнесу. Бизнес не может уклониться от решения общественных проблем, так как сам он нуждается в поддержке общества, ведь общество, в том числе способное объединяться благодаря сетевым связям, способно оказывать существенное влияние на бизнес. В качестве классического примера такого воздействия можно привести ставший также классическим пример с попыткой затопления в Северном море нефтяной платформы Бренд Спар. Тогда люди в качестве протеста против этого решения стали прекращать покупать бензин на заправках Шелл. В результате этого бизнес-решение было отменено.

В 70-х г. после решения Р. Рейгана о сокращении социальных программ американские фирмы стали добровольно принимать на себя социальную ответственность, а сейчас программа социальной ответственности крупных корпораций является уже чем-то обязательным, для того, чтобы партнеры по бизнесу относились к тебе серьезно. Это отражено в документе АСО 2000.

Понятно, что подобное понимание долга не может уместиться в программу подчинения некоторым формальным императивам, даже подчинения знаменитому

кантовскому категорическому императиву. Г. Зиммель был одним из первых, кто начал критиковать кантовский императив за простоту и недостаточность следующих из его формулировок решений. Он отмечает, что «...Кант, для которого этический интерес значительно превышает интерес теоретический, ставит перед собой проблемы только самых повседневных и как бы грубых событий нравственной жизни. Все то, что в нравственных данных доступно общим понятиям, он рассматривает с небывалыми величием и остротой. Однако все более глубокие и тонкие вопросы этики, обострение конфликтов, сложность чувств, темные силы в нас, в нравственной оценке которых мы часто столь беспомощны, — все это ему как будто неведомо, — ему, проникавшему в самые глубокие, тонкие и рафинированные функции *мыслительной* деятельности человека. Отсутствие фантазии и примитивность в постановке нравственных проблем, с одной стороны, утонченность и размах полета в теоретических — с другой, доказывают, что в свое философское мышление он вводит только то, что допускает проникновение логическим мышлением» [4. С. 12—13].

В современном мире совсем не случайно проявляется такой интерес к этике добродетелей. Значение возрождения этики добродетелей было показано Энском, Ф. Фут, А. Макинтайром. Это и понятно, там где речь идет о практической активности людей, речь идет о свободно избираемых ими целях, а это и является, согласно Канту, основным признаком этики добродетелей.

Но реализация целей требует социальных умений, в том числе во многих случаях — квалификации, также фиксированной в виде некоторого общественного стандарта.

Стандарт — это не только стандартные правила поведения, не только заложенные в инструкциях и моральных правилах решения возможных ситуаций, в которые человек попадает или может попасть в процессе осуществления его профессиональной деятельности. Стандарт — это также формально определенные требования профессиональной квалификации, требование соответствующей этому стандарту степени личного совершенства. Но путь к самому этому совершенству имеет свои особенности для каждого человека, связан с усилиями его воли, с преодолением всего того, что отвлекает его от соответствующего профессионального развития, и мораль уж никак не может устраниваться из этого процесса. В ряде случаев подчинение своего поведения стандарту требует и особой мотивации, направленной на ограничение чрезмерных проявлений собственной индивидуальности, особенно тогда, когда это приводит к самонадеянности, граничит с нарушением должностных инструкций, правил дорожного движения и т.д.

Кант называет две основные цели этики добродетелей, которые сочетаются и со свободным выбором целей и с долгом. Это стремление к собственному совершенству и забота о чужом счастье. И хотя во многих смыслах он остается формальным в решении поставленных им в данной области вопросов, принципиально он прав.

Особенно следует отметить его рассуждения о стремлении субъекта к собственному совершенству.

Совершенство, с точки зрения Канта, является культурой природных задатков, но в то же время — и культурой воли, основанной на нравственном образе мыслей. Следовательно, это: «1. Долг человека собственными усилиями выйти из [состояния] первобытности своей природы, из [состояния] животности (*quoad actum*), и все выше подниматься к человеческому [состоянию], только благодаря которому он и способен ставить цели, восполнять недостаток своего знания и исправлять ошибки... 2. Поднять культуру своей *воли* до самого чистого добродетельного образа мыслей, когда *закон* становится также мотивом его сообразных с долгом поступков, и повиноваться закону из чувства долга...» [7. С. 428].

Добродетель, следовательно, связана с долгом в том смысле, что она требует усилий (воли) и не связана с ним в том смысле, что она — результат свободного выбора цели. Она также предполагает развитие природных задатков, а следовательно и определение своих предрасположенностей, своих способностей. Таким образом, сфера добродетели — это не только сфера действия универсальных императивов.

Но что нужно делать для развития своих природных задатков, могут ли здесь быть предложены какие-то императивы или осмыслены иные, не столь категоричные моральные правила? Кант предлагает для этики добродетелей следующий императив: «Поступай согласно такой максиме *целей*, иметь которую может быть для каждого всеобщим законом (выделено мной). — Согласно этому принципу, человек есть цель, как для самого себя, так и для других, но помимо того, что он не правомочен пользоваться только как средством ни самим собой, ни другими (при этом он, однако не может быть безразличным к ним), сделать человека вообще своей целью есть сам по себе долг» [7. С. 437].

Эта формула, так же как и категорический императив в его первой формулировке, звучит достаточно абстрактно. Вне нет решения вопроса о том, в чем именно заключается дело каждого отдельного человека. В этом смысле решение, которое предлагает Зиммель, кажется нам более подходящим для этики добродетелей. В конце своего краткого эссе под названием «Индивидуальный закон» он пишет: «Все изменчивое и в своем смысле единственное, текучее в жизненной непрерывности без точных граней, не подчиняющееся заранее существующему закону, так же как и абстрактному сублимированию во всеобщий закон, — все это отныне получает над собой должествование, ибо это последнее само есть жизнь и сохраняет ее непрерывную форму» [5. С. 60].

Несмотря на значительный субъективизм, представленный в этом рассуждении, здесь есть и рациональное зерно. Человека побуждает к действию не только абстрактный всеобщий долг, но и его собственный выбор, выбор целей, выбор жизненной программы, что и отвечает этике добродетелей. Это и отвечает индивидуализации моральных действий и нравственных *оценок в этике добродетелей*.

Еще одна проблема, которой можно закончить эту статью — это проблема человеческого достоинства. Для античного общества была несомненной связь добродетелей с человеческим достоинством. Быть добродетельным одновременно означало возможность утверждать свое достоинство. В христианстве, особенно

в протестантизме, сохранилось признание значения разнообразия образа жизни, связанного с различными трудовыми функциями, и признание значения совершенства в своей области деятельности. Но это парадоксальным образом перестало связываться с утверждением человеческого достоинства. Совершенство как раз стало стандартом, обязательным для каждого как долг, как безропотное несение своего креста. Достоинство же у всех оказалось одинаковым. Все оказались равнодостоинными или что по существу то же самое, — равно ничтожными перед лицом всемогущего абсолюта.

Подходит ли это решение для современного общества. Полагаю, что нет.

Только на базе представлений о личном достоинстве может быть обеспечена отвечающая современному производству степень доверия, ведь творческий труд, как уже говорилось, плохо поддается внешнему контролю. Система традиционной морали, еще действующая в некоторых обществах (например, основанная на конфуцианстве трудовая этика в Японии), постепенно теряет свое значение в связи с процессом развития индивидуальности человека, разрушением его связей с локальными сообществами. Противопоставить этому можно только чувство личного достоинства и желание признания на общечеловеческом уровне общения (реального, виртуального или даже — только идеально полагаемого в возможности).

Но для этого нужно по-новому осмыслить проблему солидарности. По большому счету, солидарность — это как способ объединения различных слоев общества в некоторое целое и объединение самих этих слоев с целым. Это не означает, что общество должно быть солидарным в том смысле, что одни должны жить за счет других, что кто-то может рассчитывать на постоянную помощь со стороны общества. Но это означает, что общество должно представлять единый организм, который способен оценивать вклад своих членов в общее благо не только с точки зрения их вознаграждения, но прежде всего именно в плане критериев определения и утверждения их достоинства.

© Разин А.В., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Апель К.О.* Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // *Философия без границ*. М.: Издатель Воробьев А.В., 2001.
- [2] *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009.
- [3] *Гусейнов А.А.* Философия, мораль, политика. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002.
- [4] *Зиммель Г.* Избранное. Т. 1. М.: Юрист, 1996.
- [5] *Зиммель Г.* Индивидуальный закон. К истолкованию принципа этики // *Зиммель Г. Избранные работы*. Киев: Ника-Центр, 2006.
- [6] *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 2009.
- [7] *Кант И.* Метафизика нравов // *Собр. соч.* в 8 т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994.
- [8] *Ньюсом Д., Слайк Терк Д.В., Крукеберг Д.* Все о PR. Теория и практика публик рилейшнз. 7-е изд. М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», Издательский Дом «Инфра-М», 2001.
- [9] *Фукуяма Ф.* Доверие. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

- [10] Koehn D. A Role for Virtue Ethics in the Analysis of Business Practice // *Business Ethics Quarterly*. Vol. 5. Issue 3. ISSN 1052-150X 0533-0539.
- [11] Whetstone J.T. How Virtue Fits Within Business Ethics // *Journal of Business Ethics* 33, 2001. Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands. P. 102.

Сведения об авторе:

Разин Александр Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: razin54@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-361-370

BUSINESS ETHICS AS ETHICS OF VIRTUE

A.V. Razin

Moscow State University (Lomonosov University)

Lenin's hills, academic building «Shuvalovsky», 119991, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article shows that the approach associated with the ethics of the virtues, implies the consideration of the qualities that make the activity of a subject possible, speaks of the perfection of an individual from the standpoint of his or her teleological structure, that is speaks about the perfection of a man from the point of view of his destination, perfection in the execution of public functions, unity of goods of the society and the individual. Prospects of application of this approach has been significantly limited as a result of the influence of the Christian tradition in which the actual moral qualities and other abilities of the personality-related skills and dispositions to commit various kinds of social activities were largely separated. At the same time in ancient ethics, in the philosophy of D. Hume, J.S. Mill such a strong separation was not carried out. For applied ethics it is such a broad understanding of virtue has the principle meaning.

Key words: personality, morality, business, virtue, deontology, utilitarianism, codes, laws, emotions, intellect

REFERENCES

- [1] Apel KO. *Ponjatije pervichnoj vzaimootvetstvennosti kak predposylka planetarnoj makrojetiki. Filosofija bez granic*. Moscow, Publisher Vorobyov A.V.; 2001. (In Russ).
- [2] Goleman D. *Jemocional'nyj intellekt*. Moscow: ACT; Vladimir: VKT; 2009. (In Russ).
- [3] Guseynov AA. *Filosofija, moral', politika*. Moscow: IKTS "Akademkniga"; 2002. (In Russ).
- [4] Simmel G. *Izbrannoe*; 1. Moscow: Yurist; 1996. (In Russ).
- [5] Simme G. *Individual'nyj zakon. K istolkovaniju principa jetiki*. In: *Simmel G. the Selected works*. Kiev: Nika-Tsent; 2006. (In Russ).
- [6] Sombart V. *Burzhuja: Jetjudy po istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka*. Moscow; 2009. (In Russ).
- [7] Kant I. *Metafizika npravov*. In: *Sobr. Soch v 8 tomah*; 6. Moscow: CHORO; 1994. (In Russ).
- [8] Newsom D, Slyke Turk J, Kruckeberg D. *Vse o PR Teorija i praktika pablik rilejshnz*. 7th ed. Moscow: Consulting group "IMAGE-Contact" Publishing House "Infra-M"; 2000. (In Russ).
- [9] Fukuyama F. *Doverie*. Moscow: Hranitel; 2006. (In Russ).
- [10] Koehn D. A Role for Virtue Ethics in the Analysis of Business Practice. *Business Ethics Quarterly*. 1995; 5(3): 533—539.
- [11] Whetstone JT. How Virtue Fits Within Business Ethics. *Journal of Business Ethics*. 2001; 33 (2): 101—114. 2001.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-371-378

ОТНОШЕНИЕ К ДИЗАЙНУ СТИВА ДЖОБСА: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О.В. Саввина

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В статье анализируется концепция дизайна Стива Джобса и его творческого пути. Автор показывает, что Стив Джобс в своих дизайнерских решениях придерживается ряда ценностей, таких как признание к социальному статусу и украшательству. Дизайнер также наделяет красоту чертами истины, рассматривает ее не как предмет спора, а как истину, которую надлежит открыть. Он пропагандирует эти ценности среди своей целевой аудитории и оказывает влияние на людей. Стив Джобс выносит на первое место безупречный вкус и эстетику и показывает пренебрежение к «ложным» ценностям, таким как демонстрация статуса, продукты люксового сегмента, но в тоже время безразличность по отношению к дешевым и некачественным товарам, рассчитанным на массовую аудиторию. Одной из особенностей Стива Джобса является бескомпромиссность, способность принимать решения и нести за них ответственность. В статье показано, что этические ценности сыграли важную роль в популярности продуктов компании Apple, разработкой которых руководил Стив Джобс. В статье также приводятся законы лаконичного дизайна, разработанные американским философом и дизайнером Джоном Маида под влиянием продуктов Apple. При анализе труда Маида “The laws of simplicity” видно, что данные законы во многом опираются на этические ценности.

Ключевые слова: этика дизайна, социальный статус, Стив Джобс, Apple, Баухауз

В начале XXI столетия компания Apple удалось поразить многих людей своей продукцией — iPhone, iPod и iPad и завоевать сердца потребителей. Говоря о пользователях продукции Apple, нередко можно услышать «фанаты Apple». Верность многих покупателей Apple этой марке настолько впечатляет, что «фанаты Apple» всерьез сравниваются исследователями с верующими [1]. Вряд ли компания добилась бы подобного эффекта без своего CEO — Стива Джобса. Именно он предложил новаторские дизайнерские решения, благодаря которым продукты компании приобрели популярность и которые впоследствии копировали другие производители смартфонов и планшетов. Это большой экран, занимающий почти всю площадь смартфона, единственная кнопка и автоматическое выключение, всеми известная оперативная система и иконки приложений в виде квадратов с закругленными углами, а также не менее полюбившиеся фанатам белые корпуса гаджетов. Когда в 2011 г. Стив Джобс скончался после долгой болезни, тысячи поклонников приносили цветы к магазинам Apple по всему миру. Несмотря на то, что сам Стив Джобс был харизматичной личностью, успех его дизайнерских решений обусловлен не только личностными качествами CEO компании Apple, но и принципами дизайна, лежащими в основе продукции Apple начала XXI в.

Целью данной статьи является рассмотрение ценностей дизайна, которыми руководствовался Стив Джобс при создании продукции Apple, особенно iPhone, iPod и iPad. Чтобы выявить эти ценности, следует обратиться к истории дизайна и промышленного дизайна в частности.

Существует немало определений дизайна, но практически все они соглашались с двумя его характеристиками. Во-первых, дизайн — это сознательное изменение окружающей среды человеком (дизайнером, инженером, архитектором, конструктором), базирующееся на его способности создавать проект (проектное сознание) и воплощать его [2. С. 8—9]. Во-вторых, дизайн — это явление XX в.

Конечно, ретро-проекты существовали и ранее. Проектировщики кораблей, карет и других технических устройств, несомненно, задумывались о форме и назначении своих изделий. То же самое можно сказать и о дизайне интерьеров: достаточно вспомнить дорогое убранство дворцов России, Франции, Китая и других стран. Обилие элементов на мебели Людовика XIV, выполненной в стиле барокко, не только соответствовало моде того времени, но и свидетельствовало высоком социальном статусе его владельца. Испокон веков богатые и знатные люди украшали свои жилища дорогими вещами — часами, статуэтками, зеркалами и т.д., чтобы подчеркнуть свой статус в обществе и визуально демонстрируя ту пропасть, что лежит между ними и низшими сословиями. Тем не менее, изделия создавались преимущественно ремесленным трудом, в мастерских и порой в единственном экземпляре. В XX в. появляется массовое производство, которое предполагает проект, прототип изделий, которые будут создаваться тысячами и даже миллионами. «Проектирование (как оно понималось до последней трети XX века) — особый процесс, предваряющий собственно изготовление продукта и моделирующий его в знаковой форме: чертеже, макете, модели, пояснительной записке и пр.» [2. С. 8].

С развитием массового производства в XX в. промышленным дизайнерам и архитекторам открывается огромный фронт работы, и, следовательно, серьезно возрастает их участие в создании окружающей среды современного человека. Кроме того, в XX в. распространяются архитектурные типовые проекты: многоквартирные дома в СССР «хрущевки», небоскребы в США (Нью-Йорк, Чикаго и др.). Благодаря массовому производству широкие слои населения получают доступ к тем благам, о которых не приходилось мечтать ранее: это развитая текстильная промышленность, благодаря которой женщины рабочего класса получили возможность менять платья каждый сезон, собственность на квартиры, личные автомобили, а также бытовая техника — холодильники, телевизоры, тостеры и многое другое.

Массовое производство, изначально рассчитанное на массового потребителя, не может не ориентироваться на практичность и функциональность. В то же время новым компаниям индустриального общества было не просто выходить на рынок. Германский художественно-промышленный союз Веркбунд в своем уставе 1907 г. провозглашает целью «повышение качества промышленной продукции путем совместных усилий искусства, индустрии и ремесла». Особое внимание уделялось внешнему виду продукции, комфорту в использовании и борьбе с украшательством [2. С. 166]. Целью Веркбунда также было проникнуть на международный рынок: авторитет немецких товаров был очень низок в Великобритании в начале XX в., и немецкие промышленники сделали упор на качестве, не забывая при этом про эстетику. Идея совмещения технологии (промышленного производства) и искусства, объединения материального и духовного, уже отчетливо зафиксиро-

ванная в уставе Веркбунда, получила свое дальнейшее развитие в направлении Баухауз — «дома строительства», художественно-промышленной школы нового типа [2. С. 171]. Даже обучение в школе состояло из технически-ремесленной и художественной подготовки. Дизайнер и преподаватель школы В. Гропиус даже выдвинул лозунг: «искусство и техника — новое единство». Впоследствии Стив Джобс, работая над дизайном Makintosh, пытался воплотить эту идею, сделать новый компьютер единством искусства и технологии.

Возвращаясь к Баухаузу, следует отметить, что сотрудникам Баухауза не всегда удавалось выдерживать баланс между двумя оставляющими единства. Во второй половине 1920-х гг. в школе распространился «формализм», который выражался в главенстве формы над содержанием: куб с его яркими разноцветными гранями присутствовал во многих изделиях Баухауза и зачастую в ущерб функциональности. «Люди сидели и спали не на обычной мебели, а на цветных геометрических фигурах» [2. С. 175].

Стив Джобс увлекался идеями Баухауза. Скорее всего, он познакомился с Баухаузом в начале 1980-х гг. В 1981 г. он посетил конференцию по дизайну в Аспене и был сильно взволнован новой информацией [3. С. 85]. Именно в Аспене Стив Джобс изучил эстетическую концепцию Баухауза, а некоторые из формул немецкой школы стали для Стива Джобса прямым руководством к действию. Вот наиболее известные из них, провозглашенные В. Гропиусом и Л. Маезом: «Бог в деталях» и «Меньше — больше». Простота стала для основателя Apple эстетическим идеалом: «Простота — это высшая утонченность» (“Simplicity is the ultimate sophistication”), — гласила первая брошюра Apple. При этом простой дизайн стал для Стива Джобса откровением, открытием истины, и здесь уже эстетическая ценность переходит в ценность этическую. Следование принципам Баухауза в дизайне стало для Стива Джобса долгом, а нарушение этих принципов казалось вопиющим, не имеющим права на существование. Порой эта вера в необходимость единственно правильного дизайна доходила до абсурда. Перед предстоящей операцией, для которой требовался общий наркоз, Стив Джобс отказался от кислородной маски, потому что ее дизайн не соответствовал его представлениям о красоте, а, по мнению Стива Джобса, уродливая вещь не может быть полезной. Ему принесли пять масок на выбор, из которых он смог подобрать подходящую по внешнему виду.

Таким образом, форма в понимании Стива Джобса отражает содержание предмета, по его форме можно делать заключение о его функциональности и качестве. Хорошую вещь в прямом смысле видно. В рамках такого понимания дизайн перестает быть делом вкуса, существует единственно верный дизайн, отражающий содержание вещи. Если дизайнер ошибется в воплощении эстетических принципов — он испортит сущность вещи, она станет уродливой и вредной (возможно, даже для здоровья человека). Это убеждение Стив Джобс сохранил до конца жизни. Не только его заявления в интервью, но и его поступки позволяют сделать такой вывод. Стив Джобс, несмотря на сложный характер и необходимость успешно конкурировать на рынке не только IT-технологий, но и мультфильмов (PIXAR), подстраиваться под мнения потребителей и инвесторов, был очень последователен в отношении дизайна.

Помимо того, что производить, каждый предприниматель решает вопрос, для кого производить. Стив Джобс тоже решил этот вопрос, по крайней мере, ответ на данный вопрос красиво выражен в его рекламной компании после возвращения в Apple и слогане «Think different». Ответ на этот вопрос в постиндустриальном обществе часто имеет этический аспект, особенно если мы говорим о вещах, для которых принципиален дизайн. Безусловно, предприниматель ищет спрос с целью продать товар и получить прибыль, но в тоже время он должен предложить нечто особенное, то, чего нет у его конкурентов. В 1970—1980-х гг. предложение на рынке промышленного дизайна и дизайна вообще ориентировалось на запросы потребителей, и одним из самых распространенных была демонстрация социального статуса.

Массовое производство не стерло социальные страты. Несмотря на то, что ко второй половине XX в. жизнь так называемого «среднего класса» и низших слоев населения (включая маргинальные классы) в США сильно улучшилась, социальный статус человека можно было «прочитать», взглянув на интерьер в его доме, марку его машины и дом, в котором он живет. Трущобы Гарлема и Дифнтауна в Нью-Йорке 1950—1960-х гг. сильно выделялись своим внешним видом и качеством [4. С. 533]. В исследовании Вирбека показывается, что артефакты, в том числе и результат работы промышленных дизайнеров, способны влиять на наши нравы и закреплять существующие социальные отношения. Он приводит пример эстакад в Нью-Йорке в первой половине XX в., намеренно построенных довольно низко, чтобы под ними можно было проехать только на автомобиле. Это сделано для того, чтобы чернокожее население города, как правило, не имеющее машин, не смогло проехать на пляж на общественном транспорте [5. С. 92].

Таким образом, промышленный дизайн стал производить артефакты, которые не только подчеркивали социальный статус своего владельца, но и оформляли пространство в соответствии с социальной стратификацией в обществе.

В то же время дизайн во второй половине XX столетия становится средством борьбы за потребителя. К 1960-м гг. американский потребитель уже довольно пресытился бытовой техникой, и производители прибегали к замысловатому дизайну с целью привлечь потребителя. Известный американский дизайнер Виктор Папанек в своей книге «Дизайн для реального мира» с большим сарказмом отзывается о попытках дизайнеров создать очередной «милый тостер», что порой делает вещь нефункциональной и даже опасной [6]. Виктор Папанек один из первых заговорил о социальной ответственности дизайнера [6].

Согласно Папанеку, дизайнер *обязан* создавать функциональные вещи с целью решать проблемы реального мира [7]. Примером может послужить стул для секретарш, разработанный с учетом анатомических особенностей человека, сделанным из экологически чистых материалов. Он также разрабатывал тренажеры для детей-инвалидов, создавал радиоприемники, доступные для людей из развивающихся стран. Многие молодые дизайнеры на тот момент поддерживали идеи Папанека, а впоследствии возникло даже направление Design for Value, целью которого стало улучшение жизни людей и решение таких глобальных задач, как помощь бедным, инвалидам, борьба с голодом и т.д.

Таким образом, в дизайне появилось направление, отрицающее ценности рынка и не желающее играть по его правилам. Design for Value внес вклад в «моду» на функциональность и отсутствие лишних деталей. Несмотря на то, что многие дизайнеры данного направления добились признания, конечные потребители их продукции зачастую не могли заплатить им.

Несмотря на то, что функциональность и простой и лаконичный дизайн всегда привлекали Стива Джобса, отсутствие весомой прибыли, вероятно, было для него весомым аргументом. Стив Возняк, соучредитель компании Apple и друг Стива Джобса вспоминает случай, как ему вместе с Джобсом в юности пришлось работать аниматорами, нарядившись в костюмы персонажей из «Алисы в стране чудес». Возняк нашел эту работу забавной, в то время как у Джобса остались негативные воспоминания, так как друзья «ничего не заработали» [8].

Идеи дизайна, опирающиеся во второй половине XX столетия на массовость, функциональность и лаконичность, казались недостаточно окупаемыми для Стива Джобса, а товары сегмента luxury — роскошь, противоречили его вкусу. Тогда Стив Джобс обратился к так называемому «креативному классу», преуспевающим менеджерам, программистам и т.д. Они не являются бедными и не нуждаются в помощи, но в тоже время они и не богаты — не потребители предметов роскоши. Стив Джобс в своей рекламной компании «Think different» смог отразить их потребность в самореализации. Общественное признание интеллектуального превосходства целевой аудитории компании Apple заключалось в том, что они способны увидеть и оценить единственно правильный дизайн — подлинную красоту, а не украшательство.

Идея подлинной красоты как единственно возможной красоты не нова не только в истории философии, но и в дизайнерской мысли XX в. Американскому архитектору Луису Салливану (1856—1924) принадлежит идея «Form follows function», т.е. форма всегда определяется функцией. Салливан подчеркивает, что природа основана на данном принципе: форма облаков обусловлена их движением, форма листьев подчинена их назначению и т.д. Этому принципу архитектор пытался следовать в своей работе [9].

Данная идея очень созвучна с пониманием связи формы и содержания Стивом Джобсом. Если функция определяет внешний вид, то получается, что по внешнему виду действительно можно сделать заключение о сущности вещи. Неизвестно, был ли Стив Джобс знаком с работами Салливана, но учитывая его заинтересованность в теории и практике дизайна, на этот вопрос, скорее всего, следует дать положительный ответ.

Говоря о миссии дизайнера в понимании Стива Джобса, следует в первую очередь заметить, что выражение красоты — единственно подлинной, есть первая и единственная функция дизайнера. При этом красота является также свидетельством качества вещи, ее добротности. Это видение подтверждается рядом фактов из биографии Стива Джобса. Создавая компанию NeXT, первым, на что потратился Стив, был логотип компании, стоивший ему 100 тысяч долларов. Оформляя помещение, в котором размещалась компания NeXT, Стив Джобс настоял на лестнице, как будто зависшей в воздухе, несмотря на то, что ему говорили, что будет

очень тяжело, займет время и потребует вложений. Стив Джобс никогда не шел на компромисс в сфере дизайна и всегда продвигал свое мнение [3. С. 125]. В этом плане он был очень последователен и считал «правильный» дизайн своей основной ценностью. Постоянная работа и новые знания являются необходимым условием достижения результата в профессиональной сфере [10. С. 57], здесь Стив Джобс тоже никогда не останавливался на достигнутом.

Дизайн Стива Джобса, как уже говорилось, был «простым». Но создать «простой» дизайн зачастую было совсем не просто. Создание единственной кнопки на iPod и iPhone требовало не только инженерных решений, но и изменения операционной системы. Создавая Mac G3 Blue, Стив Джобс заботился о том, чтобы архитектура компьютера тоже выглядела красиво через его прозрачный корпус.

Простота включает в себя сложность и гармоничность. Чтобы добиться гармонии, следует приложить много усилий. Как человек, интересующийся буддизмом, японскими духовными практиками, Стив Джобс прекрасно осознавал тяжелый путь, на который вступает человек, желающий добиться совершенства. Гармония, воплощенная в дизайне, являлась своего рода не только эстетической, но и этической ценностью, поскольку форма и содержание неразрывно связаны между собой в понимании Стива Джобса. Гармония — это целостность, она не может существовать только в одной сфере, например, выражаться во внешнем виде и не присутствовать внутри вещи, обойти стороной содержание. Таким образом, красота у Стива Джобса не могла быть только внешней, только эстетической, это проявление внутренней гармонии, часть чего-то большего.

Уже после того, как Apple стал сворачивать продажи iPod, профессор Масачусетского технологического института (MIT) опубликовал книгу «Десять законов простого» (“10 laws of simplicity”), которая преимущественно описывала «простой» дизайн [11], хотя законы подходят и для других сфер деятельности человека. В данном случае логично было бы перевести английское слово *simplicity* как лаконичность. Следуя данным законам, можно создать лаконичный дизайн и простую, лаконичную концепцию. Приведем эти законы.

1. Сокращай (Reduce). Наиболее простой путь добиться лаконичности — это осознанное сокращение. Например, сократить количество кнопок на телефоне, это сделает его внешний вид более простым и целостным.

2. Организуй (Organize). Организация делает систему, состоящую из многих частей, целостной.

3. Время (Time). Экономия времени упрощает дело.

4. Обучение (Learn). Обучение все делает проще.

5. Различия (Differences). Простота (лаконичность) и комплексность нуждаются друг в друге.

6. Контекст (Context). То, что лежит на периферии, по факту не является периферией.

7. Эмоции (Emotion). Чем больше эмоций, тем лучше.

8. Доверие/Вера (Trust). В лаконичность мы верим.

9. Провал (Failure). Некоторые вещи нельзя упростить/сделать лаконичными.

10. Единство (The One). Лаконичность — это уход от очевидного и добавление значимого.

Данные законы не являются законами в прямом смысле, а иллюстрируют разные стороны модной нынче лаконичности в дизайне. Продукция, созданная под руководством Стива Джобса, как раз соответствует законам Маида. При этом законы были написаны уже после представления iPod, скорее всего, они были составлены, ориентируясь на продукцию Apple, созданную после возвращения Стива Джобса и под его непосредственным контролем. Популярность и известность законов Маида подтверждает тот факт, что влияние, оказанное Стивом Джобсом на понимание дизайна и красоты искусственных объектов, было очень значительным.

Подводя итог, следует выделить основные этические ценности, которым следовал Стив Джобс в дизайне. Во-первых, это отрицание украшения, приукрашивания, тем самым отрицание фальши, пафоса, неприятие luxury сегмента с целью демонстрации статуса. Во-вторых, мужество следовать истинной красоте (истине), несмотря на сложности, связанные с техническим воплощением идеи и мнениями партнеров по бизнесу.

© Саввина О.В., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Wu Yi-Chia*. Religious Consumption: Inside the Minds of Apple and Catholic Devotees: dissertation. Texas: The University of Texas—Pan American; 2015.
- [2] *Рунге В.Ф.* История дизайна, науки и техники / Рунге В.Ф.: Учеб. пособие. Издание в двух книгах. Книга 1. М.: Архитектура-С, 2006.
- [3] *Isaacson W.* Steve Jobs. New-York: Simon & Schuster, Inc., 2011.
- [4] Всеобщая история архитектуры в 12 томах / Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. Ленинград; Москва: Издательство литературы по строительству, 1966—1977. Том 11: Архитектура капиталистических стран XX в. / Под ред. А.В. Иконникова (ответственный редактор), Ю.Ю. Савицкого, Н.П. Былинкина, С.О. Хан-Магомедова, Ю.С. Яралова, Н.Ф. Гуляницкого. 1973.
- [5] *Verbeek P-P.* Morality in Design Design Ethics and the Morality of Technological Artifacts, in Vermaas P. E. et al. (eds.), *Philosophy and Design*, Springer, 2008. P. 91—103.
- [6] *Papanek V.* Design for the real world: Human Ecology and Social Change, London, Thames and Hadson, 1985.
- [7] *Savvina O.V.* Professional Ethics of Designers in Academic Process According to V. Papanek. International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2016). P. 476—481.
- [8] *Woznyak S., Smith G.* iWoz: Computer Geek to Cult Icon: How I Invented the Personal Computer, Co-Founded Apple, and Had Fun Doing It. W.W. Norton and Compony, NY, 2006.
- [9] *Sullivan L.H.* The tall office building artistically considered. Lippincott's Magazine, March 1896. P. 403—409.
- [10] *Цвык В.А., Цвык И.В., Косорукова А.А., Лапшин И.Е., Моисеенко М.В., Мухаметжанова В.С., Саввина О.В.* Этика высшей школы. М.: Изд-во РУДН, 2016.
- [11] *Maeda J.* The laws of simplicity. MIT Press, 2005.

Сведения об авторе:

Саввина Ольга Владимировна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры этики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; e-mail: savvina_ov@rudn.university.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-371-378

STEVE JOBS' UNDERSTANDING OF DESIGN: ETHICAL DIMENTION

O.V. Savvina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyses design concept by Steve Jobs and his creative solutions. The study shows that Steve Jobs has followed range of values, such as simplicity and disregard for status demonstration and superfluous decorations. He promotes these values among his target group and influence on people. Steve Jobs' first priority were impeccable taste and aesthetics. He demonstrates disregard for the “false” values such as status demonstration or luxury segment products, at the same time he dislikes cheap and low-quality goods for the mass consumer.

The designer understands beauty as truth, he considers beauty not as a subject-matter of the dispute, but as a truth that must be discovered. The feather of Steve Jobs is the ability to make decisions and take whole the responsibility. The article demonstrates that ethical values have contributed into the popularity of Apple products, designed by Steve Jobs. The article also describes the laws of simplicity, developed by American philosopher and designer John Maeda, who has been inspired by Apple products (especially iPod). The author has come to conclusion that the laws are based on ethical values, analyzing Maeda's “The laws of simplicity”.

Key words: design ethics, Steve Jobs, Bauhaus

REFERENCES

- [1] Wu Y-C. Religious Consumption: Inside the Minds of Apple and Catholic Devotees. [dissertation]. Texas: The University of Texas—Pan American; 2015.
- [2] Runge VF. *Istorija dizajna, nauki i tehniki*. Book 1. Moscow: Arhitektura-S; 2006. (In Russ).
- [3] Isaacson W. Steve Jobs. New-York: Simon & Schuster, Inc.; 2011.
- [4] *Vseobshhaja istorija arhitektury v 12 tomah / Gosudarstvennyj komitet po grazhdanskomu stroitel'stvu i arhitekture pri Gosstroie SSSR, Nauchno-issledovatel'skij institut teorii, istorii i perspektivnyh problem sovetskoj arhitektury*. Book1 (11): *Arhitektura kapitalisticheskikh stran XX v.* editors Ikonnikov AV, Savickiy JJ, Bylinkin NP, Han-Magomedov SO, Jaralov JS, Guljanickiy NF. Leningrad, Moskva: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu; 1973. (In Russ).
- [5] Verbeek P-P. Morality in Design Design Ethics and the Morality of Technological Artifacts. In: Vermaas P.E. et al. (eds.). *Philosophy and Design*. New-York: Springer; 2008. p. 91—103.
- [6] Papanek V. *Design for the real world: Human Ecology and Social Change*. London: Thames and Hadson; 1985.
- [7] Savvina OV. Professional Ethics of Designers in Academic Process According to V. Papanek. *Proceedings of International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2016)*. 23—25 May. Moscow: Atlantis Press; 2016. p. 476—481.
- [8] Woznyak S, Smith G. *iWoz: Computer Geek to Cult Icon: How I Invented the Personal Computer, Co-Founded Apple, and Had Fun Doing It*. New-York: WW Norton and Compony; 2006.
- [9] Sullivan LH. The tall office building artistically considered. *Lippincott's Magazine*. 1896; 339: 403—409.
- [10] Tsvyk VA, Tsvyk IV, Kosorukova AA, Lapshin IE, Moiseenko MV, Mukhametzhanova VS, Savvina OV. *Etika vysshei shkoly*. Moscow: RUDN; 2016. (In Russ).
- [11] Maeda J. *The laws of simplicity*. Massachusetts: MIT Press; 2005.

ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-379-388

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.В. Цвык

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
125171, Москва, Россия, Волоколамское шоссе, д. 4

Статья посвящена этической оценке возможных последствий информатизации всех форм образовательной деятельности. Автор рассматривает позитивные и негативные аспекты широкого внедрения компьютерных технологий в образовательный процесс. Применение компьютерных технологий в образовательном процессе призвано решать важные дидактические задачи. В первую очередь, это совершенствование организации образовательного процесса, ускорение и интенсификация процесса обучения, обеспечение его гибкости и индивидуального подхода. Кроме этого, компьютерные технологии способны существенно повысить продуктивность самоподготовки обучающихся, обеспечить развитие их личности, стимулировать исследовательскую деятельность и в целом повысить уровень самостоятельности в процессе обучения. В то же время в этическом плане наиболее опасным следствием массового перевода образовательного процесса на компьютерные схемы обучения является возможная дегуманизация образовательного процесса, уход из него духовного личностного компонента. Наиболее опасным последствием полного перевода образовательного процесса на компьютерные рельсы представляется возможное свертывание живого диалогического общения участников образовательного процесса — того общения, которое является наиболее важным и практически единственным источником развития речи обучающихся, а следовательно, и их самостоятельного творческого мышления.

Ключевые слова: компьютерные технологии, информационное общество, образование, педагог, творчество, личность

Гуманистическое, гармоничное развитие человеческой личности — стратегическая цель духовного производства, мощной отраслью которого является система образования. Образование — это четко налаженный процесс передачи, обработки и получения знаний в ходе систематического организованного обучения группы людей в течение определенного периода времени. Благодаря существованию института образования люди в течение многих веков перенимают огромный опыт знаний и умений, накопленный цивилизацией за все время своего существования. Целенаправленная деятельность людей по получению и совершенству умений и знаний для расширения границ познания является основной движущей силой научно-технического прогресса. В этом контексте весьма существенным является определение содержательных границ самого понятия «образование», этические аспекты которого определяются в каждом конкретном случае в силу его много-

значности. «Образование — это: а) социальный институт, основная функция которого заключается в подготовке и включении индивида в различные сферы жизнедеятельности общества; б) совокупность приобретенных индивидом (самостоятельно или в процессе обучения в специальных учебных заведениях) систематизированных знаний, умений, навыков (особенно профессиональных); в) процесс усвоения знаний, т.е. обучение, просвещение; г) уровень образованности индивида, имеющего разносторонние знания и отличающегося высокой степенью культуры; д) образованность общества, народа, как уровень цивилизованности страны» [9. С. 9]. Для этической оценки образовательного процесса во всех указанных случаях определяющим является рассмотрение образования не только в его обучающем контексте, но главным образом как «образование», «созидание» личности.

В Законе об образовании Российской Федерации отмечается, что «образование — единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1].

В рамках данного подхода «образование» относится исключительно к личности, к человеку и может рассматриваться как создание у человека образа окружающего мира и самого человека, своего «я» в этом мире. Соответственно, профессиональное образование необходимо рассматривать как формирование образа мира производства (в широком смысле) и образа своего положения в системе производства, своей профессиональной деятельности.

Однако образование выполняет важную созидательную функцию не только по отношению к личности, но и по отношению к обществу в целом. Нравственный потенциал образования определяется его статусом как социального и политического института [4. С. 90]. Оно является всеобщим нравственным способом жизни народа, служит укреплению его государственности, развитию истории и культуры, языка, формированию духовно-нравственных ценностей. Благодаря этому формируется человек-гражданин, личность интегрируется в систему полинациональных культур, а общество посредством образования, особой этики жизнедеятельности, создает себя, базируясь на адекватных формах педагогической и социальной деятельности [5. С. 327].

Развитие общества в последние десятилетия характеризуется стремительным проникновением во все сферы человеческой жизни новых информационно-коммуникационных, компьютерных технологий. Эти изменения привели к формированию качественно нового типа общества, получившего название «информационного». Компьютеризация существенно влияет на процессы обучения, на постановку и решение научных задач, на исследования в области мышления и процессов познания. Компьютерные технологии стали мощным преобразователем экономической, социальной и других видов деятельности [10. С. 127]. Процесс компьютеризации и информатизации протекает неравномерно в разных странах и регионах, однако в целом он уже продвинулся настолько, что стало возможным под-

вести некоторые итоги и сделать прогноз на будущее. Компьютеризация всех сфер человеческой деятельности выступает сегодня и как важнейшая задача общества, и как императив социального развития. Без решения этой задачи невозможны гуманистические преобразования, экономическое развитие общества, способное обеспечить достойную жизнь всем своим гражданам [11. С. 76—77].

По своему преобразовательному эффекту совокупное воздействие компьютерных технологий, Интернета и электронной торговли вполне сравнимо с изменениями, которые в свое время вызвала промышленная революция. «Цифровая революция» изменяет мировой экономический, социальный и образовательный ландшафт, создает новый экономический сектор, трансформирует организационные структуры, изменяет ценности труда и образа жизни людей, возводит интеллектуальный капитал в главенствующий фактор дальнейшего развития научно-технического прогресса [8].

С всеобщей компьютеризацией социально-культурной действительности связаны и процессы информатизации всех форм образовательной деятельности, широкое внедрение информационных компьютерных технологий в образовательный процесс. Понятие «технология» чаще всего определяется как совокупность методов и приемов обработки или переработки сырья, материалов, изделий и преобразования их в предметы потребления. Современное понимание этого термина включает и способ определения (описания) и последовательность действий в процессе познания изучаемых факторов и явлений. В данном случае информационно-коммуникационными технологиями можно считать такие технологии, которые направлены на обработку и преобразование информации.

Компьютерные информационные технологии — это комплекс областей деятельности, которые относятся к технологиям создания, хранения и обработки информационных данных с применением компьютерной техники. Технические средства компьютерных информационных технологий включают в себя компьютеры, программное обеспечение, Интернет и сеть. Они позволяют создавать, хранить, обрабатывать, передавать и распространять широкий спектр информационных ресурсов.

Компьютерные технологии активно применяются для передачи информации и обеспечения взаимодействия преподавателя и обучаемого в современных системах открытого и дистанционного образования. Современный преподаватель должен не только обладать компьютерной грамотностью, но и уметь применять разнообразные компьютерные технологии в своей профессиональной деятельности.

Основным средством реализации компьютерных технологий в образовательном процессе любого уровня является персональный компьютер, возможности которого определяются установленным на нем программным обеспечением. Основными категориями программных средств являются системные и прикладные (обучающие) программы, а также инструментальные средства для разработки программного обеспечения.

К системным программам в первую очередь относятся операционные системы, обеспечивающие взаимодействие всех других программ с оборудованием и взаимодействие пользователя персонального компьютера с программами. В эту категорию также включают служебные или сервисные программы. К прикладным

программам относят программное обеспечение, которое выступает в роли инструментария при работе с текстами, графикой, табличными данными и т.д. В современных системах образования широкое распространение получили универсальные офисные прикладные программы и средства: текстовые редакторы, электронные таблицы, программы подготовки презентаций, системы управления базами данных, органайзеры, графические пакеты и т.п. [3].

Принципиально новое качество приобрело образование с появлением и распространением компьютерных сетей, что позволило радикально изменить сам способ получения информации. Через глобальную компьютерную сеть Интернет возможен мгновенный доступ к мировым информационным ресурсам (электронным библиотекам, базам данных, хранилищам файлов и т.д.). В одном из самых популярных ресурсов Интернета доступны для ознакомления и работы с ними порядка двух миллиардов мультимедийных документов.

В сети пользователю доступны и другие распространенные средства, к числу которых относятся электронная почта, списки рассылки, группы новостей, чат. Разработаны специальные программы для общения в реальном режиме времени, позволяющие после установления связи передавать текст, вводимый с клавиатуры, а также звук, изображение и любые файлы. Эти программы позволяют организовать совместную работу удаленных пользователей с программой, запущенной на локальном компьютере.

Для обеспечения эффективного поиска информации в телекоммуникационных сетях существуют автоматизированные поисковые средства, цель которых — собирать данные об информационных ресурсах глобальной компьютерной сети и предоставлять пользователям услугу быстрого поиска. С помощью поисковых систем можно искать документы всемирной паутины, мультимедийные файлы и программное обеспечение, адресную информацию об организациях и людях.

Применение компьютерных технологий в образовательном процессе призвано решать важные дидактические задачи. В первую очередь, это совершенствование организации образовательного процесса, ускорение и интенсификация процесса обучения, обеспечение его гибкости и индивидуального подхода. Кроме этого, компьютерные технологии способны существенно повысить продуктивность самоподготовки обучающихся, обеспечить развитие их личности, стимулировать исследовательскую деятельность и в целом повысить уровень самостоятельности в процессе обучения.

С помощью сетевых средств становится возможным широкий доступ к учебно-методической и научной информации, организация оперативной консультационной помощи, моделирование научно-исследовательской деятельности, проведение виртуальных учебных занятий (семинаров, лекций) в реальном режиме времени.

Мощной технологией, позволяющей хранить и передавать основной объем изучаемого материала, являются образовательные электронные издания, как распространяемые в компьютерных сетях, так и записанные на электронные носители. Индивидуальная работа с ними дает глубокое усвоение и понимание материала. Эти технологии позволяют, при соответствующей доработке, приспособить существующие курсы к индивидуальному пользованию, предоставляют возможности

для самообучения и самопроверки полученных знаний. В отличие от традиционной книги, образовательные электронные издания позволяют подавать материал в динамичной графической форме [3].

Появление компьютерных технологий дало возможность создать качественно новую образовательную среду как основу для развития и модернизации системы образования. Компьютерные технологии имеют ключевое значение на всех ступенях образовательной системы. На каждом этапе познавательной деятельности, научных исследований и во всех отраслях знаний компьютерные технологии выполняют функции как инструментов, так и объектов познания. Таким образом, инновации компьютерных технологий обеспечивают революционное развитие образовательного процесса. Компьютерные технологии относятся к классу инновационных технологий, которые обеспечивают быстрое накопление интеллектуального потенциала, гарантирующего устойчивое развитие общества.

Компьютерные технологии в образовательном процессе открыли новые, ранее невиданные возможности для развития дистанционного образования, которое ранее существовало в виде заочного обучения и сталкивалось с многочисленными проблемами, связанными с отсутствием необходимого контакта преподавателя со студентом, слабым контролем за ходом процесса обучения и т.д.

Дистанционное обучение сегодня — это получение образования с помощью Интернета и современных компьютерных технологий. При дистанционном обучении происходит обмен учебной информацией с помощью современных электронных и компьютерных средств на расстоянии, таким образом дистанционное обучение существенно расширяет возможности для получения качественного профессионального образования. Компьютерные технологии обеспечивают оперативную доставку обучаемым основного объема изучаемого материала, в том числе электронных образовательных ресурсов; предоставляют возможность интерактивного взаимодействия студентов и преподавателей, например, в ходе он-лайн дискуссий, круглых столов и семинаров; гарантируют быструю оценку полученных знаний и навыков, полученных в ходе обучения. Поскольку необходимая часть системы дистанционного обучения — самообучение, при помощи современных компьютерных технологий студент может изучать материал, пользуясь не только печатными изданиями, но и видеопленками, электронными учебниками и справочниками, имеет доступ к электронным библиотекам и базам данных, содержащим огромное количество разнообразной информации.

По мере развития и активизации практики применения дистанционного и электронного обучения компьютерные технологии все больше приобретают роль значимого социального фактора, что неизбежно приводит к возникновению ряда ситуаций, требующих этического регулирования [6]. Этика дистанционного и электронного обучения, помимо общепринятых правил и норм педагогической этики и этики высшей школы, включает в себя также отдельные элементы компьютерной этики — особой области исследований, занимающейся этическими проблемами, возникающими в связи с развитием и применением компьютерных технологий. Конечно, сам по себе компьютер не меняет и не может менять этические нормы и предписания, он лишь, как справедливо отмечает А.С. Капто, «уве-

личивает, причем существенным образом, технические и операционные возможности для аморальных людей причинять вред в своих личных или корпоративных целях» [5. С. 758].

Важную роль в этике дистанционного обучения играет также коммуникативная компетенция субъектов деловых отношений. Она включает в себя традиционные формы деловой переписки, сложившиеся еще 150 лет назад в Англии (этикет составления деловой корреспонденции, благодарственных писем, пресс-релизов, др. служебных документов), а также нормы так называемого электронного этикета (сетикет), т.е. этические правила работы в Интернете, с электронной почтой, мобильными телефонами и т.д. Нормы электронного этикета — обширная сфера правил, освещение которой требует отдельной темы. В качестве примера можно привести, например, следующие простые правила электронной переписки: 1. Электронное письмо должно быть корректным и правильно заполненным. 2. Всегда следует проверять правильность написания адреса и имя, как получателя, так и отправителя. 3. Для более быстрой идентификации вашего письма получателем следует всегда кратко и четко указывать тему письма. 4. Отвечая на письмо, обратите внимание на то, следует ли менять тему письма. 5. Прежде чем отправить письмо, целесообразно сохранить его в отдельном файле. 6. Электронное письмо так же, как и обычное письмо, должно соответствовать принятым правилам деловой переписки, недопустимы сокращения, жаргонизмы. 7. Необходимо всегда отвечать на электронные письма либо подтверждать их получение. 8. При электронной переписке следует быть особо осторожным с конфиденциальной информацией. 9. Нельзя придавать огласке либо публиковать информацию из личных писем без согласия их отправителей [12. С. 148—149].

Итак, современная социальная реальность, основанная на информации и знаниях, требует от человека сформированных умений получать новые знания, творчески преобразовывать их и решать на их основе комплексные задачи. Серьезным инструментом, позволяющим удовлетворять эти требования, являются используемые в обучении компьютерные информационные технологии. Грамотно организованный образовательный процесс с использованием современных инновационных технологий позволяет сформировать необходимые навыки и умения, способствуя развитию таких важных для будущего специалиста качеств, как интуиция, профессиональное чутье, гибкость и креативность мышления, аналитические способности. Поэтому полноценное внедрение компьютерных информационных технологий, несомненно, должно стать одной из приоритетных задач информационной образовательной политики нашего общества и государства.

Компьютерная революция существенным образом изменяет традиционные методы образования, постепенно вытесняя из учебного процесса преподавателя. Использование компьютера в качестве последнего придает образованию принципиально новые нравственные и учебно-методические параметры, делая ненужными некоторые рутинные функции профессии педагога (особенно вербальные методы обучения). Это привносит совершенно иной вектор в трактовку категории «педагогическое воздействие» с четко выраженной тенденцией сокращения внешних (со стороны педагога) воздействий и наращивания внутреннего потенциала личности в ее познавательной деятельности (самообразование, самостоятельный поиск наиболее приемлемых компьютерных решений, самоконтроль и т.д.) [5. С. 756].

В то же время представлять перспективы полного перевода образовательного процесса на электронно-цифровые методы обучения только в романтических и радужных тонах было бы серьезным заблуждением. Глобальность процессов всеобщей компьютеризации привела к обострению многих социальных и нравственных проблем, которые в полной мере касаются и института образования, породила новые негативные коллизии. Компьютеризация воздействует на экономическую и психологическую переориентацию человека в окружающем мире, формирует совершенно новую этическую ситуацию в обществе, изменяет поведение людей, причем не только в лучшую сторону. Превращение компьютерных технологий в интегрированную часть образовательного процесса выдвинуло ряд новых нравственных проблем. Глобальное внедрение в образовательный процесс компьютерных технологий, и особенно стремление заменить ими традиционные образовательные технологии, способно породить многие проблемы и, в конечном счете, привести к серьезному обеднению образовательного процесса, могущего превратиться из сложнейшего творческого процесса «созидания» личности в примитивную, хоть и обладающую высокой скоростью и объемом, передачу информации.

Среди негативных последствий использования компьютерных технологий во всех формах обучения можно выделить возможное отрицательное воздействие компьютерной техники (при ее длительном применении) на физиологическое состояние и здоровье, как педагогов, так и обучающихся.

Нельзя не отметить, что многочасовая работа с компьютерами, принтерами, электронной почтой и др. весьма опасна для здоровья человека. У тех, кто часто имеет дело с компьютерной обработкой информации, возникает болезнь, которую специалисты называют «синдром информационной усталости» — состояние, когда человек теряет способность адекватно воспринимать информацию и принимать на ее основе правильные решения. Такое состояние может значительно препятствовать нормальному ходу образовательного процесса.

Однако наиболее опасным последствием полного перевода образовательного процесса на компьютерные рельсы нам представляется возможное свертывание живого диалогического общения участников образовательного процесса — того общения, которое является наиболее важным и практически единственным источником развития речи обучающихся, а следовательно, и их самостоятельного творческого мышления. Без развитой практики непосредственного диалога — преподавателя со студентом, студентов между собой и т.д. — невозможно формирование умения верно и точно формулировать свои мысли на профессиональном языке, а значит и полноценное профессиональное и личностное становление обучающихся. «Диалог с компьютером» вместо живого человеческого общения в ходе образовательного процесса выступает в качестве суррогата общения и неспособен в полной мере его заменить. Минимизируя живой, непосредственный контакт преподавателя и студента, заменяя их общение в ходе традиционных форм обучения, таких, как, например, лекции, семинарские занятия, личные консультации, на разнообразные «продвинутые» образовательные технологии (обучающие компьютерные программы, аудио- и видеокурсы и др.), мы рискуем упустить самую возможность формирования творческого мышления, которое по самому своему происхождению основано на диалоге.

Таким образом, как всякое техническое достижение, компьютерные технологии имеют и негативные последствия, в том числе и в сфере образования. Так, в познавательном-мыслительном плане это формирование нелинейного, ассоциативного, мозаичного мышления, переизбыток информации, ослабление творческих начал в человеке. В гуманитарном плане информационные технологии механизмируют и стандартизируют образовательную деятельность, обезличивают процесс обучения, ослабляют в целом гуманитарные стороны образования [2].

В этическом плане наиболее опасным следствием массового перевода образовательного процесса на компьютерные схемы обучения является возможная дегуманизация образовательного процесса, уход из него духовного личностного компонента, который в ходе использования традиционных технологий обучения обеспечивался личностью педагога, его нравственным и духовным воздействием на обучающихся.

Профессия педагога, как никакая другая, требует постоянного творчества. Формируя свои нравственно-этические предпочтения, свое научное мировоззрение, свое профессиональное сознание, педагог одновременно является созидателем таких же духовных ценностей молодежи [13]. И если нравственная деградация, как правило, является следствием мировоззренческого вакуума, то идейно-духовная безликость рождается в условиях невыработанных или искаженных нравственных ориентиров личности, способствуют все большему ее отдалению от высших духовных ценностей. Образовательные институты только тогда могут выполнять свою основную социальную задачу, когда в ходе процесса обучения не просто передаются знания, но и происходит обогащение еще только формирующегося сознания учащихся высшими духовными ценностями, формируется творческая личность. Поэтому никакие, даже самые совершенные электронные средства, не способны заменить личность преподавателя, педагога, трансформирующего на учащихся свои собственные профессиональные и нравственные ценности: заботу о постоянно растущем мастерстве, высокую сознательность, идейно-духовную зрелость и нравственную чистоту [7. С. 267].

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее. В современном мире в условиях развитого информационного общества компьютерные технологии раскрывают перед человеком невиданные ранее возможности образовательного роста и самосовершенствования, и в значительной степени от самого человека зависит, сможем ли мы правильно распорядиться этими возможностями. Признавая очевидную необходимость и полезность активного внедрения компьютерных технологий в образовательный процесс, следует в ходе этого внедрения гармонично сочетать новые технологии с традиционными образовательными практиками. Ведь если в настоящее время российская система образования сохраняет свои позиции, то благодаря разумному сочетанию ценных и смелых инноваций со своеобразной традиционной стабильностью функционирования, с сохранением гуманистического, этического, ценностного компонента образовательного процесса. Именно в таком сочетании — залог успешной модернизации образовательной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Закон Российской Федерации «Об образовании». М., 2012.
- [2] Волкова Н.П. Традиционные и инновационные технологии современного образования // *Философское образование*. 2016. № 1 (33). С. 32—36.
- [3] Информационные и коммуникационные технологии в образовании / Под ред. Б. Дендева. М.: ИИТО ЮНЕСКО, 2013.
- [4] Лапшин И.Е. Высшее образование как фактор социализации современной молодежи: этический аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 88—95.
- [5] Капто А.С. Профессиональная этика. М., 2006.
- [6] Саввина О.В. Этическое регулирование в высшем учебном заведении и условия его эффективности // *Философия и культура*. 2013. № 8. С. 1152—1163.
- [7] Цвык В.А. Нравственные ценности профессиональной деятельности // *Личность. Культура. Общество*. 2014. Т. XVI. № 1—2 (81—82). С. 262—268.
- [8] Цвык В.А. Профессиональная этика: основы общей теории. 3-е изд. М., 2014.
- [9] Цвык В.А. Этика высшей школы (на примере Российского университета дружбы народов) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 9—18.
- [10] Цвык И.В. Компьютерная этика и проблемы интеллектуальной безопасности // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. 2013. № 3. С. 125—134.
- [11] Цвык И.В. Социальные аспекты информационной безопасности общества // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2014. № 2. С. 76—84.
- [12] Цвык В.А., Цвык И.В., Косорукова А.А., Лапшин И.Е., Моисеенко М.В., Мухаметжанова В.С., Саввина О.В. Этика высшей школы. М.: Изд-во РУДН, 2016.
- [13] Moiseenko M.V., Savvina O.V., Mukhametzhanova V.S., Kosorukova A.A. Code of ethics as an instrument for maintaining professional ethics of university professors // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts, SGEM 2016. С. 403—410.

Сведения об авторе:

Цвык Ирина Вячеславовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета); *e-mail*: tsvykirina@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-379-388

COMPUTER TECHNOLOGIES IN THE CONTEMPORARY EDUCATIONAL PROCESS: THE ETHICAL ASPECT

I.V. Tsvyk

Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, Volokolamskoe highway, 125171, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the ethical evaluation of the possible consequences of informatization of all forms of educational activity. The author considers the positive and negative aspects of the widespread introduction of computer technologies in the educational process. The use of computer technologies in the educational process is designed to solve important didactic tasks. First of all, it is the improvement of the organization of the educational process, the acceleration and intensification of the learning process,

ensuring its flexibility and individual approach. In addition, computer technology can significantly improve the productivity of self-training students, ensure the development of their personality, stimulate research activities and generally increase the level of independence in the learning process. In the same time, in the ethical plan the most dangerous consequence of the mass transfer of the educational process to computer training schemes is the possible dehumanization of the educational process, the departure of the spiritual personal component from it. The most dangerous consequence of the complete transfer of the educational process to computer tracks is the possible curtailing of live dialogical communication among the participants in the educational process, which is the most important and practically the only source of speech development for the students, and consequently their independent creative thinking.

Key words: computer technologies, information society, education, pedagogy, creation, personality

REFERENCES

- [1] Federal Law of the Russian Federation “Ob obrazovanii”. Available from: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru>. (In Russ).
- [2] Volkova NP. Tradicionnye i innovacionnye tehnologii sovremennogo obrazovanija. *Filosofskoe obrazovanie*. 2016;1 (33):32—36. (In Russ).
- [3] Dendev B, editor. *Informacionnye i kommunikacionnye tehnologii v obrazovanii*. Moscow: IITO UNESCO; 2013. (In Russ).
- [4] Lapshin IE. Vysshee obrazovanie kak faktor socializacii sovremennoj molodezhi: jeticheskiy aspekt. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Filosofija*. 2016;3: 88—95. (In Russ).
- [5] Kapto AS. *Professional'naja jetika*. Moscow: 2006. (In Russ).
- [6] Savvina OV. Jeticheskoe regulirovanie v vysshem uchebnom zavedenii i uslovija ego jeffektivnosti. *Filosofija i kul'tura*. 2013;8: 1152—1163. (In Russ).
- [7] Tsvyk VA. Nравственные ценности профессиональной деятельности. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*. 2014; 1—2 (81—82):262—268. (In Russ).
- [8] Tsvyk VA. *Professional'naja jetika: osnovy obshhej teorii*. 3ed. Moscow: 2014. (In Russ).
- [9] Tsvyk VA. Jetika vysshej shkoly (na primere Rossijskogo universiteta družby narodov). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Filosofija*. 2016;3: 9—18. (In Russ).
- [10] Tsvyk IV. Komp'juternaja jetika i problemy intellektual'noj bezopasnosti. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Filosofija*. 2013;3:125—134. (In Russ).
- [11] Tsvyk IV. Social'nye aspekty informacionnoj bezopasnosti obshhestva. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie*. 2014;2: 76—84. (In Russ).
- [12] Tsvyk VA, Tsvyk IV, Kosorukova AA, Lapshin IE, Moiseenko MV, Mukhametzhanova VS, Savvina OV. *Etika vysshei shkoly*. Moscow: RUDN; 2016. (In Russ).
- [13] Moiseenko MV, Savvina OV, Mukhametzhanova VS, Kosorukova AA. Code of ethics as an instrument for maintaining professional ethics of university professors. Proceedings of the 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts, SGEM: 2016 Apr 6—9. Austria, Vienna; 2016. p. 403—410.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-389-395

MODERN CORPORATE UNIVERSITIES: ETHICAL THREATS AND ETHICAL HOPES

I.Y. Lapshin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article considers the problem of implementation of ethics as a taught subject into modern business education. Modern business schools reached a stable point of development during last decades and became less adaptive to the needs of modern business community. In this sense, business schools represent a longer educational tradition while education in corporate universities which emerged a half a century ago is grounded upon more innovative and experimental principles. Practical orientation and correlation with the functioning of a specific organization allows corporate universities to avoid several problems accumulated during the decades of business schools' existence. However, the renunciation of some principles which are traditional for both public and private education can potentially lead to contradictory consequences including those in the sphere of ethics.

The first part of the article is a brief historical overview of the development of economic education in the world. It is also shown on the example of the USA why some of features of business schools have developed like we know them today and what is their connection with the various stages of development of the world economy in the 20th century. The second part of the article aims to outline some nuances of the emergence and development of corporate universities, to show why their influence on the modern economic education increased and to point out the corresponding reasons to be ethically concerned.

The article analyses some problems of modern business-schools and also considers corporate universities as an alternative to traditional business education.

Key words: business ethics, business schools, corporate universities

The history of economic education is not very long. Modern economic thought traces its history back to the 18th century and the debates between two schools, mercantilists and physiocrats, but economics as a profession taught in universities dates back to as late as the second half of the 19th century when most of the leading economists became academic teachers [1. P. 722]. However, while there were many professional economists which were teaching cognate disciplines, economics as a university subject was presented only by few professors of largest and most prominent universities. At this time, curriculums of several universities had already economic disciplines included, nevertheless, there were still little to no means to conduct research.

The end of the 19th century and the first decade of the 20th was the period when most of the well-known business schools were founded. The Wharton School of the University of Pennsylvania, the University of Chicago Booth School of Business, The College of Commerce of the University of California, the Harvard business school and many others started developing the method which is now commonly known as the case-study method. One of the reasons for its popularity was the mere absence of suitable textbooks, though today this method is still widely used in economics education. Analysis

of cases has proven itself viable and effective as an explanation technique which appeals to common sense and general beliefs of a student, immersing him into various realistic situations. Generally, case-study as a teaching method is the more effective the deeper this immersion is, and it inevitably implies that students have to deal not only with logical and mathematical problems. Emotional participation can be welcome or not, but it is always natural. What is more important for us here, studying cases nudges students to make conclusions about integrity or dishonesty of managerial choices discussed during lessons, and occasions that happened in the past usually are followed by consequences with clear ethical meaning. We assume that implementation of case-studies was one of the starting points for ethics in economic education.

During the 1920s the world was separated in two parts: several European countries, e.g. Germany and Austria, were suffering economic decay after the First World War. The Soviet Union was building its economy from the wreckage of the wealth of the pre-revolutionary Russia. To the contrary, American economy was “roaring” in the 1920s. After the end of war, the United States switched its industrial capacities to peaceful purposes. In general, two words could describe the state of the economy of the United States during this period: consumerism and credits. The absence of a united world economic picture stalled the development of economic education. Moreover, this period of American prosperity was relatively short and ended with the Great Depression, and this instability encouraged strictly economic theories, not philosophical and ethical reflections.

After the Second World War there was a relatively fruitful period for economics education in several countries. In the U.S.A. the popularity of economics education grew very quickly, it was declared on the governmental level crucial for the American economy to survive [2. P. 22]. Most European countries were struggling their way out of the post-war devastation. The economy of the Soviet Union became decentralized after the reform of 1957. It was also the time of formation of economic theories which are still valid nowadays such as monetarism and neo-Keynesianism.

The seventies were a decade of growing distrust of social sciences as sciences which also affected economics as a discipline. S. Andreski in his “Social Sciences as Sorcery” (1972) claimed that there was “an abundance of pompous bluff and paucity of new ideas” [3. P. 11] and accused sociologists of inability to articulate their concepts clearly. A. Elms (“The crisis of confidence in social psychology”, 1975) stated the shortage of relevant and practical research in social psychology [4]. Similar problems were noted by M. Deutsch (1976) in his “Comments on the Current Status of American Social Psychology” [5]. The growth of scientific psychological literature in this decade lead to a sense of fragmentation among academic readers.

On the other hand, it should be said that these years were fruitful for the development of business schools, the almost only centers of economic education of that time. Furthermore, the growing demand for interdisciplinary research raised the value of business school which could contribute much in this sphere. W. Bennis and J. O’Toole remarked that “during the 1970s and early 1980s, the best business schools were arguably the most intellectually exciting places in academia. In many universities, B schools were

the primary loci of multidisciplinary research. That intellectual ferment and cross-pollination helped make business schools the hugely popular institutions they are today” [6]. What is most important for our paper, the 1970s was the time when the notion of business ethics came into common use in the United States and also the time when some major books concerning business ethics (such as “Theory of Justice” by J. Rawls) were written.

However, this notion itself seems to be troublesome: business professions are sometimes thought as unethical by their nature. One of the problems is that “discussing ethics makes economics uncomfortable... economics is traditionally viewed as ill-suited to discuss competing ethical norms”. This enduring idea hindered the development of business ethics as a taught subject. Nevertheless, Polly Peck and Qintex and later World-Com and Enron scandals proved that some economic disasters can’t be explained only by technical shortcomings: there were bright examples of ethical misconduct among senior executives. We could suppose that these situations should have turned the attention of the business community and national ministries to the lack of ethical training in business schools. Yet, this hypothesis would be at least a little anachronistic: business ethics as a taught subject was widespread already in the 1980s, and, for example, there were more than 500 courses taught in American educational institutions by this time [7]. Some researchers argue that existing systems of business ethics education have flaws which already become inherent in business schools curriculums [8]. Moreover, there are still many business schools which refuse to implement any stand-alone ethics courses [9. P. 2]. The situation with ethics as a subject in business schools becomes more and more confusing.

Despite any economical or ethical crises, business school education still remains very popular as a passport to corporate success. A way of receiving knowledge necessary for doing any business that would totally change the picture can hardly be imagined today. However, corporate universities which emerged in the last decades are functioning on the same ground nowadays. One of the main reasons for corporations to establish their own educational institutions is the intention to preserve intellectual capital [10]. Traditional systems of education presume that a large commercial organization which has its own specific needs and requests has only two opportunities: either to invest into some educational institution in order to be allowed to make some adjustments in the curriculums or to settle for available education. With the rise of corporate universities, the situation has changed: corporate universities allow much more freedom in terms of arranging training courses.

However, despite the fact that first corporate universities emerged in the 1960—1970s, there are great concerns (especially intensified by science fiction [11]) connected with this freedom corporate universities may enjoy. First of all, it could be presumed that since any corporate university tend to train specialists which later should be employed in a particular corporation, any corporate university tend to be a nonpublic organization which can form shady convictions.

Another important trait of most corporate enterprises today is the distancing from state institutions and governmental regulations, which contradicts the modern idea

of economics as a profession. As Ludwig von Mises wrote, “the development of a profession of economists is an offshoot of interventionism. The professional economist is the specialist who is instrumental in designing various measures of government interference with business” [12. P. 869]. Modern corporations tend to avoid any influence from the state [13]. This tendency is evident, among other fields, in the sphere of ethics.

There are also some other pessimistic expectations connected with the growth of corporate universities. However, as we showed above, some concerns and anticipations are delusive and based on an anachronistic thinking. Further we will try to demonstrate why corporate universities are competing with more traditional business schools.

First of all, it should be reminded that the history of business education is tightly connected with the development of management as a profession. In the United States, for example, the project of management as a profession started in the beginning of the 20th century [14]. However, management as a profession differs considerably from more traditional specializations. Today it is almost unthinkable to practice as a lawyer or as a physician without having completed the corresponding education. On the contrary, it is common for managers to be educated in psychology, sociology or any other field except management [14]. This situation inclines people to think that management is an “optional” profession, while modern business schools are mostly associated with conferring MBA and similar degrees which exist for more than 50 years and still are very popular. Hence, we should conclude that this is not a temporary shortcoming but an established practice.

It is also becoming some kind of tradition to contrast the economic subjects and ethics in the curriculums of business schools. Nevertheless, as W. Bennis and J. O’Toole suggest, sometimes there is little difference between failures of economic strategy and ethical lapses: both are caused by narrowly specialized business education [6]. Corporate universities, on the contrary, tend to include ethical studies and some other theoretically loaded disciplines into their curriculums.

On the other hand, graduates of today’s business schools often lack practical experience. Today’s business schools sometimes prefer research over practical teaching: “many of the top-ranked schools sniff at professional school identity, arguing that they are more interested in generating intellectual capital than in following the nuances of ‘business as usual’ practices in the marketplace” [15. P. 31]. As W. Bennis and J. O’Toole put it, the problem is that too many business school faculty members are practically inexperienced [6].

E. Land, the founder of Polaroid, in his famous speech at MIT suggested that every business school should have its own business. That would mean that such business schools would be reorganized following the model of medical educational institutions where theoretical courses are combined with the practice conducted by students under the supervision of professors. This idea was partly realized in the corporate universities. As D. Guthrie argues, “many corporations are creating their own internal universities because they feel business schools have failed at training the managers and leaders needed to run their companies” [16].

Today’s corporate universities are, to a greater or lesser extent, an alternative to business schools. Their curriculums are more flexible and can include disciplines traditionally not studied at business schools. Despite the risks of giving such a freedom

to educational organizations, this way of composing teaching programs has great perspectives. Financial organizations today “are interested in a clever cross-fertilization between learning and strategy” [17], so, for example, the implementation of specific on-the-job training can be crucial for specialist education.

There are also some misconceptions tightly connected with the traditional business school education. For example, there is a common notion that “society grants to corporations the status of legal persons in order to hold them accountable for their conduct, as any individual citizen would be” [14]. In other words, almost any society wants to see corporations as individuals responsible for their actions as citizens would be. Despite the fact that this concept proved to be more or less viable, there is an important and often neglected difference: the governance of huge corporations is largely decentralized so that in some critical situations there can be no obvious culprit. Society, nevertheless, is usually prone to assume that the CEO or the main executives are always to blame. In the age of large corporations this assumption is at least questionable: some sequences of decisions are made by dozens of managers. In other words, “ethical lapses in business occur not just because a few people are crooks” [18. P. 186]. The Enron case showed that there is more to such disasters than just malpractice of top managers: the lack of corporate culture [19].

Ethics as a part of business education is still often considered as a subject which is not inherent in the typical and essential business curriculum. Yet, it could be seen as a necessary part of corporate culture studies which become more and more important for young managers. We hope that, with time, there will be no need to justify the presence of ethics courses in business education. We also hope that, despite the fact that the idea of corporate university is not new and some corporate universities exist longer than 50 years, corporate business education can improve the ethical climate of modern business.

© Lapshin I.Y., 2017

REFERENCES

- [1] Schumpeter JA. *History of Economic Analysis*. Taylor & Francis; 2006.
- [2] Education for the Economic Challenges of Tomorrow: a Report of a Symposium in Conjunction with the 10th Anniversary of the JCEE, 1949—1959. *Joint Council of Economic Education*. New York. 1959:28—30.
- [3] Andreski S. *Social Sciences as Sorcery*. Andre Deutsch Ltd; 1972.
- [4] Elms A. The crisis of confidence in social psychology. *American Psychologist*. 1975;30(10): 967—976.
- [5] Deutsch M. Some Comments on the Current Status of American Social Psychology. *The Japanese Journal of Experimental Social Psychology*. 1978—1979;18(2):167—171.
- [6] Bennis WG, O’Toole J. *How Business Schools Lost Their Way* [Internet]. Hbr.org. [cited 30 April 2017]. Available from: <https://hbr.org/2005/05/how-business-schools-lost-their-way>.
- [7] De George RT. *A History of Business Ethics* [Internet]. Scu.edu. [cited 30 April 2017]. Available from: <https://www.scu.edu/ethics/focus-areas/business-ethics/resources/a-history-of-business-ethics>.
- [8] Hillard J, Dent EB. A Positive Approach Answering Business Ethics Educational Ineffectiveness. *Academy of Management Proceedings*. 2016;1.
- [9] Swanson DL, Fisher DG. *Advancing Business Ethics Education*. Charlotte, NC: Information Age Publishing; 2008.

- [10] Krook S. Boring business ethics: a need for postmodernisation? *Learning, Teaching and Social Justice in Higher Education*. UoM Custom Book Centre; 2010.
- [11] Lapshin IY. Cyberpunk Coming True. *The World in 100 Years*. Moscow. 2016.
- [12] Von Mises L. *Human Action*. Ludwig von Mises Institute; 1949.
- [13] Lapshin IY, Mukhamedzhanova VS, Kosorukova AA. Social Ethics of Corporate Anthem. *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*. 2016;3(2):833—840.
- [14] Khurana R, Nohria N. *It's Time to Make Management a True Profession* [Internet]. Hbr.org. [cited 30 April 2017]. Available from: <https://hbr.org/2008/10/its-time-to-make-management-a-true-profession/>.
- [15] Dennis E, Smith S. *Finding the Best Business School for You: Looking Past the Rankings*. Praeger Publishers; 2006.
- [16] Guthrie D. *Corporate Universities: An Emerging Threat to Graduate Business Education* [Internet]. Forbes.com. [cited 30 April 2017]. Available from: <https://www.forbes.com/sites/dougthrie/2013/01/22/corporate-universities-an-emerging-threat-to-graduate-business-education/#21b567cb17a0/>.
- [17] *Why Winning Organizations have Corporate Universities* [Internet]. C4sl.eu. [cited 30 April 2017]. Available from: <http://www.c4sl.eu/why-winning-organizations-have-corporate-universities>.
- [18] O'Toole J, Mayer D. *Good Business: Exercising Effective and Ethical Leadership*. Routledge; 2010.
- [19] Schuler AJ. *Does Corporate Culture Matter?: The Case of Enron* [Internet]. Academia.edu. [cited 30 April 2017]. Available from: http://www.academia.edu/6804951/ENRONs_CORPORATE_CULTURE_Does_Corporate_Culture_Matter_The_Case_of_Enron.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-389-395

СОВРЕМЕННЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ: ЭТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И ЭТИЧЕСКИЕ НАДЕЖДЫ

И.Е. Лапшин

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В статье рассмотрена проблема внедрения этики как образовательной дисциплины в современное бизнес-образование. Многие современные бизнес-школы за последние десятилетия достигли устойчивой точки развития, и их адаптируемость к нынешним проблемам бизнес-сообщества значительно снизилась. В этом смысле бизнес-школы представляют более длительно существующую традицию в образовании, в то время как процесс обучения в корпоративных университетах, появившихся полвека назад, построен на более новаторских и экспериментальных принципах. Практическая ориентированность и привязка к функционированию конкретной организации позволяют корпоративным университетам избежать в своей деятельности некоторых проблем, накопившихся в течение десятилетий существования бизнес-школ. Тем не менее, отказ от ряда принципов, традиционных как для государственного, так и для частного образования, потенциально может привести к неоднозначным последствиям, в том числе в сфере этики.

Первая часть статьи представляет собой краткий исторический обзор развития экономического образования в мире. На примере США и некоторых других стран показано, почему некоторые черты бизнес-школ сложились именно такими, какими мы их знаем сегодня и какова их связь с различными этапами развития мировой экономики в XX в. Вторая часть статьи имеет своей целью изложить некоторые нюансы возникновения и развития корпоративных университетов и увеличения их влияния на современное экономическое образование, а также указать на возникшие в связи с этим причины для этического беспокойства.

Статья анализирует некоторые проблемы современных бизнес-школ, а также рассматривает корпоративные университеты в качестве альтернативы традиционному бизнес-образованию.

Ключевые слова: бизнес-этика, бизнес-школы, корпоративные университеты

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Schumpeter J.A.* History of Economic Analysis. Taylor & Francis; 2006.
- [2] Education for the Economic Challenges of Tomorrow: a Report of a Symposium in Conjunction with the 10th Anniversary of the JCEE, 1949—1959. New York: Joint Council of Economic Education, 1959. P. 28—30.
- [3] *Andreski S.* Social Sciences as Sorcery. Andre Deutsch Ltd, 1972.
- [4] *Elms A.* The crisis of confidence in social psychology // *American Psychologist*. 1975. № 30(10). P. 967—976.
- [5] *Deutsch M.* Some Comments on the Current Status of American Social Psychology // *The Japanese Journal of Experimental Social Psychology*. 1978—1979. № 18(2). P. 167—171.
- [6] *Bennis W.G., O'Toole J.* How Business Schools Lost Their Way [интернет]. Hbr.org. [дата обращения: 30.04.2017]. Доступ по ссылке: <https://hbr.org/2005/05/how-business-schools-lost-their-way>.
- [7] *De George R.T.* A History of Business Ethics [Интернет]. Scu.edu. [Дата обращения: 30.04.2017]. Режим доступа: <https://www.scu.edu/ethics/focus-areas/business-ethics/resources/a-history-of-business-ethics/>.
- [8] *Hillard J., Dent E.B.* A Positive Approach Answering Business Ethics Educational Ineffectiveness // *Academy of Management Proceedings*. 2016. № 1.
- [9] *Swanson D.L., Fisher D.G.* Advancing Business Ethics Education. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2008.
- [10] *Krook S.* Boring business ethics: a need for postmodernisation? Learning, Teaching and Social Justice in Higher Education. UoM Custom Book Centre, 2010.
- [11] *Lapshin I.Y.* Cyberpunk Coming True. The World in 100 Years. Moscow, 2016.
- [12] *Von Mises L.* Human Action. Ludwig von Mises Institute, 1949.
- [13] *Lapshin I.Y., Mukhamedzhanova V.S., Kosorukova A.A.* Social Ethics of Corporate Anthem // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. 2016. № 3(2). P. 833—840.
- [14] *Khurana R., Nohria N.* It's Time to Make Management a True Profession [Интернет]. Hbr.org. [Дата обращения: 30.04.2017]. Режим доступа: <https://hbr.org/2008/10/its-time-to-make-management-a-true-profession/>.
- [15] *Dennis E., Smith S.* Finding the Best Business School for You: Looking Past the Rankings. Praeger Publishers, 2006.
- [16] *Guthrie D.* Corporate Universities: An Emerging Threat to Graduate Business Education [Интернет]. Forbes.com. [Дата обращения: 30.04.2017]. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/douguguthrie/2013/01/22/corporate-universities-an-emerging-threat-to-graduate-business-education/#21b567cb17a0/>.
- [17] Why Winning Organizations have Corporate Universities [интернет]. C4sl.eu. [Дата обращения: 30.04.2017]. Режим доступа: <http://www.c4sl.eu/why-winning-organizations-have-corporate-universities/>.
- [18] *O'Toole J., Mayer D.* Good Business: Exercising Effective and Ethical Leadership. Routledge, 2010.
- [19] *Schuler A.J.* Does Corporate Culture Matter?: The Case of Enron [Интернет]. Academia.edu. [Дата обращения: 30.04.2017]. Режим доступа: http://www.academia.edu/6804951/ENRONs_CORPORATE_CULTURE_Does_Corporate_Culture_Matter_The_Case_of_Enron.

Сведения об авторе:

Лапшин Иван Евгеньевич — кандидат философских наук, ассистент кафедры этики факультета гуманитарных и социальных наук; *e-mail*: lapshin_ie@rudn.university.

ПРОБА ПЕРА

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-396-400

ETHICS OF AGE: YOUTH AND PROSPECTS OF IMMORTALITY

S.V. Mikaelyan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper deals with increasing idealization and aesthetization of youthfulness in the 20—21 centuries. Juvenility has become one of the fundamental values of today causing the desire to stop the process of aging which leads to discrimination towards elderly people. Advancements in medicine and biological technologies urge society to believe that the project of life spans extension and immortality may be feasible in the near future. The consideration on such developments allow us to conclude that modern mankind faces a possible change of social reality through the modification of morality and the current set of values.

Key words: youth, ageism, gerontophobia, acme, romanticism, immortality, transhumanism

Nowadays' state-of-the-art capability has engendered a lively exchange of views between members of scientific community concerning the issue of youthfulness and life extension. Inflamed by recent scientific advances in biogerontology, the prospect of slowing down or even stopping the process of aging and thus indefinitely extending our maximum life spans has led to an increasing idealization and aesthetization of youthfulness in the modern world. It is obvious, that humanity doesn't seek to achieve the prolongation of life as such, but rather the prolongation (or restoration) of a healthy and youthful life [3. P. 319]. Juvenility has become one of the fundamental values of today causing a number of changes in the usual world order. One cannot deny that while young people's status is advancing, elderly persons' status takes its turn to the worse. The brand-new position of youth gives rise to discrimination towards old-aged people called gerontophobia (the special type of ageism which implies the fear of growing old or hatred or fear of the elderly). Given that, it was gerontophobia and youth canonization that spurred medicine to combat aging [8. P. 84].

First of all, it should be stressed, that any age within each culture has its own virtuous and aesthetic substance. Appealing to the Ancient Greece — Ancient Far East relation one can see how differently peoples and societies are able to treat age. The Greeks considered manhood and late youth to be the best time a human being can ever savour. Greek philosophy created the category “acme” (ancient Greek. Ακμή — the highest point, the vertex) — somatic, physiological, psychological and social condition of an individual, who is characterized by the successfulness of his development, the achievement of the highest rates in the activities and work of any kind. A good example of this ten-

dency is the Greek art. Hellenic artists most frequently depicted young and mature bodies in their art pieces. The cultivated image of perfect physique and beauty had not a slightest association with the physical characteristics of elderly people. Moreover, judging from the antique mythology, where gods-Olympians struggle with looming oldness by means of ambrosia (the divine nectar, which presents a drinker with eternal youth and immortality), one can say that Greek people strived for being forever young [2. P. 98].

Philosophy of ancient Japan and China works in opposite polarity. One of the most important beauty criteria in Eastern tradition is aesthetic notion “sabi”. Sabi refers to beauty or serenity that comes with age, when the life of the object and its impermanence are evidenced in its patina and wear, or in any visible repairs. Sabi also embodies natural beauty of being old and experienced. The stronger the seal of antiquity emerges, the more valuable the thing is [4. P. 53].

There is a similar state of affairs in Chinese philosophy. Veneration of ancestors and elderlies in China may be found even in the language structures. The hieroglyph “老” (lao) denotes “old” and “respected” at the same time and is usually used towards an elderly or senior person to show great homage. The shape of this hieroglyph goes back to the ancient image of an old man with long tangled hair who is working his way using a cane.

Thus, society evaluates human’s age differently in the course of any historical period. Such an axiological analysis designs the new acme of the era. Thereby, if Hellenic acme was late youth, speculators of the Far East considered oldness to be the golden age of man’s lifetime. Modern conceptions of age are fundamentally different from the previous ones. The one of the basic values of modern society is youthfulness.

Speaking of being young as an advantage, one cannot fail to refer to Romanticism. This philosophical movement mainly considered youthfulness as a spiritual category of morality, creative activity and passionate desire to change the world for the better. To be young in Romanticism is mostly to be of a good and passionate nature but not to be fresh or of a small age. The human’s body is not a youth basis to romanticists, because it is temporary and prone to withering, whereas the soul has no age as such. [7. P. 86]. So, from the physiological point of view, youth is the period between childhood and adult age associated with the qualities of vigor, freshness and immaturity while adherents of philosophy of romanticism estimate it as the domination of spirituality over materiality and enduring creativity of the individual.

Currently, the image of young people is inextricably linked to their appearance. Furthermore, sometimes the ideal “spring of life” image prevails over the spirituality. Should it happen, aging people present themselves with the new cherished goal — youth prolongation. This tendency was wittily mocked by Somerset Maugham in his novel “The Moon and Sixpence”: “Youth has turned to gods we of an earlier day knew not, and it is possible to see already the direction in which those who come after us will move. The younger generation, conscious of strength and tumultuous, have done with knocking at the door; they have burst in and seated themselves in our seats. The air is noisy with their shouts. Of their elders some, by imitating the antics of youth, strive to persuade themselves that their day is not yet over; they shout with the lustiest, but the war cry sounds hollow in their mouth; they are like poor wantons attempting with pencil, paint and powder, with shrill gaiety, to recover the illusion of their spring” [5. P. 13].

Why is youthfulness that desirable? The main benefits which are attributed to young people are social mobility in any field of activity, inexhaustible energy, open-mindedness and creativity. Young people are ambitious and have the ability to create new strategies of solving various problems quickly and easily. Potentially, youth is extremely efficient: youngsters are able to work hard and recover swiftly. Lacking experience, they substitute it for ardor and self-confidence.

On the other hand, old age is considered to be the last and saddest part of life. The process of aging is not only a biological process of fading of the body, but also a spiritual exhaustion, “fatigue” of the soul and decay of creativity. Such an image of aging sparks age discrimination towards old people (gerontophobia) and makes their life much worse [8. P. 69].

A direct consequence of this is a huge increase in demand for aesthetic plastic and cosmetic surgery. Furthermore, nowadays people are very interested in life prolongation technologies. Taking into account the ongoing evolution of modern medicine and biology, the project of radically extending our life spans and even reaching the condition of immortality for some individuals seems to be technologically feasible in the near future [1. P. 244].

The aspiration to endless life, however, cannot be considered as an idea generated by the thinkers of the last few centuries. There have been four main approaches to immortality throughout the history of thought:

- 1) semi-immortality through accomplishments;
- 2) semi-immortality through procreation;
- 3) spiritual immortality;
- 4) physical immortality through not dying.

Adherents of the first concept believe that they can achieve “immortality” through their “legacy”, through their acts and the achievements that they leave behind, whereas those of the second one consider that they leave the important part of themselves in their kids and by means of that continue their journey along the life’s continuum. Spiritual immortality, on the other hand, is a belief that is expressed in nearly every religious tradition. In both Western and Eastern religions, the spirit is energy or force that transcends the mortal shell, and returns to either the heavens or the cycle of life, directly or indirectly depending on the religious tradition. Last, but not the least, physical immortality is the prospect for extremely long or eternal life spans made possible by scientific advances in a variety of fields. One of the most prominent philosophical movements which advocates for physical immortality is Transhumanism. It aims to transform the human condition by developing and creating widely available sophisticated technologies to greatly enhance human intellectual, physical, and psychological capacities. Transhumanist thinkers study the potential benefits and dangers of emerging technologies that could overcome the fundamental human limitations such as death [6. P. 20]. The most common thesis is that humans may eventually be able to transform themselves into different beings with abilities so greatly expanded from the natural condition as to merit the label of immortal posthuman beings. It should be acknowledged, that this is not just an expression of the universal wish to live forever but, at a deeper level, arises from the impossibility

of bearing the mental pain of experiencing ordinary human vulnerability and loss — death being the ultimate expression of such vulnerability.

However, what can immortality really bring about? If one's character remains fixed throughout eternity, then one will become bored and detached from life because all of the possibilities that one person, with a particular character, can have will ultimately become fulfilled. He therefore determines that life is not infinitely pleasurable, even though pleasure does accumulate over time, because if one were to live forever, eventually all the pleasures relevant to one person's particular character would be satisfied. This boredom that an immortal life results in is not just an instance of boredom that may occur in a finite life, but it is boredom that is inescapable due to the combination of an infinite life with a finite number of possibilities. It also makes clear that the quality of life has no less importance than life's quantity. So, high quality life of smaller duration is more preferable than an infinite miserable one. Moreover, many of human relationships and activities are dependent on the finite temporal structure of life. Through the awareness of the finitude of life, there is a sense of urgency in the types of activities people pursue. Thus, many of our human values — specifically the value of life as such — are inseparable from the fact that life is finite.

Romanticists considered youth as a precious asset of soul in the first place. Today new technologies allow people to rejuvenate themselves. Because of that, humanity forgoes the core idea of romanticist and worships youth as the main feature of the body giving rise to ageism. Such a cult of being forever young and never growing old, along with the fear of death, spurs the aspiration to live forever. It is suggested that the pursuit of immortality leads to a denial of the emotional significance of passage of time. Given that, if death — the termination of life — were removed, the necessary condition that presents life as something to be valued would also be removed, along with many of the human values that are inseparable from the finite temporal structure of life such as desire for procreation, starting a family, love, self-fulfillment etc.

Assuming that the purpose of life prolongation is not the prolongation of old age, but the preservation or recovery of youth, human's efforts are less likely to be successful if youth is not merely a condition of the body, but also, and even more so, a condition of the mind. Although people may be able to arrest the aging of the body, they may not be able to arrest the aging of the mind which comes with experience.

© Mikaelyan S.V., 2017

REFERENCES

- [1] Butler RN. Ageism: Another form of bigotry. *The Gerontologist*. 1969; 9: 243—246.
- [2] Carl AP, Staples D. *The World of Classical Myth: Gods and Goddesses, Heroines and Heroes*. Durham: Carolina Academic Press; 1994.
- [3] Grey A, Rae M. *Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs that Could Reverse Human Aging in Our Lifetime*. New York, St. Martin's Press; 2007.
- [4] Juniper A. *Wabi Sabi: The Japanese Art of Impermanence*. Tuttle Publishing; 2003.
- [5] Maugham S. *The Moon and Sixpence*. Rockville, MD: Serenity Publishers; 2008.
- [6] Michael S. Burdett *Transhumanism and Transcendence*: Georgetown University Press; 2011.

- [7] Mikaelyan S. Forever Young: Human's Obsession With Never Growing Old. *Yazyki i kul'tury: perspektivy razvitiya v 21 veke: Materialy kafedral'nogo studencheskogo kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem*. Moscow: Tsifrovichok; 2015 nov 26; (Pt 1): 84—88.
- [8] Snyder M, Meine P. Stereotyping of the elderly: A functional approach. *British Journal of Social Psychology*. 1994; 33:63—82.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-396-400

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗРАСТА: МОЛОДОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕССМЕРТИЯ

С.В. Микаелян

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В настоящее время в мире наблюдается тотальная идеализация и эстетизация молодости как человеческого акме XX—XXI вв. Молодость становится одной из базовых ценностей современности, что порождает культ ее сохранения, который стоит у истоков эйджизма и его ответвления — геронтофобии. Сегодня медицина стремится в своем развитии к максимально возможному продлению человеческой молодости, и, как следствие, жизни. Человек снова возвращается к идее вечной жизни как к достижимой в недолгосрочной перспективе, что влечет за собой множество этических и социальных последствий, которые в корне изменят социальную реальность современности.

Ключевые слова: молодость, эйджизм, геронтофобия, акме, романтизм, бессмертие, трансгуманизм

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Butler R.N. Ageism: Another form of bigotry // *The Gerontologist*. 1969. Vol. 9. P. 243—246.
- [2] Carl A.P., Staples D. *The World of Classical Myth: Gods and Goddesses, Heroines and Heroes*. Durham: Carolina Academic Press, 1994.
- [3] Grey A., Rae M. *Ending Aging: The Rejuvenation Breakthroughs that Could Reverse Human Aging in Our Lifetime*. New York: St. Martin's Press, 2007.
- [4] Juniper A. *Wabi Sabi: The Japanese Art of Impermanence*. Tuttle Publishing, 2003.
- [5] Maugham S. *The Moon and Sixpence*. Rockville, MD: Serenity Publishers, 2008.
- [6] Michael S. Burdett *Transhumanism and Transcendence*: Georgetown University Press, 2011.
- [7] Микаелян С.В. Forever Young: Human's Obsession With Never Growing Old // *Языки и культуры: перспективы развития в 21 веке: Материалы кафедрального студенческого круглого стола с международным участием (часть 1)*, Москва, 26 ноября 2015 г. М.: Цифровичок, 2015. С. 84—88.
- [8] Snyder M., Meine P. Stereotyping of the elderly: A functional approach // *British Journal of Social Psychology*. 1994. № 33. P. 63—82.

Сведения об авторе:

Микаелян Сергей Варданович — студент 1 курса магистратуры кафедры этики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; e-mail: sergey.mikaelyan@gmail.com.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-401-406

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ КЛАССИЧЕСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Л.В. Якушев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Россия, Ломоносовский проспект 27-4, ГСП-1

В статье проведен этический анализ политических механизмов восстановления справедливости по завершении классических военных конфликтов. Основой анализа служат принципы теории справедливой войны, а его результатом — общие параметры особой, послевоенной справедливости. Послевоенная справедливость не получила детального рассмотрения у античных и средневековых философов, однако в Новое время, начиная с Канта, привлекла внимание многих мыслителей. В современных концепциях послевоенной справедливости разрабатываются моральные основания перехода к устойчивому миру, соответствующему требованиям справедливости. Однако, несмотря на растущий интерес к этой проблеме, целый спектр связанных с ней вопросов остается нерешенным: кто несет ответственность за установление послевоенной справедливости? какие меры должен включать в себя процесс по возвращению к миру? как обосновать данные действия в соответствии с нормами международного права, в частности Уставом ООН? Предложенная в статье система мер может стать одним из вариантов ответа на данные вопросы.

Ключевые слова: мораль, теория справедливой войны, послевоенная справедливость, гуманитарная интервенция, репарации, военный суд

Теория справедливой войны занимает одно из центральных мест в общественно-этическом дискурсе. Эта доктрина утверждает, что в одних ситуациях война является морально оправданной, а в других должна быть признана безнравственной [1].

Одной из трудностей теории справедливой войны является то, что ее принципы определяют исключительно условия вступления в войну и способы ведения военных действий, а итоговая оценка военного конфликта как справедливого или несправедливого зависит во многом от параметров следующего за войной мирного периода. В связи с этим возникает предположение, что теория справедливой войны должна быть дополнена моральными принципами перехода к миру. В своей статье я хотел бы предложить возможный алгоритм действий, регулирующих вопросы поддержания справедливости после завершения классических межгосударственных вооруженных конфликтов, ставших следствием проявления агрессии одного государства в отношении другого. Для конфликтов неклассического типа: гуманитарных интервенций, войн, в которых задействованы негосударственные субъекты (партизанские движения, террористические сети и т.д.), необходимо разрабатывать специализированные принципы и алгоритмы.

Постконфликтная фаза войны начинается с прекращения огня, заключения перемирия или подписания капитуляции, а также официальных извинений агрес-

сора за совершенные преступления. Ее наступление не означает, что участвовавшие в войне стороны и международное сообщество более не связаны никакими моральными обязанностями, вытекающими из факта произошедшей войны. Напротив, все они обязаны принять участие в процессе установления прочного и справедливого мира, залогом которого является превращение побежденного государства в экономически самодостаточное, политически устойчивое и гарантированно обеспеченное от повторного превращения в источник военной угрозы. В большинстве случаев этот результат можно достигнуть лишь с помощью носящего реформаторский характер вмешательства в дела проигравшего войну государства со стороны государства-победителя. Серьезным препятствием для осуществления этой стратегии послевоенной реконструкции являются нормы международного права, в частности, закрепленный в Уставе ООН принцип суверенитета, в свете которых опирающееся на вооруженную силу вмешательство является преступлением. Это означает, что проигравшая сторона должна дать согласие на проведение того или иного проекта реконструкции.

Однако существуют ситуации, когда побежденное государство не может дать адекватную оценку политической ситуации или не желает этого делать. В них победителям-реформаторам приходится признать государственное образование недееспособным, т.е. отказаться от признания полного суверенитета бывшего агрессора. Тем самым государство-агрессор *на период проведения вмешательства* лишается своего суверенитета и рассматривается как территория в географическом смысле [3, 4]. Такая позиция нарушает принципы Вестфальской системы международных отношений, но зато она позволяет рассматривать действия победителя как миротворческую деятельность, а не акт агрессии. Во избежание злоупотреблений в данный промежуток все действия победителя должны находиться под контролем Организации Объединенных Наций во главе с Советом Безопасности. Участие региональных и международных организаций, таких как ЕС и НАТО, нежелательно, поскольку вмешательство может стать инструментом для установления политического контроля и расширения сферы влияния межгосударственного блока на территории проигравшего государства, что противоречит моральным принципам регулирования международных отношений.

Попытаемся конкретизировать этапы и соответствующие им задачи действий победителя, осуществляющего послевоенную реконструкцию. В первую очередь необходимо обеспечить безопасность граждан. Для этого следует провести демилитаризацию отдельных территорий (наземной, воздушной, водной), обеспечить контроль над вооружениями и/или их сокращение, уничтожить оружие массового уничтожения при его наличии у государства-агрессора [5]. В дополнение к этим мерам необходимо создать временные органы правопорядка. Данное подразделение обязано: 1) соблюдать права и свободы граждан, находящихся на оккупированной территории, 2) пресекать «акты возмездия» и самосуда, попытки создания вооруженных формирований. При этом необходимо понимать, что сотрудничество полиции с местным населением, создание доверительных отношений между ними способствует возвращению общества к мирной жизни. Срок функциониро-

вания данных органов ограничен моментом, когда местные власти будут готовы сами управлять системой охраны правопорядка и обеспечивать верховенство закона в возрождающемся обществе.

Дальнейшие шаги победителя должны включать создание пунктов гуманитарной помощи, которые обязаны предоставить гражданам питание, жилье и необходимые медикаменты. Особое внимание должно быть уделено наиболее уязвимым группам населения: детям, женщинам, людям преклонного возраста, инвалидам и беженцам. В отношении последних должны быть созданы пункты регистрации и постановки на учет во избежание вспышек мародерства [6]. Также временные органы управления, созданные победителем, обязаны оказать помощь комбатантам и всем лицам, принимавшим прямое или косвенное участие в боевых действиях, в специально созданных пунктах помощи. Наконец, должна быть проведена очистка окружающей среды (почвы, воды) и разминирование территории, поскольку если побежденное государство не будет в состоянии нормально функционировать по причине невозможности использовать его природные ресурсы и нетрудоспособности населения, его послевоенное состояние не может быть признано справедливым.

Второй этап справедливого послевоенного обустройства подразумевает восстановление экономики, а именно функционирования коммунальных (водо- и энергоснабжение), транспортных и коммуникационных систем на основе финансовых вложений победителя, иных членов международного сообщества, международных финансовых институтов. Данные меры основаны не только на моральных принципах, но и на международно-правовой основе. Многие государства являются членами экономических и политических объединений, и экономическая помощь членам организации является обязательным пунктом учредительного документа и контролируется соответствующими органами того или иного объединения.

Политическая реконструкция является третьим и наиболее сложным этапом восстановления послевоенной справедливости. Целью реконструкции не могут быть возвращение к статус-кво (поскольку именно такое положение дел и послужило поводом для начала военных действий), осуществление возмездия победившего государства над побежденным, произвольное и подчиненное прагматическим интересам победителя изменение государственного устройства, создание марионеточных режимов [7]. В данном контексте представляется неприемлемой идея о политическом дроблении государства, как предлагал американский политолог Г. Моргентау в отношении послевоенной Германии, или его полное поглощение другими государствами [8]. Тем не менее, изменение политической структуры государства является морально допустимым, если государство проводило насильственную политику к своим гражданам и гражданам других государств или осуществляло геноцид [8]. Характерным примером является политика гитлеровской Германии 1933—1945 гг. Такие политические системы представляют угрозу ценностям и правам человека, «политической независимости и территориальной целостности государств и мировому порядку» [8]. Поэтому победитель должен прибегнуть к созданию временного политического органа, который имеет авторитет среди населения и находится под контролем международных организаций.

Нужно отдавать себе отчет в том, что временные рамки вмешательства не могут быть узкими. Индикатором нормализации ситуации должны быть политическая стабильность и вовлеченность государства в мировую экономику. На реализацию данных целей могут уйти годы или даже десятилетия. И лишь по прошествии столь длительного периода реабилитации допустима окончательная замена военных рычагов управления на политические. Она осуществляется на основе вовлечения населения в разные виды экономической деятельности, затем — в функционирование гражданского общества и публичных институтов. Население должно осознать, что нарушение нарождающегося послевоенного порядка приведет к катастрофическим последствиям. Формирование такого осознания и является главным признаком нормализации жизни в стране.

В силу того, что война стала причиной экономических потерь и гибели людей с обеих сторон, моральные обязанности по восстановлению мира лежат и на проигравшей стороне.

Первым пунктом в списке ее обязанностей является выплата компенсаций за нанесенный ущерб. С точки зрения справедливости, вполне приемлемой мерой является конфискация имущества и финансовых активов политических и военных лидеров и передача их пострадавшей стороне. В большинстве случаев приобретение собственности и накопление капитала происходило незаконными способами: взяточничество, создание фиктивных фондов. Де-факто это средства, принадлежащие гражданам побежденной страны, но они не использовались ими или в их интересах. В случае нехватки этих средств для выплаты репараций победившая сторона должна использовать и иные источники, например, заключение выгодных для пострадавшей стороны торговых сделок, снятие пошлин на экспорт и т.д. Прямое налогообложение граждан для выплаты репараций является наименее обоснованным способом исполнения этой обязанности. При этом сумма репараций должна быть соответствующей характеру агрессии, степени нанесенного ущерба и уровню экономического развития, в противном случае проигравшая сторона не сможет восстановить экономику, находясь в постоянном поиске средств для выплаты долга.

Вторым пунктом является проведение специальных судов над военными преступниками. Ответственность за данные деяния лежит на отдельно взятой личности — в основном это политические и военные лидеры, отдающие приказы о совершении определенных действий, солдаты, выполнявшие данные приказы, полиция. Однако суд может осуществляться и над некоторыми политическими организациями, причастными к развязыванию агрессии и внедрению идеологий, на которые опиралась агрессивная политика. Отмечу, что преступления в большинстве случаев совершаются обеими сторонами конфликта, поэтому во избежание политики двойных стандартов и внесудебных актов возмездия все стороны конфликта должны представить международному трибуналу виновных в военных преступлениях с правом на защиту. Судебное разбирательство должно быть открытым, решения — справедливыми и соразмерными степени тяжести преступлений [5]. Отказ же от судебного преследования является пассивной формой одобрения несправедливости, попустительством злу и циничному безразличию к злодеяниям.

Приведенные выше рекомендации позволяют привести действия субъектов послевоенного урегулирования в соответствие с моральной ценностью справедливости. По моему глубокому убеждению, требования послевоенной справедливости нуждаются в формализации в виде целостной системы принципов или системы обязанностей. Международное сообщество также должно признать необходимость создания доктрины послевоенной справедливости и зафиксировать ее в соответствующих нравственных декларациях и нормативных документах. В противном случае отсутствие нравственной основы и юридической базы превратит действия субъектов послевоенного урегулирования в опасные и произвольные.

© Якушев Л.В., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р.Г. Апресяна. М.: Гардарики, 2002.
- [2] Якушев Л.В. Современные трансформации теории справедливой войны // *Этическая мысль*. 2016. Т. 16. № 2. С. 142—154.
- [3] Бордачев Т.В. «Новый интервенционизм» 90-х годов // *Pro et Contra*. 1998. Т. 3. № 4. С. 70—86.
- [4] Малеев Ю.Н. Концептуальное обоснование превентивной гуманитарной интервенции // *Международное право — International Law*. 2009. Т. 38. № 2. С. 6—20.
- [5] Orend B., *Justice after War* // *Ethics and International Affairs*. 2002. Vol. 16. N 1. P. 43—56.
- [6] Iasiello L.V. *Jus post bellum: The Moral Responsibilities of Victors in War* // *Naval War College Review*. 2004. Vol. 58. № 3. P. 33—52.
- [7] Bass G.J. *Jus Post Bellum* // *Philosophy and Public Affairs*. 2004. Vol. 32. № 4. P. 384—412.
- [8] Walzer M. *Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations*. 4th ed. New York: Basic Books, 1977.

Сведения об авторе:

Якушев Леонид Викторович — магистрант второго года обучения, кафедра этики, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; e-mail: etic@philos.msu.ru.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-401-406

ETHICAL ASPECTS OF OVERCOMING CLASSICAL ARMED CONFLICTS' CONSEQUENCES

L.V. Yakushev

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 27-4 Lomonosovsky prospect, 119991, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper carries out an ethical analysis of the political mechanisms of just restoration after war conflicts' ending. The basis of analyses is the Just War Theory's principles, and its result is the general parameters special, jus post bellum theory. Postwar justice hasn't received detailed consideration from ancient and medieval philosophers, but in modern era beginning from Kant has drawn many thinkers' attention. In contemporary post war justice conception key research subject is the moral foundations of

the compromise between all conflict parties in order to early violence's cessation. However, despite growing interest in the issue, a whole range of related questions remains unresolved, e.g. who is responsible for postwar justice restoration? what kind of measures should include the process of return to the world? how to justify these actions in accordance with international law, in particular the UN Charter? Proposed in the article system of measures could be one option to these questions.

Key words: morality, just war theory, postwar justice, humanitarian intervention, war reparations, court martial

REFERENCES

- [1] Koppiters B, Foushin N, Apresyan RG, editors. *Nravstvennye ogranicheniya voyny: problemy i primery*. Moscow: Gardariki; 2002. (In Russ).
- [2] Yakushev LV. Sovremennye teorii spravedlivoi voyny. *Eticheskaya mysl'*. 2016;16(2): 142—154. (In Russ).
- [3] Bordachev TV. “Novyi interventsionizm” 90-kh godov. *Pro et Contra*. 1998;3(4): 70—86. (In Russ).
- [4] Maleev YN. Kontseptual'noe obosnovanie preventivnoi gumanitarnoi interventsii. *Mezhdunarodnoe pravo — International Law*. 2009;38(2):6—20. (In Russ).
- [5] Orend B. Justice after War. *Ethics and International Affairs*. 2002;16(1):43—56.
- [6] Iasiello LV. Jus post bellum: The Moral Responsibilities of Victors in War. *Naval War College Review*. 2004;58(3):33—52.
- [7] Bass GJ. Jus Post Bellum. *Philosophy and Public Affairs*. 2004;32(4):384—412.
- [8] Walzer M. *Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations*. 4th ed. New York: Basic Books; 1977.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-407-410

ЛИДЕР КАК ТРАНСЛЯТОР ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В МЕНЕДЖМЕНТЕ

А.Ю. Глазов

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В статье рассматриваются особенности и важнейшие характеристики лидерства с целью определения лидера как посредника в этическом развитии персонала предприятия. Соблюдение лидером этических принципов является важным элементом современного менеджмента. Лидер как транслятор этических принципов задает общие ориентиры, обеспечивая эффективность управления в профессиональной среде.

Ключевые слова: лидер, профессионализм, этические нормы, этические принципы, менеджмент

В современном глобализирующемся мире для сохранения конкурентоспособности в любой области человеческой деятельности уже недостаточно высокой компетентности сотрудников, высоких стандартов качества работы, высокого уровня информационного обеспечения и наличия четкой стратегии. Сейчас важнейшим фактором обеспечения конкурентоспособности современной организации стала ее культура, которая базируется на определенных этических принципах и ценностях. В первую очередь, важна лидирующая роль руководства каждого уровня, без которой конструктивные преобразования затрудняются. Очевиден тот факт, что лидерство — важный элемент поддержки культуры в организации [1. С. 14].

Лидер обладает властью, которая позволяет контролировать действия других людей. Но настоящие лидеры не управляют путем осуществления власти, которая присуща их положению. Вместо этого они управляют с помощью авторитета, который берет начало в характере лидера. Те руководители, которым не хватает настоящего авторитета и кто постоянно осуществляет прямые властные действия, являются лидерами только по названию [2. С. 94].

Настоящее поднимает вопрос о необходимости выдвижения новых лидеров, которые смогли бы определить курс для выхода из экономического, политического, социального и экологического кризисов, найти оптимальный путь развития в будущем. Конечно, в этих условиях некоторые лидеры открыто превышают свои полномочия и узурпируют власть. Однако большинство является примером желаемого руководителя, а также идеального лидера. Подобные лидеры играют значительную роль при создании определенного образа мышления и служат символами нравственного единения общества. Лидеры выражают этику и этические ценности, которые объединяют все общество, или определенный коллектив, способности сотрудников творчески работать вместе для достижения общей цели. То, что

менеджер, который управляет поведением других людей, должен иметь лидерские качества, ни у кого не вызывает сомнения [3. С. 47].

Важнейшей характеристикой развития лидера, обеспечивающей его способность к продуктивному, творчески-созидательному труду, является профессионализм. В современном обществе основой профессионализма, наряду с соответствующими знаниями, умениями и навыками, становятся ценностно-нормативные, этические приоритеты, позволяющие выбирать оптимальные форматы выполнения своих профессиональных обязанностей [4. С. 120].

В данном ракурсе возникает необходимость рассмотрения этической направленности лидера. Лидер в основном служит источником ценностей и норм, составляющих группового мировоззрения. В целом, он отражает идеологию всего коллектива. В масштабах организации мировоззрение группы обычно больше соответствует образу мышления руководства, чем отдельных рядовых членов [5. С. 78]. Совокупность этических норм и принципов, которые действуют в конкретной компании, в конечном итоге, формируют корпоративную культуру компании [6. С. 64].

Корпоративная культура позволяет создавать порядок, обеспечивать целостность и сформировать чувство причастности к организации и преданность общему делу. Кроме того, корпоративная культура обеспечивает донесение до персонала предприятия этических принципов, которыми они должны пользоваться в своей рабочей деятельности [7. С. 73].

Однако достаточно часто даже признанные в организации лидеры и руководители формируют и развивают культуру субъективно и однобоко. Они ставят групповые задачи, основываясь на идеологической (ценностной) составляющей культуры [8. С. 209—210].

Для того чтобы решать проблемы формирования культуры в организации, необходимо иметь не просто руководителя, а руководителя-лидера, способного предвидеть его будущее. Лидеры определяют, какие атрибуты и этические принципы будут олицетворять культуру организации, способы поддержания корпоративного имиджа на высоком и одновременно обозримом для сотрудников уровне. Создание такой корпоративной культуры является непростой задачей, так как культура — это самая консервативная составляющая любой организации [9. С. 70].

Задача лидера состоит в том, чтобы эволюционно влиять на иерархию этических ценностей организации, распространять представление об этическом профиле компании с помощью различных способов информирования с целью закрепить его в сознании членов организации. Кроме того, лидер должен прилагать усилия для уверенности персонала в том, что этическая цель организации достигается. Лидеру присущи высокий уровень уверенности и решимости, а также знания о характере человеческой природы и социальных взаимоотношений. Этические задачи организации лидеры могут доносить группе в целом или найти партнеров, которые с легкостью их воспринимают. Лидер является главным носителем корпоративной культуры и этических принципов, а коллектив является своеобразным продолжением лидера. Исчезновение лидера приводит к упадку этики в организации. О силе воздействия лидера свидетельствуют факты присутствия

в корпоративной культуре зрелых компаний определенных этических образов, которые уходят своими корнями к первым руководителям и основоположникам.

Лидерство как субъект формирования этических принципов основывается на личностном росте и благосостоянии людей, с которыми общается лидер, так называемое «лидерство-служение». Такой тип лидерства обосновывает Бенджамин Лихтенвальнер в манифесте «Лидерство как служение». Отсюда этику в корпорации должны формировать лидеры-служители, то есть управлять через служение своим подчиненным.

Таким образом, быть лидером — значит не довольствоваться достигнутыми результатами. Лидеры всегда в движении, они меняются, пытаются совершенствоваться всю свою жизнь. Лидерство может сопровождаться славой или нет, но оно всегда сопровождается добродетелями, иначе это не настоящее лидерство. Добродетель нужно толковать как рост личности соответственно ее природе.

Лидер как субъект этики корпорации инициирует процесс формирования этических принципов, навязывая при этом коллективу свои собственные представления, и осуществляет управление ею путем использования власти, мотивации персонала, проведения кадровой политики, официального провозглашения миссии, философии, ценностей организации, внедрения обычаев и традиций, коммуникаций с последователями, критики их действий.

Руководители-лидеры управляют процессами формирования и соблюдения правил и норм корпоративной культуры, так как они осуществляют планирование, организацию, руководство и контроль. Именно поэтому их действия должны быть совместимы с понятиями и ценностями корпоративной культуры. Лидерами они становятся только тогда, когда личным примером и поведением демонстрируют отношение к делу и людей и придерживаются базовых представлений.

© Глазов А.Ю., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Адлер Ю.П.* Лидерство как механизм постоянного обеспечения конкурентоспособности // Стандарты и качество. 2000. № 10. С. 14—23.
- [2] *Жалевич А.М.* Мудрость лидера. М.: Эксмо, 2015.
- [3] *Дианин-Хавард А.К.* Нравственное лидерство. Путь формирования личности. М.: Лидерпром, 2012.
- [4] *Мухаметжанова В.С.* Этические нормы управленца высшей школы: Коллективная монография. М.: РУДН, 2016. С. 120—121.
- [5] *Черепанова Н.В., Тухватулина Л.Р.* Этика лидерства в современном управлении // Известия ТПУ. 2012. № 6. С. 66—71.
- [6] *Михайлина С.А.* Лидер и этические нормы организационной культуры // Власть. 2008. № 4. С. 61—65.
- [7] *Занковский А.Н.* Организационное лидерство в пространстве корпоративной культуры // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 145. С. 72—81.
- [8] *Сафина Д.М.* Влияние лидера на формирование организационной культуры // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 208—212.
- [9] *Пряхин Г.Н., Илларионова Н.А.* Лидерство в развитии культуры управления фирмой // Известия УрГЭУ. 2008. № 1. С. 69—75.

Сведения об авторе:

Глазов Алексей Юрьевич — студент 1 курса магистратуры кафедры этики факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; *e-mail*: ok.glazov@gmail.com.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-407-410

**LEADER AS AN EXPOUNDER
OF ETHICAL PRINCIPLES IN MANAGEMENT**

A.Y. Glazov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the most important characters of leadership for the purpose of defining leader as an expounder in the ethical development of the enterprise staff. Leader's adherence to ethical principles is the key element of modern management. Leader as an expounder of ethical principles provides the general guidelines, ensuring the effectiveness of management in the professional environment.

Key words: leadership, professionalism, ethical standards, ethical principles, management

REFERENCES

- [1] Adler YP. Liderstvo kak mekhanizm postoyannogo obespecheniya konkurentosposobnosti. *Standards and quality*. 2000: 10:14—23. (In Russ).
- [2] Zhalevich AM. *Mudrost' lidera*. Moscow: Eksmo; 2015. (In Russ).
- [3] Dianin-Khavard AK. *Nravstvennoe liderstvo. Put' formirovaniya lichnosti*. Moscow: Liderprom; 2012. (In Russ).
- [4] Mukhametzhanova VS. Eticheskie normy upravleniya vysshei shkoly. *Collective monograph. Etica vysshey shkoly*. Moscow: RUDN, 2016: 120—121. (In Russ).
- [5] Cherepanova NV, Tukhvatulina LR. Ethics of leadership in contemporary management. *Izvestiya TPU*. 2012: 6:66—71. (In Russ).
- [6] Mikhailina SA. Lider i eticheskie normy organizatsionnoi kul'tury. *Vlast*. 2008: 4:61—65. (In Russ).
- [7] Zankovskii AN. Organizational leadership in the space of corporate culture. *Izvestiya RPGU im. A.I. Gercena*. 2012: 145:72—81. (In Russ).
- [8] Safina DM. Vliyanie lidera na formirovanie organizatsionnoi kul'tury. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2011: 4:208—212. (In Russ).
- [9] Pryakhin GN, Illarionova NA. Liderstvo v razvitii kul'tury upravleniya firmoi. *Izvestiya UrGEU*. 2008: 1:69—75. (In Russ).

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-411-418

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИДЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В КИТАЕ

Чжан Жуньмэй

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Изучение взглядов, идей и работ Ф.М. Достоевского (1821—1881) в Китае XX в. были сопряжены с множеством трудностей и велись не постоянно. В статье анализируются четыре исторических этапа восприятия идей писателя в Китае: знакомство с творчеством Достоевского; популяризация идей писателя; спад популярности исследований, посвященных Достоевскому; новый взгляд на изучение его работ и идей.

Ключевые слова: «Движение за новую культуру», социальное сознание, всечеловеческое, идеи Достоевского, гуманизм, этические проблемы

Сегодня китайские ученые осознают высокую ценность и значительный вклад Ф.М. Достоевского не только в гуманитарную науку, но и в создание гармоничного общества. Они сосредоточивают внимание на исследовании таких философских идей писателя, как почвенность, экзистенциализм, гармония, гуманизм, всечеловеческое. Чтобы выбрать правильный путь изучения его взглядов сегодня, необходимо проанализировать характер исследований о Достоевском в Китае XX в. Мы можем разделить научно-исследовательскую деятельность, связанную с именем Достоевского, в основном на четыре этапа: первый период — начальное восприятие творчества Достоевского в Китае под влиянием социалистического движения в 10-х гг. XX в.; второй этап — популяризация Достоевского в Китае (критика в его адрес); третий этап — спад научных исследований, посвященных писателю; четвертый этап — достаточно зрелое, современное восприятие его идей.

1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В КИТАЕ

Современный китайский ученый Ма Иньмао (род. в 1970; Ma Yinmao, 马寅卯) и профессор китайского народного университета и редактор «Ежемесячного журнала исследований Лу Синя» Сунь Юй (род. в 1957; Sun Yu, 孙郁) считают, что «впервые имя Достоевского прозвучало в Китае в 1907-м году» [7. С. 16]. Однако только спустя 10 лет, в 1918 г. его произведения были представлены китайским читателям членами «Движения за новую культуру» (1). С момента образования данного движения до 20-х гг. XX в. в Китае переводились критические исследования по Достоевскому и западная, в том числе японская, критика его работ. Важный вклад в перевод и рецензирование произведений Достоевского внесли члены

«Литературного кружка» (2) Чжоу Цзожэнь (1885—1967; Zhou Zuoren, 周作人), Лу Синь (1881—1936; LuXun, 鲁迅), Шэнь Яньбин (1896—1981; Shen Yanbin, 沈雁冰) и др.

Сборник работ Чжоу Цзожэня под названием «Роман Ф.М. Достоевского» был опубликован в издании «Новая молодежь» в 1918 г. [10]. Вступительная статья Чжоу Цзожэня стала первой в Китае рецензией на роман Достоевского. Благодаря данной статье китайский народ начал знакомиться с писателем и его романом «Преступление и наказание». Китайские ученые полагают, что в своей работе Чжоу Цзожэнь высоко оценивал роман «Преступление и наказание». При переводе конечной части он делает вывод, что «Достоевский сосредоточен на описании души „маленьких людей“ в обществе». Он заключает, что «у „маленьких людей“ трагическая судьба, но в глубине их души присутствует доброта» [11. С. 52]. В 1919 и 1920 г. вышло четвертое издание «Сборника романов за границей», и в нем Чжоу Цзожэнь со своим братом Лу Синем собрали 20 статей русских и польских писателей, центральной идеей которых являлось переживания и размышления на тему «бедных людей».

Труды Достоевского, несомненно, отвечали духовным требованиям того периода и оказали сильное влияние на дальнейшие исследования о Достоевском и на «Движение за новую литературу». Современные китайские ученые сходятся во мнении, что Достоевский произвел на китайское общество сильное впечатление, потому что все его работы посвящены теме «жизни человека».

По словам современного китайского литературоведа Дина Шисиня (род. в 1975; Ding Shixin, 丁世鑫), кроме Лу Синя и Чжоу Цзожэня (которые читали оригинальные труды Достоевского), все остальные воспринимали его через призму взглядов иностранных исследователей. Например, в статье «Литература Достоевского и русская революционная психология» Г. Слоун утверждал, что «если мы хотим найти русского писателя, который более всех умеет описать революционную психологию, то только Ф.М. Достоевский — достойный» [4. С. 42]. Однако в китайском обществе формировалось впечатление, что Достоевский может описать только психологию революционной России. Такое узкое понимание, безусловно, препятствует восприятию и правильному пониманию творчества Достоевского. Таким образом, в 10-е гг. XX в. Достоевский был активно воспринят в Китае, однако необходимо отметить малочисленность материалов по данной теме. Кроме того, в условиях отсутствия переводов работ Достоевского китайские писатели зависели от западной критики его идей, и это повлияло на дальнейшие исследования и восприятие идей писателя в китайском обществе.

2. ИЗУЧЕНИЕ ИДЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И КРИТИКА В ЕГО АДРЕС

Период с 20-го г. по 40-е гг. XX в. — это основной этап перевода книг о Достоевском японских, советских и западных мыслителей в Китае. В 1921 г., на 100-летие со дня рождения Достоевского, печатные агентства издали четырнад-

цать критических статей, посвященных его творчеству. Китайский писатель Шэнь Яньпин внес значительный вклад в исследование идей Достоевского. Его диссертация является самой важной и основательной работой о Достоевском (1949) [8. С. 47]. Развивая мысль о гуманизме в диссертации «Идея Ф.М. Достоевского» (1922), Шэнь Яньпин цитировал множество иностранных исследователей творчества Достоевского, например, литературного критика Д.С. Мережковского (1865—1941) и датского литературоведа Г.М.К. Брандеса (1842—1927) [5]. На основании точек зрения иностранных исследователей Шэнь Яньпин концентрировался на идеях религии и веры, на изучении этических проблем, а также на политических идеях Достоевского.

Шэнь Яньпин признавал художественный талант Достоевского, но и критиковал его труд «Преступление и наказание». По мнению Шэня Яньпина, Достоевский является неоднозначным автором: в «Преступлении и наказании» он выступает против сложившихся в обществе традиций, но в то же время является сторонником консервативных идей, с помощью которых стремится устранить существовавшие в обществе идейные конфликты. С точки зрения Шэня Яньпина, Достоевский выражает идеи и взгляды мелкобуржуазной интеллигенции. Шэнь Яньпин не читал работы Достоевского в оригинале, а также недооценивал его идеи. В результате, опираясь в своем исследовании на мнения иностранных исследователей, он допустил много ошибок. Однако данная критика повлияла на восприятие идей Достоевского в Китае.

В то же время китайские ученые воспринимали идеи Достоевского через призму взглядов М. Горького. В 30-х гг. Горький был очень популярен в китайском обществе. Например, отзыв о Достоевском из его книги «Советская литература» (1934) оказал значительное влияние на восприятие Достоевского в Китае. Горький высоко оценивал талант писателя: «гениальность Достоевского неоспорима, по силе изобразительности его талант равен, может быть, только Шекспиру. Но как личность, как „судью мира и людей“ его очень легко представить в роли средневекового инквизитора» [3. С. 5]. Кроме этой рецензии Горький также противодействовал постановке спектакля «Бесы» в России и получил поддержку от советских литературных критиков.

Идеи Достоевского оказали значительное влияние на формирование социального сознания китайских ученых и писателей. Так, например, к идеям Достоевского обратился Лу Синь: до 30-х гг. он поддерживал идеи Толстого, а затем осознал, что идея Толстого «слишком слаба, чтобы излечить “болезненные явления” в китайском обществе» [7. С. 16].

В статьях Лу Синя наряду с идеями Достоевского присутствует и К. Маркс. Китайский мыслитель полагал, что Достоевский показал нам настоящую сущность общества — «бедных людей», и только на основе марксизма Китай может ликвидировать бедность. После 30-х гг. Лу Синь в основном критиковал отрицательные явления в обществе и призывал китайскую интеллигенцию вести с ними борьбу.

Делая вывод по второму периоду, мы можем отметить, что в это время был накоплен значительный объем знаний о Достоевском, однако в фундаменте этого

знания зачастую оказывались заимствованные неадекватные идеи. Важно отметить, что именно в этот период китайские писатели и исследователи начинают стремиться к глубокому изучению идей Достоевского. Кроме того, идеи Достоевского оказали значительное влияние на формирование социального сознания китайских интеллигенции, например, Лу Синя.

3. СПАД ПОПУЛЯРНОСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ О ДОСТОЕВСКОМ

С 40-х гг. XX в. до второй половины 70-х гг. волна китайских исследований, посвященных Достоевскому, сократилась. На это повлияли три исторических события.

Во-первых, в 40-х гг. Япония завоевала китайскую территорию и китайский народ находился в сложном социально-экономическом положении. Тем не менее китайские ученые все-таки переводили японские статьи о Достоевском, например, Сялиньсююн (Xiao lin xiu xiong, 小林秀雄) — «Жизнь Достоевского» (То сы то и фу сы цзи дэ шэн хо 妥斯脱益夫斯基的生活, 1944), Мичуаньчжэнфу (Mi chuan zheng fu, 米川正夫) — «Ф.М. Достоевский» (То сы то и фу сы цзи 朵斯脱益夫斯基, 1941).

Во-вторых, в 1949 г. Китай стал социалистической страной. Китайская политика повлияла на развитие литературы, поэтому китайские критики Достоевского повторяют те же оценки, что и в 20-х и 30-х гг. Нужно отметить, что китайские ученые в то время переводили посвященные ему работы. Например, русский литературовед и критик В.В. Ермилов (1904—1965) был одним из лидеров кампании против творчества Достоевского. Ермилов анализировал творчество Достоевского с точки зрения исторического и диалектического материализма. Больше всего он критиковал «„реакционные“ идеи Достоевского, который искажал и искривлял образы своих персонажей, что, безусловно, для искусства является недопустимым» [1. С. 148]. Однако в пятидесятые годы вышло «Избранное собрание сочинений Достоевского» в девяти томах (1950—1953), изданное книжным магазином «Вэньгуан» в Шанхае, и тогда китайские читатели смогли получить более целостное представление о творчестве русского автора.

В-третьих, с 1966 г. до 1976 г. китайская культурная революция оказала глубокое влияние на восприятие идей Достоевского. Китайские ученые не могли свободно высказывать свое мнение о Достоевском. Атеистическая критика была распространена среди китайских литературоведов, которые отрицали веру Достоевского. Большинство его работ было включено в список «реакционных» романов.

Мы можем отметить несколько характерных особенностей для этого периода, таких как ограниченность условий для исследований Достоевского, идейную зависимость китайских исследователей от политической конъюнктуры в целом и от революционных советских писателей и критиков в частности.

4. ЗРЕЛЫЙ ЭТАП ВОСПРИЯТИЯ ИДЕЙ ДОСТОЕВСКОГО

После второй половины семидесятых годов наступал зрелый этап восприятия идей Достоевского в Китае. В результате культурной революции пострадало много невинных людей, общество стало снова задумываться об идеях «добра и зла»,

и китайское правительство перестало жестко контролировать развитие литературы. В стране появилась более свободная атмосфера, которая позволяла заново читать и воспринимать идеи Достоевского. Нужно отметить идеи М.М. Бахтина, который заложил основы нового направления в литературоведении, получившего в русскоязычных работах конца 90-х гг. XX в. название «жанроведение». С момента возникновения переводов Бахтина и по настоящее время в Китае активно развиваются исследования идей и взглядов Ф.М. Достоевского в областях философии, литературы, религии, социологии и психологии. В 1981 г. на 100-летие со дня смерти писателя «Советская литература» издала переведенные романы Достоевского, а китайские ученые опубликовали несколько статей и отзывов на его работы, среди которых два раза появилось имя «Бахтин». В 1981 г. Ся Чжунъи подготовил перевод работы Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (То сы то е фу сы цзиши сюэ вэнь ти 陀思妥耶夫斯基诗学问题, 1979), а Гуанью Шэнью (1933—2012; Guan Shan, 关山) в 1981 г. перевел на китайский язык «Проблемы творчества Достоевского» (То сы то е фу сы цзи чуан цзо вэнь ти 陀思妥耶夫斯基创作问题 1929). Китайские ученые до сих пор исследуют Достоевского, опираясь на теорию М.М. Бахтина [9. С. 103]. Благодаря этой теории романы, которые ранее считались «реакционными», например, «Бесы» (1871), «Записки из подполья» (1864), сейчас рассматриваются по-новому.

В 1997 г. китайский переводчик Шэнь Чжэнь (род. 1933; Shen Zhen, 沈真) опубликовал перевод работы «Философия Ф.М. Достоевского» (То сы то е фу сы цзи цзэ сюэ 陀思妥耶夫斯基哲学, 1977) [6], автором которого является мюнхенский профессор и историк философии Райнхард Лаут. Эти труды активно способствуют исследованию Достоевского в Китае.

Научная деятельность по исследованию Достоевского развивается, но при этом обнаруживаются две проблемы: во-первых, надо отметить, что в конце XX в. в Китае еще не существовало собрания сочинений Достоевского — это было значительным недостатком для всестороннего исследования идей русского писателя. Как отметил современный ученый Ван Чжигэн, «первые переведенные на китайский язык труды Достоевского были выпущены позднее переводов Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева» [10. С. 118]. Во-вторых, существовала неточность переведенных трудов, например, относительно религиозных воззрений и веры Достоевского. Так, китайские переводчики Фэн Цзэнъи (род. в 1931; Feng Zengyi, 冯增义) и Сюй Чжэнья (род. в 1943; Xu Zhenya, 徐振亚) следующим образом перевели фрагмент письма Достоевского (1986): «я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки» («我是时代的孩童，直到现在，甚至(我知道这一点)直到进入坟墓都是一个没有信仰和充满怀疑的孩童») [2. С. 64], ошибочно проинтерпретированный как признание писателя в атеизме.

Подытоживая, мы можем сказать, что в XX в. китайские ученые в основном полностью заимствовали иностранные отзывы о Достоевском, и в процессе заимствования могло сформироваться ошибочное понимание его идей. Причиной являлось отсутствие переводов Достоевского или неадекватный перевод исследований,

посвященных ему, что мешало правильно оценивать идеи и взгляды писателя. Но важно отметить, что в XXI в. современный китайский переводчик Ван Чжигэн (1956 — наши дни; 王志耕, Wang Zhigeng) перевел и издал двадцать два тома романов Достоевского [10. С. 120]. Это, безусловно, способствует дальнейшим независимым исследованиям идейного состава творчества Достоевского в Китае.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Движение за новую культуру» (Синь вэнь хуа юань дун 新文化运动, 1915—1923) — это идейное течение в Пекине и Шанхае в годы Первой мировой войны. Идейным центром «Движения за новую культуру» стал журнал «Синь циньянь» («Новая молодежь»), издаваемый с 1915 г. под редакцией профессора Чэнь Дусю, а позже (с 1917 г.) декана факультета гуманитарных наук Пекинского университета. Под лозунгом «Наука и демократия!» это движение объединило наиболее передовую, молодую и образованную часть китайской интеллигенции.
- (2) «Литературный кружок» (Вэнь сюэ янь цзю хуй 文学研究会, 1921) был создан 4-го января 1921 г. в Пекине. Представителями являются Чжоу Цзожэн, Шэнь Яньбин, Чжэн Чжэньдо (1898—1958; Zheng Zhenduo, 郑振铎), Гэн Цичжи (1899—1947; Geng Jizhi, 耿济之), Ван Тунчжао (1897—1957; Wang Tongzhao, 王统照) и др. (всего более 170 человек). «Литературный кружок» не только публиковал журналы, редактировал книги, но и создал «Семинар чтений» (Ду шу хуй 读书会), в котором включены следующие кружки: китайский литературный кружок, английский литературный кружок, русский литературный кружок, японский литературный кружок, кружок поэм, кружок романов и т.д.

© Чжан Жуньмэй, 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дин Шисинь. Описание современных трудов иностранных исследований Достоевского // Шаньдунская научная газета института управления сельским хозяйством. Шаньдун, 2010 г. № 27(6). С. 146—148 (丁世鑫. 国外陀思妥耶夫斯基研究的现代著译述评 // 山东省农业管理干部学院学报. 山东, 2010年第27卷(6). С. 146—148).
- [2] Фэн Цзэньи, Сюй Чжэнья. Антология писем Достоевского // Жэнь минь вэнь сюэ чу бань шэ (Изд. «Народная литература»). Пекин, 1986. С. 64. (冯增义, 徐振亚. 陀思妥耶夫斯基选集书信选 // 人民文学出版社. 北京, 1986年. С. 64).
- [3] Горький М. О советской литературе // Синь шэн чу бань шэ (Изд. «Синьшэн»). Шанхай, 1937. С. 74 (高尔基. «高尔基论苏联文学». 上海新生出版社. 上海, 1937. С. 74).
- [4] Слоун Г.У. Литература Достоевского и русская революционная психология // Дунфан чжа чжи (журнал «Дунфан»). 1918 (15). С. 38—43 (乔治 乌 斯洛恩. 陀思妥耶夫斯基之文学与俄罗斯革命之心理 // 东方杂志. 1918 (15). С. 38—43).
- [5] Шэнь Яньпин. Идеи Достоевского // Сяо шуо юе бао (месячная газета прозы). 1922. 13(1). С. 14—20 (沈雁冰. 陀思妥耶夫斯基的思想. // 小说月报. 1922, 13(1). С. 14—20).
- [6] Лаут Р. Философия Ф.М. Достоевского. Переводчики Шэнь Чжэнь и др. // Дунфан чу бань шэ (Изд. «Дунфан»). Пекин, 1997. С. 468 (赖因哈德 劳特. 陀思妥耶夫斯基哲学. 沈真等译 // 东方出版社. 北京, 1997年. С. 468).
- [7] Сунь Юй. Лу Синь: выбор между Толстым и Достоевским // Гуан мин жи бао чу бань шэ (Изд. «Гуанминжибао»). Шанхай, 20.10.2014. № 16 (孙郁. 鲁迅: 在托尔斯泰与陀思妥耶夫斯基之间的选择 // «光明日报». 上海, 2014年10月20日16版).

- [8] Тянь Цюаньцзинь, Ван Шэнсы. Три лица Достоевского — Критическое исследование Достоевского в Китае // Научная газета технического университета. Ухань, 04.2006. 8(2). С. 46—51 (田全金, 王圣思. 陀思妥耶夫斯基的三副面孔-对中国陀氏研究的批判性考察 // 武汉科技大学学报(社会科学版). 武汉, 2006年04月第8卷(2). С. 46—51).
- [9] Цзэн Цзюнь. Восприятие Бахтина и китайское исследование Достоевского // ЖЭнь вэнь чжа чжи (Журнал «Жэньвэнь»). Сиань, 04.2003. С. 103—110 (曾军. 巴赫金接受与中国的陀思妥耶夫斯基研究 // 西安人文杂志. 西安, 2003年04月. С. 103—110).
- [10] Чжан Лэй. Резюме китайского исследования Достоевского в новом веке // Научная газета шэньчжэньского университета. Шэньчжэнь, 03.2014, 31(2). С. 119—123 (张磊. 新世纪中国陀思妥耶夫斯基研究综述. // 深圳大学学报(人文社会科学版). 深圳, 2014年03月第31卷(2). С. 119—123).
- [11] Чжоу Цзюэнь. Роман Достоевского // Си цинь нянь (Новая молодежь). Шанхай, 1918. № 4(1). С. 51—52 (周作人. 陀思妥耶夫斯基之小说. // 新青年. 1918, 4(1). С. 51—52).

Сведения об авторе:

Чжан Жуньмэй — аспирантка кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-3-411-418

THE PECULIARITY OF THE PERCEPTION OF VIEWS AND IDEAS F.M. DOSTOEVSKY IN CHINA

Zhang Runmei

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. History of study of Dostoevsky in the twentieth century in China is characterized by instability and difficulty. This article examines four historical stages of perception of the views and ideas of F.M. Dostoevsky (1821—1881) in China: acquaintance with the works of Dostoevsky; the promotion of the ideas of Dostoevsky; a decline in the popularity of studies on Dostoevsky; a new perspective on the study of his works and ideas.

Key words: “The movement for new culture”, the social consciousness, universal values, the ideas of Dostoevsky, humanism, ethical problems

REFERENCES

- [1] Din SHisin'. Opisanie sovremennyh trudov inostrannyh issledovaniy Dostoevskogo. *SHan'dunckaja nauchnaja gazeta instituta upravlenija sel'skim hozjajstvom*. SHan'dun. 2010;27(6): 146—148.
- [2] Fjen Czjen#,i, Sjuh CHzhjen'ja. Antologija pisem Dostoevskogo. *ZHjen' min' vjen' sjuje chu ban' shje* (Izd. «Narodnaja literatura»). Pekin, 1986. p. 64.
- [3] Gor'kij M. O sovetskoj literature. Sin' shjen chu ban' shje (Izd. «Sin'shjen»). SHanhaj, 1937. p. 74.
- [4] Sloun GU. Literatura Dostoevskogo i russkaja revoljucionnaja psihologija. *Dunfan chzha chzhi* (zhurnal «Dunfan»). 1918;15:38—43.

- [5] SHjen' JAn'pin. Idei Dostoevskogo. *Sjao shuo jue bao* (mesjachnaja gazeta prozy). 1922;13(1): 14—20.
- [6] Laut R. *Filosofija F.M. Dostoevskogo*. Perevodchiki SHjen' CHzhjen' i dr. Dunfan chu ban' shje (Izd. «Dunfan»). Pekin, 1997. p. 468.
- [7] Sun' JUj. Lu Sin': vybor mezhd u Tolstym i Dostoevskim. Guan min zhi bao chu ban' shje (Izd. «Guanminzhibao»). SHanhaj, 2014 Sept 20:16.
- [8] Tjan' Cjuan'czin', Van SHjensy. Tri lica Dostoevskogo — Kriticheskoe issledovanie Dostoevskogo v Kitae. *Nauchnaja gazeta tehničeskogo universiteta*. Uhan', 2006 April:8(2).
- [9] Czjen Czjun'. Vosprijatie Bahtina i kitajskoe issledovanie Dostoevskogo. *ZHjen' vjen' chzha chzhi* (ZHurnal «ZHjen'vjen'»). Sian', 2003 April:103—110.
- [10] CHzhan Ljej. Rezjume kitajskogo issledovanija Dostoevskogo v novom veke. *Nauchnaja gazeta shjen'chzhjenskogo universiteta*. SHjen'chzhjen', 2014 March;31(2):119—123.
- [11] CHzhou Czozhjen'. Roman Dostoevskogo. *Si cin' njan'* (Novaja molodezh'). SHan'haj, 1918; 4(1):51—52.